

МВД России
Санкт-Петербургский университет

П.Д. Николаенко

**ПОРТРЕТЫ МИНИСТРОВ
В.П. КОЧУБЕЯ И А.Д. БАЛАШОВА**

Монография

Санкт-Петербург
2018

Николаенко П.Д.

Н 63 Портреты министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова:
монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России,
2018. – 196 с.

ISBN 978-5-91837-080-3

В монографии впервые в отечественной историографии представлены исторические портреты князя Виктора Павловича Кочубея и генерала Александра Дмитриевича Балашова, стоявших у истоков образования МВД и Министерства полиции. С их именами связаны административные преобразования в области становления и развития центральных органов управления правоохранительной системы России в первой трети XIX в., участие в других реформаторских начинаниях в период царствования Александра I.

В работе показаны взаимоотношения между В.П. Кочубеем и А.Д. Балашовым; роль министра внутренних дел в карьерном росте будущего министра полиции России; их симпатии и антипатии, отношение к подчиненным, поведение в семье. Все это прослеживается на фоне событий того времени.

Книга адресована историкам и юристам, преподавателям и адъюнктам, курсантам и слушателям учебных заведений МВД России, практическим работникам правоохранительных органов, а также всем интересующимся отечественной историей.

УДК 929
ББК 63.3 (2)5

Рецензенты

Андреева Т.В., доктор исторических наук
(Санкт-Петербургский Институт истории РАН);

Яковлев К.Л., доктор юридических наук, доцент
(Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации);

Борисов А.В., кандидат юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

ISBN 978-5-91837-080-3

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2018

Оглавление

ОТ АВТОРА.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. НАЧАЛО СЛУЖЕБНОЙ КАРЬЕРЫ МИНИСТРОВ В.П. КОЧУБЕЯ И А.Д. БАЛАШОВА В ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I.....	11
1.1. Первые шаги В.П. Кочубея на службе государевой	11
1.2. А.Д. Балашов: от пажа в эпоху Екатерины II до Ревельского военного губернатора при Павле I	24
ГЛАВА II. В.П. КОЧУБЕЙ И А.Д. БАЛАШОВ В ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I (1801–1825).....	40
2.1. Граф В.П. Кочубей на посту министра внутренних дел	40
2.2. В.П. Кочубей в судьбе первого министра полиции России А.Д. Балашова.....	49
ГЛАВА III. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ В.П. КОЧУБЕЯ И А.Д. БАЛАШОВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	64
3.1. Граф В.П. Кочубей: «Не было министра в России просвещеннее и способнее к его званию»	64
3.2. Портрет министра полиции А.Д. Балашова: «Одарен был всеми достоинствами и качествами администратора».....	96
3.3. Характеристика министров В.П. Кочубея, А.Д. Балашова в воспоминаниях современников	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	156
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	165

Каждый должен... заплатить дань службою Отечеству.

*Из письма В.П. Кочубея А.Д. Балашову.
СПб, 1806 г.*

ОТ АВТОРА

В монографии впервые представлены социально-политические портреты двух неординарных личностей эпохи Александра I – первых министров двух ведущих ведомств правоохранительной системы России в первой трети XIX в. Интерес к данной проблеме у автора появился давно, но реализовать задуманное стало возможно лишь сейчас. В 2018 году отмечается 300-летний юбилей российской полиции, который вызвал у историков и юристов живой интерес к изучению государственной деятельности тех руководителей, которые стояли у истоков и внесли существенный вклад в создание и укрепление отечественных органов правопорядка. В ряду таковых по праву ведущее место принадлежит первому министру внутренних дел В.П. Кочубею и министру полиции А.Д. Балашову.

Положительная оценка читателями монографий о министрах В.П. Кочубее и А.Д. Балашове¹ побудила автора написать их социально-политические портреты, характеристика которых в научных исследованиях и другой литературе весьма разноречива и не всегда справедлива.

Автор сосредоточился в основном на анализе деловых и нравственных качеств этих деятелей, на проблемах, которым дается различная оценка мемуаристами и исследователями.

Впервые показана роль министра В.П. Кочубея в карьерном росте А.Д. Балашова на поприще полицейской службы и его крайне негативная оценка участия министра полиции в клеветнической кампании против М.М. Сперанского, его аресте и ссылке.

Знакомясь с деловыми и нравственными качествами и стилем работы министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова, можно будет получить полезный опыт для сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации.

¹ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2009. – 786 с.; Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2017. – 780 с.; Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 324 с. Напомним, что в документальных источниках встречается написание фамилии «Балашев». Автор, как большинство современных исследователей, в своей работе придерживается транскрипции «Балашов».

ВВЕДЕНИЕ

В первой трети XIX в. общая тенденция развития органов полиции сводилась к последовательному усилению централистских начал в руководстве ими, более четкому определению статуса полиции, ее роли и месте в государственном механизме.

В этих реформаторских начинаниях по усилению централистских начал в руководстве российской полицией несомненная заслуга принадлежит В.П. Кочубею и А.Д. Балашову, которые стояли у истоков создания МВД и Министерства полиции, внесли значительный вклад в их становление и развитие. Заслуга В.П. Кочубея состоит еще и в том, что по его рекомендации А.Д. Балашов в 1804 г., оставив военную службу, вступил на полицейскую стезю, где началось его быстрое продвижение от обер-полицмейстера до министра полиции.

В.П. Кочубей и А.Д. Балашов, будучи разными по характеру, воспитанию и образованию, были схожи в судьбе. Оба родились почти в одно и то же время; В.П. Кочубей был лишь двумя годами старше А.Д. Балашова. Их служебная карьера не протекала по накатанной дороге, были взлеты и падения. Их жизненный путь закончился в 30-е гг. XIX в.: В.П. Кочубей умер в возрасте 66 лет в июне 1834 г., А.Д. Балашов скончался в мае 1837 г. в возрасте 67 лет. Обоих смерть настигла в дороге. В.П. Кочубей скончался в Москве, направляясь в с. Диканьку Полтавской губернии. А.Д. Балашов собрался на воды в Европу, но едва добрался до Кронштадта, как болезнь обострилась, и 8 мая 1837 г. он скончался в присутствии своих сыновей.

Анализируя деловые качества министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова, следует сказать, что оба обладали необыкновенной работоспособностью и целеустремленностью в достижении поставленной цели. Именно эти качества немало содействовали их ускоренному продвижению по служебной лестнице: В.П. Кочубея на первых порах в сфере дипломатической, А.Д. Балашова в области военной.

Их воспитание и становление началось при Екатерине II, что подробно освещается в монографиях, посвященных жизни и государственной деятельности В.П. Кочубея¹ и А.Д. Балашова².

На первых порах наиболее успешно складывалась карьера у В.П. Кочубея: в неполные 24 года императрица Екатерина II назна-

¹ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России: монография. СПб., 2009. С. 47–93.

² Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России. С. 18–22.

чает его полномочным министром в Турцию. А.Д. Балашов, окончив в 1791 г. первым учеником Пажеский корпус, служил в гвардии, затем в войсках.

При Павле I карьеру делали весьма быстро не только благодаря фаворитизму, «доброму случаю». При новом императоре высоко ценились и деловые качества, которыми бесспорно обладали В.П. Кочубей и А.Д. Балашов: работоспособность, профессионализм, аккуратность и безукоризненная исполнительность. В.П. Кочубей становится вице-канцлером Коллегии иностранных дел, представляется к наградам. Успешно складывается военная служба у А.Д. Балашова. Однако вскоре оба оказались в опале.

Наиболее известную роль в государственной жизни России В.П. Кочубею и особенно А.Д. Балашову предстояло сыграть в годы правления Александра I. Граф В.П. Кочубей при молодом императоре становится сенатором и членом Негласного комитета по осуществлению либеральных преобразований.

Впервые показана роль министра В.П. Кочубея в карьерном росте А.Д. Балашова на поприще полицейской службы. Вступление Александра I после Тильзитского мира на путь сближения с наполеоновской Францией предопределило переход В.П. Кочубея из ближайших друзей императора в оппозицию и затем в добровольную отставку, длившуюся более 12 лет.

Вместе с тем, как уже отмечалось, при непосредственном участии В.П. Кочубея с 1804 г. начинается новый виток успешной карьеры генерала А.Д. Балашова, правда, уже на поприще службы в полиции. После Отечественной войны 1812 г. А.Д. Балашову, назначенному на должность генерал-губернатора округа, по высочайшей воле Александра I поручается начать осуществлять реформу в области местного самоуправления. Это было последнее особой важности государственное поручение бывшему министру полиции. С приходом к власти Николая I генерал от инфантерии А.Д. Балашов сходит с поприща полицейской службы и заканчивает свой жизненный путь в узком кругу родных и близких.

Зато В.П. Кочубей в годы правления Николая I, став ключевой фигурой среди высших сановников, до своей кончины оставался ближайшим советником императора, председателем Государственного совета и Комитета министров.

Касаясь степени научной разработки интересующей нас темы, следует заметить, что в отечественной историографии это первая попытка комплексно воссоздать портреты двух министров, проанализи-

ровать их общие и особенные деловые и нравственные качества, другие человеческие черты.

Острая потребность современной России в кадрах, в том числе правоохранительных органов, имеющих опыт организаторской работы, способных творчески использовать исторический опыт в новых условиях, определяет актуальность избранной темы и является основанием для ее выбора в качестве предмета самостоятельного комплексного исследования.

Объект исследования. Внутренняя политика, преобразовательная практика и реформаторские поиски верховной власти России в первые десятилетия XIX в.

Предмет исследования. Государственная деятельность министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова в контексте правительственной политики в эпоху правления Александра I.

Цель исследования. Всестороннее изучение деловых, морально-политических, нравственных и других качеств В.П. Кочубея и А.Д. Балашова, видных представителей управленческой элиты России первой трети XIX в.

В соответствии с целью исследования ставятся следующие **задачи:**

1. Изучить процесс становления общественно-политических взглядов В.П. Кочубея и А.Д. Балашова на основе анализа системы их воспитания, образования и влияния ближайшего окружения.

2. Выявить причины стремительного карьерного роста на государственной службе В.П. Кочубея и А.Д. Балашова в годы царствования Екатерины II и Павла I.

3. Исследовать деятельность В.П. Кочубея в качестве министра внутренних дел России в 1802–1807 и 1819–1823 гг.

4. Оценить роль В.П. Кочубея в судьбе А.Д. Балашова, в принятии его на службу в полицию, заботу о его служебном росте. Попытаться ответить на вопрос, что побудило В.П. Кочубея, всегда владевшего своими чувствами, крайне негативно оценить перед императором Александром I деятельность генерала А.Д. Балашова на посту министра полиции.

5. Реконструировать социально-политические портреты В.П. Кочубея и А.Д. Балашова, показав их деловые и моральные качества, стиль работы с подчиненными.

Хронологические рамки исследования – годы жизни В.П. Кочубея (1768–1834) и А.Д. Балашова (1770–1837).

В отечественной историографии личность В.П. Кочубея в целом не была обделена вниманием исследователей¹.

В монографии П.Д. Николаенко впервые в главе «Не было министра просвещеннее и способнее к его званию» помещен раздел под названием «Социально-политический портрет князя В.П. Кочубея»².

Что же касается государственной деятельности первого министра полиции генерала А.Д. Балашова, то она оставалась на обочине отечественной историографии. Единственная работа Д.И. Мацкевича, вышедшая в свет в 1847 г., фрагментарно прослеживает основные вехи жизненного и служебного пути А.Д. Балашова³. При этом в работе лишь упоминается о его назначении министром полиции.

Спустя 15 лет доктор права и философии, петербургский профессор Н.В. Варадинов в многотомном исследовании по истории МВД дает авторскую оценку деятельности Министерства полиции⁴. Другие дореволюционные авторы юбилейных изданий истории министерской системы в России кратко характеризуют А.Д. Балашова как министра полиции⁵. Военный историк, активный участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии, А.И. Михайловский-Данилевский, используя собственноручные «Записки...» А.Д. Балашова, написал биографический очерк, в котором осветил основные этапы его жизни и государственной службы⁶.

Советская историография ограничилась освещением роли А.Д. Балашова в создании Министерства полиции и основных направлений его деятельности лишь в общем контексте истории полицейского ведомства и истории государственного управления⁷.

¹ См. подробный обзор историографии проблемы в работах Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 10–46; Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей и проблема реформирования аппарата государственного управления в России в первой трети XIX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2013. С. 10–28.

² Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 392–404, 422–439.

³ Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашова. СПб., 1847. – 18 с.

⁴ Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Ч. 1–3. Кн. 1–7. СПб., 1858–1863. Ч. 2. Кн. 1. С. 21–39.

⁵ Адрианов А.С. Министерство внутренних дел: истор. очерк. 1802–1902. СПб., 1901. – 335 с.; Довнар-Запольский М.В. Зарождение министерств в России. М., 1912. – 84 с.; Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. – 366 с.

⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего Дворца: в 6 т. СПб.: Изд. И. Песоцкого. Т. 6. СПб., 1850. – 298 с.

⁷ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1987. – 288 с.; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд. доп. / под ред. А.Е. Иванова, А.Д. Степанского. М.: РГГУ, 2008. – 710 с.

И только современный исследователь А.В. Борисов уделил особое внимание А.Д. Балашову и его роли в создании Министерства полиции¹.

На рубеже XX–XXI вв. вырос интерес историков и юристов к управленческой элите первой половины XIX в. Появились справочные издания², диссертационные исследования³ о жизни и государственной службе А.Д. Балашова.

Развернувшаяся организационно-просветительская кампания по достойной встрече 300-летия российской полиции вызвала новую волну научного интереса у исследователей истории правоохранительных органов России⁴.

В 2016 г. известные историки-правоведы А. Борисов, А. Малыгин и Р. Мулукаев подготовили коллективный труд, посвященный 300-летию российской полиции⁵. В главе I «Короткий век Министерства полиции» идет речь об истории его создания, о первом министре А.Д. Балашове, причине его ухода с этой должности и включении в состав свиты императора Александра I накануне Отечественной войны 1812 г.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется, что к 300-летию российской полиции будет полезным подготовить научное издание «Портреты министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова».

¹ Борисов А.В. Руководители карательных органов дореволюционной России. М.: Академия МВД СССР, 1979. – 150 с.; Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. – 316 с.; Министерство полиции царской России // МВД России. Энциклопедия / Под ред. В.Ф. Некрасова. М.: Объединенная редакция МВД России, 2002. С. 299–300.

² Голь Н.М. Первоначальствующие лица: история одного города. СПб., 2001. С. 210–220. Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб.: Лики России, 2008. – 693 с.; Федорченко В.И. Императорский дом: Выдающиеся сановники: в 2 т. Т. 2. М.: Олма-Пресс; Красноярск: Бонус, 2001. С. 60–64.

³ Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX века (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. – 695 с.; Дзьоник В.Р. Министерство полиции России в период образования и Отечественной войны 1812 г.: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. – 174 с.; Скрыдлов А.Ю. Жизнь и государственная деятельность Александра Дмитриевича Балашова (1770–1837): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. – 216 с. Он же. На службе России: Александр Дмитриевич Балашов. 1770 – 1837: монография. СПб.: Петрополис, 2016. – 264 с.

⁴ Министерство внутренних дел. 1902 – 2002. Исторический очерк / под общ. ред. министра внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиева. М.: Объединенная редакция МВД России, 2004. – 648 с.; Николаенко П.Д. 200 лет на службе России (Из истории малороссийского рода Кочубеев): монография / предисл. Р.Ш. Ганелина. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2014. – 272 с.; Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 324 с.

⁵ Борисов А. Три века российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. М.: РИ-ПОЛ-классик. 2016. – 608 с.

Автор на базе архивных и опубликованных документов, а также на основе своих монографических исследований осуществил реконструкцию социально-политических портретов В.П. Кочубея и А.Д. Балашова через призму их государственной деятельности в первой трети XIX в.

В работе использовались как опубликованные источники, так и архивные материалы, представленные 25 фондами 6 архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы и Украины, Российской Национальной Библиотеки (СПб): Научно-исследовательский архив СПб ИИ РАН (Ф. 16), РГИА (Ф. 468, 844, 892, 1167, 1263, 1285, 1286, 1640, 1681), РГА ВМФ (Ф. 205, 227, 283), Отдел рукописей РНБ (Ф. 124, 143, 152, 387, 542, 637, 731, 795, 1000, 1165), ГАРФ (Ф. 109, 1165), АВПРИ МИД РФ (Ф. 89), Державный архив Полтавской области (Украина) (Ф. 1071).

Среди опубликованных источников особое значение имеют законодательные акты, изданные в Полном собрании законов Российской империи¹. Несомненную ценность представляют воспоминания самого А.Д. Балашова – «Записки касательно моей жизни»², охватывающие период с его рождения до конца 1819 г., то есть до его назначения генерал-губернатором округа.

Фонд письменных документов по исследуемой проблеме существенно дополняется эпистолярными источниками, позволяющими порой получить уникальную информацию о наших героях, познать многие черты их характеров, отношение к событиям и людям своего времени, уточнить некоторые вехи их биографий.

Настоящая работа, которая выносит на суд читателей министров князя В.П. Кочубея и генерала А.Д. Балашова, является первой в отечественной историографии.

В научный оборот впервые введены архивные документы: переписка В.П. Кочубея с А.Д. Балашовым, царствующими особами, многочисленными лицами разного социального положения.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов «История органов внутренних дел России», «Отечественная история», «История государства и права России», написании учебников и учебных пособий в воспитательной и культурно-просветительной работе с личным составом правоохранительных органов России в преддверии 300-летия российской полиции.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1): в 45 т. СПб., 1830.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217.

ГЛАВА I.

НАЧАЛО СЛУЖЕБНОЙ КАРЬЕРЫ МИНИСТРОВ В.П. КОЧУБЕЯ И А.Д. БАЛАШОВА В ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

1.1. Первые шаги В.П. Кочубея на службе государевой

Виктор Павлович Кочубей родился 11 ноября 1768 г. в Малороссии, в городе Глухове Черниговской губернии в семье главы полтавского подкоморного суда Павла Васильевича Кочубея, внука генерального судьи Василия Леонтьевича Кочубея, казненного гетманом Мазепой. Мать Виктора Павловича, Ульяна Андреевна, была сестрой выдающегося екатерининского сановника Александра Андреевича Безбородко. Из-за сурового нрава своего зятя, Павла Кочубея, а также болезни его супруги А.А. Безбородко в конце 1775 г. забирает их сыновей Аполлона и Виктора в Петербург.

Племянников А.А. Безбородко, которые переехали в Петербург, ждала типичная судьба богатых дворянских детей эпохи царствования Екатерины II – возможность получения военного или, реже, университетского образования, устройства служебной карьеры на военном или гражданском поприще.

Используя свое влиятельное положение при дворе Екатерины II, А.А. Безбородко стал весьма быстро продвигать племянников по служебной лестнице. В июле 1776 г. старший племянник, Аполлон, числился ординарцем при князе А.А. Прозоровском; Виктор был записан в лейб-гвардии Измайловский полк капралом, а 30 августа произведен в фурыеры. Усилиями дяди и его влиятельных друзей, в частности, генерал-аншефа Николая Васильевича Репнина, восьмилетний Виктор Кочубей 24 ноября 1776 г. был произведен в сержанты, не приступая к действительной службе в полку¹.

Одновременно в начале 1776 г. А.А. Безбородко определяет В.П. Кочубея в лучший столичный пансион господина де Вильнева, бывшего преподавателя короля Швеции Густава III. Учеба любимому племяннику давалась легко, после окончания пансиона он продолжал

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 6. Д. 3687. Л. 33 об. В письмах А.А. Безбородко к отцу сообщается о том, что Виктору Кочубею звание «фурьера» (унтер-офицера) присвоили 30 августа, а 24 ноября 1776 г. он произведен в сержанты, однако в послужном списке В.П. Кочубея по состоянию на 6 декабря 1831 г. записано, что унтер-офицером он стал 29 августа, а сержантом – 25 ноября 1776 г.

упражняться в университетских науках, в 1781–1784 гг. Виктор прошел курс обучения в Женевском университете.

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на все личные способности и таланты, главную роль в его служебной карьере в этот период играла все-таки протекция и разнообразная поддержка чрезвычайно влиятельного А.А. Безбородко. Именно с его помощью в 1784 г. пятнадцатилетний Виктор Кочубей зачисляется на действительную службу, получает первый офицерский чин прапорщика и назначение на должность адъютанта к князю Г.А. Потемкину. Еще А.А. Безбородко выхлопотал у Екатерины II разрешение отправить своего племянника за границу для дальнейшего обучения, с правом прикрепления его к русской дипломатической миссии в Швеции на 2 года.

Своеобразная командировка на учебу молодого В.П. Кочубея была официально согласована на самом высоком уровне летом 1784 г. и одобрена шведским королем Густавом III во время его встречи в Неаполе с русским дипломатом графом А.И. Морковым, направлявшимся в это время послом в Швецию. Проведя лето у родителей на Полтавщине, В.П. Кочубей вместе с А.И. Морковым 14 декабря 1784 г. отправился в Швецию¹.

В первый год своего пребывания в Стокгольме В.П. Кочубей продолжал старательно учиться. Он посещал занятия в Упсальском университете, прилежно конспектируя лекции лучших профессоров, особенно по политическим и юридическим наукам. По просьбе А.А. Безбородко, с целью проведения дополнительных занятий на дому и осуществления постоянного наблюдения за самообразованием его племянника были приглашены репетиторы из числа ведущих профессоров университета.

Во второй год своего обучения в Швеции В.П. Кочубей начинает активно вникать в работу канцелярии русской дипломатической миссии в Стокгольме. Его наставником до мая 1786 г. был статский советник Аркадий Иванович Морков, русский посланник при шведском дворе. Он говорил и писал на семи иностранных языках, в особенности на французском, который знал как свой родной русский².

А.И. Морков по достоинству оценил трудолюбие В.П. Кочубея, стремление к учебе и допустил его к изучению важнейшей документации посольства. Кочубей выполняет свою работу в качестве факти-

¹ Кочубей В.П. // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. 9. С. 366.

² Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 60.

чески заведующего канцелярией дипломатической миссии, в том числе ведет переписку с Петербургом, составляет депеши на русском и французском языках. Кроме того, в качестве курьера он совершает ряд поездок в российскую столицу с ответственными поручениями.

В мае 1786 г. В.П. Кочубей привез из Санкт-Петербурга решение об отзыве А.И. Моркова из Швеции из-за его «остроты» (решение было принято по просьбе короля Густава III) и назначении вместо него на должность графа Андрея Кирилловича Разумовского¹. Аркадия Ивановича Моркова подвели самонадеянность и заносчивость. Виктор Кочубей всегда вспоминал с глубоким почтением о своем бывшем начальнике, но в письме к С.Р. Воронцову в Лондон 5 октября 1793 г. вынужден был заметить, что «заносчивость его не имеет пределов»².

Под началом нового руководителя дипломатической миссии, А.К. Разумовского, Виктору Кочубею пришлось работать недолго. По семейным обстоятельствам он вскоре оставил Швецию и вернулся в Санкт-Петербург.

По случаю смерти отца, Павла Васильевича Кочубея, Екатерина II разрешила отозвать В.П. Кочубея из Стокгольма и отправить его вместе с братом в бессрочный отпуск для устройства домашних дел. В августе 1786 г. братья уехали в родовое имение Диканьку, что на Полтавщине, где находились до конца года. Уладив вскоре свои наследственные и хозяйственные дела, молодые Кочубеи возвратились в Петербург.

Описанная выше «стажировка» в российском посольстве в Швеции позволила В.П. Кочубею приобрести не только новые знания, но и первые навыки работы на дипломатическом поприще.

Получив чин камер-юнкера, В.П. Кочубей стал часто бывать при императорском дворе, в конце 1786 г. был зачислен в свиту Екатерины II на время ее путешествия в Крым, с обязанностью «постоянно состоять при Ее Императорском Величестве»³.

Это «историческое путешествие» было рассчитано на 6 месяцев и предпринято с целью обозрения хода благоустройства Крыма, присоединенного к России в 1783 г. В силу ряда причин поездки Екатерины II неоднократно откладывалась, в том числе из-за эпидемии чумы в южных районах империи. Наконец, 2 марта 1786 г. указом Сена-

¹ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 388–389.

² Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 20.

³ Григорович Н. Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1. С. 232.

та было объявлено о подготовке к путешествию, которое должно начаться в январе следующего года.

В Петербурге вся разносторонняя и обременительная работа по подготовке поездки императрицы легла на плечи А.А. Безбородко. При его участии был составлен план поездки, который включал в себя состав свиты, маршрут движения, остановки для отдыха, обеда и ночлега, уведомление местных властей о времени организации встречи с императрицей и т.д. На местах вся подготовка велась под непосредственным руководством князя Г.А. Потемкина. Строительство путевых дворцов и ремонт дорог осуществлялись в течение всего 1786 г.

Долгожданная поездка началась 7 января 1787 г. В этот день Екатерина II выехала из Царского села в Крым. «Поезд» императрицы состоял из 14 карет, 124 саней с кибитками и 40 запасных саней. Для обслуживания и обеспечения безопасности крымского путешествия Екатерины II и ее свиты, состоящей из шести-семи десятков человек, было задействовано более 40 000 человек. На покрытие расходов было отпущено 4 000 000 рублей. Их должны были, по большей части, возместить местные органы власти тех территорий, по которым пролегал маршрут.

Часть свиты отправилась раньше, чтобы заблаговременно на местах готовиться к встрече императрицы. При Екатерине II в этой поездке состояли три иностранных дипломата, находившиеся в должности посла в России: австрийский граф Кобенцель, английский Фитц-Герберт и французский граф Сегюр. В свите, помимо прочих, числились камер-фрейлина А.С. Протасова, камергер А.Ю. Нелединский-Мелецкий, флигель-адъютант А.М. Дмитриев-Мамонов (фаворит императрицы – П.Н.), Л.А. Нарышкин, камер-юнкеры В.П. Кочубей и граф П.А. Шувалов¹.

Гофмейстер Александр Андреевич Безбородко также сопровождал императрицу в качестве министра иностранных дел. Всем русским послам и посланникам было предписано на период путешествия отправлять все донесения на его имя. Граф А.А. Безбородко успешно справился с обязанностями министра в составе свиты Екатерины II. Во время переговоров с польским королем Станиславом Августом и австрийским императором Иосифом II, в ходе ежедневных контактов с дипломатическими посланниками Австрии, Англии и Франции Александр Андреевич проявил себя как опытный и блестящий ди-

¹ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 64.

пломат. Своим дипломатическим искусством он содействовал императрице во время ее встречи с Иосифом II, которая привела к заключению австро-русского союза перед грядущей войной с Турцией¹.

А.А. Безбородко, постоянно беседуя с иностранными спутниками на международные темы и внимательно наблюдая за их поведением, сумел распознать позицию англичанина Фитц-Герберта, противоречащую российским государственным интересам, и вскоре по приезде в столицу добился его замены на более лояльного посла Витворта². Помимо этого, Александр Андреевич во время путешествия императрицы показал себя радушным хлебосольным хозяином, подтверждением чему служат самые благоприятные впечатления Екатерины II от посещения дворца Безбородко в Нежине, а также ряда имений на юге Украины, встреч с его многочисленными родственниками.

Деятельность А.А. Безбородко во время путешествия на юг еще больше возвысила его в глазах императрицы. Заметно возросшее влияние дяди при дворе значительно подняло авторитет и его племянника Виктора. Уже сам факт отбора в свиту для предстоящего путешествия из двенадцати камер-юнкеров, числившихся при дворе, только четырех, а затем из них, согласно распоряжению Екатерины II, только двух человек, и в том числе В.П. Кочубея, с поручением «постоянно состоять при Ее Императорском Величестве», красноречиво говорит о многом.

Путешествие Виктора Кочубея в составе императорской свиты позволило ему познакомиться с первыми результатами колонизации земель Крыма, родины его предков³.

¹ Записки Л.Н. Энгельгардта. М., 1859. С. 52.

² Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865. С. 250.

³ Как свидетельствует «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи...», «Род Кочубеев происходит от полуострова Крымского и почитался в числе знатнейших благородных в татарском народе, как то доказывается самим названием бея, которое есть первое после владевшей там Чингиской фамилии...» (см.: Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый с 1797 г. Ч. III. С. 49). Кстати, важно отметить, что некоторые отечественные исследователи ставили под сомнение происхождение малороссийских Кочубеев от знатного татарского рода Крымского полуострова. Так, например, Г.А. Милорадович в работе «Родословная книга Черниговского дворянства» писал: «Андрей Кочубей – полтавский казак, некоторые потомки его показали, что предок их был татарин крещеный. Это ни на чем не основанное, бездоказательное свидетельство» (см.: Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. 2. Ч. 6. С. 86–88). Точка зрения потомков Кочубеев также расходится с официальной версией, трактуемой «Общим Гербовником». Так, супруга одного из потомков Кочубеев, Петра Васильевича, живущего ныне в Бельгии, Елена Викторовна Кочубей в беседе с советским журналистом В. Збарацким, которая состоялась в 90-е годы прошлого века в Лусаке (Замбия), поведала следующее: «Я Вам подарю

Знакомство с этим краем пригодились В.П. Кочубею, когда он встал во главе МВД и отвечал не только за обеспечение спокойствия и порядка, но и за хозяйственные успехи страны.

Однако главным итогом неотлучного шестимесячного нахождения при императрице Екатерине II В.П. Кочубея во время путешествия нужно считать то, что он сумел заслужить ее личное расположение. Императрица отметила его высокую образованность, воспитанность, безупречное поведение, исключительную добросовестность при исполнении камер-юнкерских обязанностей, что, несомненно, положительно отразилось на его служебной карьере.

В период своего пребывания в Крыму Екатерина II посетила молодой город Севастополь (имя которого означает «знаменитый город»), возникший в 1784 г. на месте татарской деревни Ахтияр. К приезду императрицы в севастопольской бухте уже находились около 40 военных судов. Посмотрев парад кораблей молодого Черноморского флота, отметив высокую выучку личного состава, Екатерина II пожаловала каждому матросу по рублю¹.

Кроме боевой готовности войск Черноморского флота императрицу интересовали и первые результаты колонизации новых южных земель, их заселения и освоения колонистами, приглашенными из-за рубежа и из центра России².

При возвращении из Крыма в окрестностях Полтавы, на знаменитом поле, где 27 июня 1709 г. Петр I разгромил шведские войска во главе с королем Карлом XII, в честь Екатерины II и ее свиты были устроены военные учения русских войск, показавших свою готовность к назревающей очередной русско-турецкой войне. Многие участники этих полтавских маневров заслужили монаршее благоволение, а Г.А. Потемкину был пожалован титул князя Таврического³. 11 июля 1787 г. Екатерина II возвратилась в Царское Село. Торжества по случаю возвращения императрицы в столицу были отменены из-за начавшегося в стране голода и новой русско-турецкой войны.

схему генеалогического дерева рода, – сказала она. – Первые Кочубеи появились в России в конце XIV в. Предки нашей семьи – выходцы из Албании. „Кучук-бей“ значит „маленький“ или „младший“ бей. Расцвет рода приходится на время правления Петра I, который приблизил Кочубеев ко двору». См.: Збарацкий В. Богат и славен Кочубей // Эхо планеты. 19–25 января 1991. № 4. С. 34–36.

¹ Киевская старина. 1890. Т. 34. С. 361.

² По утверждению историка К. Валишевского, идею о необходимости присоединения Крыма к России первым высказал Екатерине II А.А. Безбородко и в 1776 г. представил ей план по реализации этого проекта. См.: Валишевский К. Вокруг трона. Екатерина II, императрица Всероссийская // Екатерина II Великая. 1762–1796. М., 2010. С. 778.

³ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 66.

Свое благоволение к Виктору Кочубею императрица выразила тем, что разрешила ему в следующем году отправиться вновь за границу для продолжения обучения, прерванного смертью отца. Весной 1788 г. было принято решение о прикомандировании В.П. Кочубея к русской дипломатической миссии в Лондоне, с правом путешествовать по странам Европы до окончания образования.

Согласно четырехлетней программе, составленной дядей – А.А. Безбородко – его племянник первые 2 года должен был провести в Англии, затем перебраться в Мадрид и Лиссабон для ознакомления с жизнью Испании и Португалии, после чего прибыть в Париж, где в течение года продолжить учебу, далее отправиться в Италию, а затем в Вену, с продолжительной остановкой, и, наконец, вернуться в Россию. В силу ряда объективных причин, с согласия и даже по требованию дяди, Виктор Кочубей вынужден был в скором времени отступить от первоначального плана пребывания за границей.

Весной 1789 г. В. Кочубей прибыл в Англию, где поселился у графа Семена Романовича Воронцова, возглавлявшего российскую миссию в Лондоне. Здесь он основательно продолжает изучать политические и экономические науки, успешно овладевает английским, немецким и французским языками, продолжает совершенствоваться в глубоком знании родного языка, а также в геометрии. В начале октября В. Кочубей стал стажироваться в российском посольстве. Под руководством С.Р. Воронцова он изучает внутреннее состояние дел в европейских странах, их взаимоотношения с Россией, составляет депеши и ведёт переписку с русскими посланниками в других странах Европы.

После двухлетнего пребывания в Англии Виктор Кочубей в начале 1791 г. отправляется в Париж. Оттуда он едет в Швейцарию, где находится до осени. За эти несколько месяцев он слушает курс лекций Жана Франсуа Лагарпа по истории древнеклассической литературы и французской словесности, знакомится с трудами великих просветителей XVIII в. Вольтера и Монтескье, ведет подробные конспекты прослушанных лекций и записи самостоятельных наблюдений¹.

¹ В описях материалов и документов Диканьского архива имеется информация о наличии в нём заметок, составленных Виктором Павловичем Кочубеем во время обучения за границей в 1789–1791 гг. Это конспекты лекций по истории литературы и философии, по-видимому, прослушанных у Жана Франсуа Лагарпа. В целом, заметки В.П. Кочубея по философии на французском языке, объемом более 40 листов, свидетельствуют о его интересе к идеям фи-

Затем В.П. Кочубей снова возвращается в Париж и остается там до июня 1792 г. Пребывание его во Франции совпало по времени с революционными событиями и народными выступлениями, которые русский двор квалифицировал как опасную «заразу» и демонстрировал по отношению к ней неприкрытую вражду. Антифранцузскую кампанию в Россию возглавила лично Екатерина II, бывшая примерная «ученица» Вольтера и Дидро, которая даже потребовала убрать из её рабочего кабинета бюст своего бывшего кумира (Вольтера), с которым когда-то вела личную переписку. Своим повелением от 26 августа 1790 г. на имя русского посланника во Франции Ивана Матвеевича Симолина императрица приказала всем российским подданным немедленно покинуть Францию¹.

Узнав о жестком требовании Екатерины II в отношении российских подданных, находящихся в революционной Франции, А.А. Безбородко срочно направил письмо своему племяннику, требуя неотложного возвращения его в Россию. Выполняя волю дяди, В.П. Кочубей прервал заграничную командировку и 9 июля 1792 г. прибыл в Петербург².

За неполные 4 года пребывания в «чужих краях» В.П. Кочубей основательно расширил и пополнил свои знания, а также получил хорошую практику в области внешней политики и дипломатии. Его наставник и старший друг С.Р. Воронцов, обращаясь к фавориту императрицы Платону Зубову с просьбой помочь Кочубею быть употребленным в служении Отечеству, как бы подводя итог его заграничной командировки, писал: «Четыре года, что я его знаю, должен засвидетельствовать, что он ... обогатил свой разум всеми сведениями, кои неотменно нужны, чтобы служить отличным образцом в политической службе». В заключение Семен Романович уверял в том, что он не осмелился бы просить за Кочубея, если бы «не был удостоверен в его отличной способности к службе»³.

лософов XVIII в., в том числе Вольтера и Монтескье, показывают превосходное знание французского и других иностранных языков. Там же хранились записи занятий по логике и праву, а также материалы, подготовленные автором в качестве реферата на тему: «Рассуждения о колониях, их происхождении и причинах процветания». Текст реферата составлен на 19 листах. См.: Государственный архив Полтавской области (ДАПО). Ф. 1071. Оп. 1. Д. 6. Л. 51–51 об.; РБС. СПб., 1903. Т. 9. С. 367.

¹ Русский архив. 1871. С. 298; Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 72, 117.

² Чечулин Н.Д. Князь В.П. Кочубей (1768–1834). Очерк жизни и деятельности. СПб., 1900. С. 14.

³ Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 9. С. 420, 421.

Мы полагаем, что данное рекомендательное письмо попало в руки адресату, который, пользуясь неограниченным влиянием у стареющей императрицы, оказал в скором времени содействие В.П. Кочубею в получении первого места его самостоятельной службы – должности посла в Константинополе.

*В.П. Кочубей – самый молодой среди русских дипломатов
полномочный министр России в Турции*

11 октября 1792 г., не без влияния Платона Зубова, был подписан указ о назначении В.П. Кочубея чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополь¹. В этот знаменательный день ему не исполнилось ещё и 24 лет.

Мудрая Екатерина II, заботясь об авторитете Российской державы и проявляя свое беспокойство в отношении молодого и способного дипломата В.П. Кочубея, боясь, что он может повторить нелегкую судьбу своих предшественников, А.М. Обрезкова и Я. И. Булгакова, бывших узниками Семибашенного замка², пошла на компромиссное решение, первоначально назначив во главе временной, особой дипломатической миссии в Константинополе другого способного человека.

Через мрачные камеры Семибашенного замка прошли многие опальные придворные, министры и другие лица, неугодные турецким султанам. Справа от входа в Семибашенный замок возвышалась Посольская башня, в которую заключали послов тех держав, с которыми Турция прерывала дипломатические отношения, собираясь воевать. В ней, в частности, содержались и русские послы – А.М. Обрезков (1768–1771) и Я.И. Булгаков (1787–1789). Последний был посажен в политическую тюрьму после посещения Крыма и встречи там с Екатериной II. Поездка русской императрицы в Крым явилась последней каплей терпения турецких властей, которые после этого начали вторую русско-турецкую войну. А русский посол Яков Иванович Булгаков, доставленный в казематы Семибашенного замка в связи с нача-

¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 256. Л. 13.

² Семибашенный замок (Едикуль) сначала использовался в качестве сокровищницы, а затем был превращён в государственную тюрьму турецкого Константинополя, которую охраняли 250 стражников, живших со своими семьями здесь же в крепости, в специально назначенных для этого помещениях.

лом военных действий в августе 1787 г., сидел в заключении 27 месяцев¹.

Кстати, французский министр Шуазель-Гуфье предлагал русскому посланнику Я.И. Булгакову средства к спасению, но тот отказался от такой услуги, заявив, что «...представитель Екатерины II не будет ничем обязан стороннему посреднику и не пожертвует ради своей личной безопасности честью престола и Отечества»².

После окончания военных действий для возобновления дипломатических отношений между Россией и Турцией, согласно Ясскому мирному договору, предусматривался обмен торжественными посольствами. Россия свое торжественное посольство в Константинополь определила в составе 650 человек, в том числе 68 дипломатических работников³. В целях обмена торжественными посольствами Екатерина II указом от 26 октября 1792 г. назначила чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова⁴.

Предложив 45-летнему М.И. Кутузову возглавить дипломатическую миссию в Турцию по обмену торжественными посольствами, Екатерина II учла не только жизненный опыт и полководческие успехи в последней русско-турецкой войне, но и его проницательность и гибкий ум, хитрость и осторожность в разговорах и поступках. Беседуя с ним во время нескольких специально устроенных аудиенций, императрица окончательно убедилась, что М.И. Кутузов «...есть тот самый человек ... который выполнит поручения ее во всей точности и соответственно ее ожиданиям»⁵.

В сентябре 1793 г. М.И. Кутузов во главе посольства торжественно въехал в столицу Оттоманской Порты. Торжественному посольству России и уже знаменитому ее послу власти Порты устроили пышную встречу. Вот как описывает эту церемонию один из очевидцев: «Верховный визирь ожидал его (М.И. Кутузова – П.Н.) верст за пять от Константинополя, куда после данного угощения и завтрака и после отъезда визиря отправилось посольство парадным маршем.

¹ Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Сочинение А. Вейдемейера. СПб., 1846. Ч. 2. С. 48.

² Едикуле (Семибашенный замок). Стамбул. История. Легенды... // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/216689> (дата обращения 20 февраля 2018 г.).

³ Кутузов М.И. Сборник документов: В 5 т. М.: Воениздат, 1950. Т. 1. Приложение 6. Список свиты торжественного посольства в Константинополе. С. 663–665.

⁴ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 1. С. 189.

⁵ Цит. по: Синельников Ф. Жизнь военная и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского. СПб., 1813. Ч. 1. С. 14.

Посол и все при нем чиновники ехали верхом на богато украшенных султанских лошадях. Поздно вечером с факелами посольство прибыло в Порту»¹. Во время аудиенции султан Селим III, приняв верительную грамоту Екатерины II, заверил посла, что Турция подтверждает все обязательства недавно заключенного между странами Ясского мира.

За короткий срок своей дипломатической миссии в Константинополе М.И. Кутузов добился заметного укрепления позиций России в данном регионе, а главное – сумел предотвратить реальную угрозу новой войны с Турцией.

Наконец 5 декабря 1793 г. М.И. Кутузову было повелено передать посольские архивы и дела новому посланнику и полномочному министру В.П. Кочубею и возвратиться в Россию².

Получив повеление Екатерины II, В.П. Кочубей выехал из Вены во второй половине января 1794 г., 10 февраля прибыл в Константинополь, преодолев длинный путь в экипаже за минимальное время – 24 суток. Для сравнения: посольство М.И. Кутузова ехало от границы (Дубоссары) до места назначения 114 дней вместо положенных 60 суток³.

Приехав в Порту, В.П. Кочубей при содействии М.И. Кутузова 18 февраля 1794 г. получил аудиенцию у верховного визиря Мелен Мегмед-паши. Через два дня состоялось и аудиенция у султана Селима III. Полномочный министр России заверил султана в «...искреннем намерении Ее императорского величества сохранить твердо и нерушимо мир, доброе согласие, дружбу, возобновленные между обеих высоких империй заключенным и высочайшими ратификациями утвержденным мирным трактатом». В заключение В.П. Кочубей объявил, следуя лучшим образцам дипломатического этикета эпохи, что будет считать «за великое счастье» иметь «случай предстать пред его султанским величеством» и почтет это счастье еще более усугубленным, если удостоится заслужить благоволение и милость султана⁴. Аудиенцию В.П. Кочубей закончил тремя поклонами и, пятясь назад, вышел из зала султана спиной.

Молодой посол В.П. Кочубей остался доволен вскоре состоявшейся аудиенцией. Селим III принял его с таким почетом, с каким

¹ Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. 1870. С. 582.

² Кутузов М.И. Сборник документов. Т. 1. С. 269.

³ Раковский Л. Кутузов. Л.: Лениздат, 1986. С. 118.

⁴ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 83.

не принимал ни одного иноземного министра. Виктор Павлович в реляции на имя Екатерины II от 5 марта 1794 г. писал, что у султана «...все происходило с уважением, должным характеру министра Ее величества»¹.

До своего отъезда М.И. Кутузов ввел полномочного министра в курс всех посольских дел. После отбытия М.И. Кутузова положение молодого В.П. Кочубея в Порте на первых порах было нелегким. Вся дипломатическая деятельность российского посланника сводилась к тому, чтобы не допустить втягивания Турции в новое военное столкновение с Россией, заставить ее строго соблюдать Ясский мирный договор, подписанный его дядей А.А. Безбородко.

Преодолевая антирусские настроения среди не только населения, но и части правящих кругов Турции, В.П. Кочубей успешно выполнял задачи, поставленные перед ним российским правительством. Мир, насколько это было возможно, был сохранен и упрочен; Россия продолжала занимать в Константинополе все такое же привилегированное положение, как и до военных действий; таможенный тариф остался на прежнем уровне (3 процента), предусмотренном русско-турецким торговым договором от 10 июня 1783 г.; была обеспечена свобода русской торговли в Средиземном море.

Преемник Кочубея на этом ответственном дипломатическом посту В.С. Тамара отмечал, что благодаря доброму основанию, заложенному Виктором Павловичем, «...турки к нам расположены как лучше быть нельзя»².

9 мая 1798 г. успешно закончилась четырехлетняя дипломатическая миссия В.П. Кочубея в Константинополе. В первых числах июня 1798 г. он возвратился в Петербург. 14 июня 1798 г. В.П. Кочубей был тепло принят Павлом I и по его приглашению провел несколько дней в Павловске. Новый российский государь высоко оценил дипломатическую деятельность В.П. Кочубея в Турции и предложил ему ближе подружиться с его старшим сыном, наследником трона Александром. Воспользовавшись этим предложением, Виктор Павлович в дни своего пребывания в Павловске неоднократно имел продолжительные разговоры с великим князем Александром. Император был весьма доволен их сближением. Однажды в беседе с В.П. Кочубеем государь заметил, что ему хотелось бы, чтобы он был при его сыне тем же, чем при нем самом был А.А. Безбородко³.

¹ АВПРИ МИД РФ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 784. Л. 3 об.

² См.: Архив князя Воронцова. Кн. 20. С. 248.

³ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 99.

Окрыленный теплым приемом в Павловске, В.П. Кочубей возвратился в Петербург в приподнятом настроении. Приступив к работе в качестве члена Коллегии иностранных дел (т.е. одного из руководителей ведомства), В.П. Кочубей 23 октября 1798 г. был назначен вице-канцлером с чином действительного тайного советника¹. Таким образом, в 30 лет В.П. Кочубей стал вторым человеком в Коллегии иностранных дел, сменив на этом посту князя А.Б. Куракина, уволенного по его личной просьбе².

Первым официальным документом, подготовленным и подписанным при участии вице-канцлера В.П. Кочубея, был союзный договор между Россией и Неаполитанским королевством о совместных действиях против французской экспансии сроком на восемь лет, датированный 17 ноября 1798 г. Под его руководством были заключены также аналогичные союзные договоры с Англией от 17 декабря 1798 г., с Португалией и Баварией соответственно от 7 и 10 сентября 1799 г. соответственно³.

Плодотворная и успешная деятельность Виктора Павловича в должности вице-канцлера была по достоинству оценена Павлом I. В декабре 1798 г. В.П. Кочубей получил командорский крест ордена Святого Иоанна Иерусалимского, а 4 апреля 1799 г. возведен с потомством в графы Российской империи⁴.

Вместе с тем личное отношение императора Павла I к вице-канцлеру В.П. Кочубею, как и к другим высшим сановникам, было не всегда ровным. С одной стороны, Виктор Павлович продолжал получать всевозможные награды, с другой стороны, он стал ощущать, что император им недоволен, подозревая его в излишней преданности великому князю Александру Павловичу и императрице Марии Федоровне, которая якобы просила своего супруга ускорить присвоение Кочубею графского титула. Постепенно накапливалось недовольство Павла I в отношении молодого и способного государственного деятеля.

В письме С.Р. Воронцову от 19 апреля 1799 г. В.П. Кочубей откровенно признавался: «... государь меня ненавидит. Подобно многим... у меня на дворе стоит всегда готовая карета, в которую могу сесть по первому знаку... Такова горькая картина действительно-

¹ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев. 1908–1914. Т. 2. С. 538.

² Архив князя Воронцова. М., 1883. Кн. 29. С. 482.

³ Терещенко А.В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1. С. 277.

⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 256. Л. 14.

сти»¹. Единственное, что удерживало В.П. Кочубея в Петербурге – это состояние его дяди, по-прежнему влиятельного А.А. Безбородко, который, начиная с декабря 1798 г., тяжело болел.

Грубость и подозрительность Павла I, а также последовавшая вскоре смерть А.А. Безбородко, на место которого немедленно устремились любимцы императора, вынудили В.П. Кочубея оставить службу. 25 сентября 1799 г. он сдал свои дела Н.П. Панину и добился бессрочного отпуска с правом выезда за границу, под предлогом болезни. Через 2 месяца, в ноябре, он женился на графине М.В. Васильчиковой и отправился в свое имение Диканьку, а затем, в июне 1800 г., в Германию. Здесь В.П. Кочубей оставался вместе со своей семьей вплоть до кончины Павла I.

В конце марта 1801 г., узнав о восшествии на престол друга юности, великого князя Александра Павловича, В.П. Кочубей решил немедленно отправиться в Санкт-Петербург, где был тепло принят молодым императором и приглашен вновь на службу. Виктор Павлович, почувствовав свою необходимость для нового российского императора, с которым был давно и тесно связан, согласился остаться в столице, и 23 июля 1801 г. был назначен сенатором с повелением состоять при особе Его Величества².

Следовательно, В.П. Кочубей освобождался от текущих дел в Сенате и мог сосредоточить всё свое внимание на вопросах реформирования государственного управления.

1.2. А.Д. Балашов: от пажа в эпоху Екатерины II до Ревельского военного губернатора при Павле I

По традиции того времени в октябре 1775 г. Дмитрий Иванович Балашов записал своего сына Александра в неполные 6 лет от рождения на службу фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк, через 1,5 года его произвели в каптенармусы, а спустя 11 месяцев – в сержанты. Через 3 года Александр был назначен пажом к Высочайшему Двору. В этом звании он в первые 4 месяца жил в родительском доме. В ноябре 1781 г. ему было приказано явиться в Пажеский корпус, находившийся тогда в ведении Придворного ведомства. Там он вынужден пребывать в течение 2 лет «на казарменном положении». Здесь, как он пишет в своих «Записках...», «учился по-французски, по-немецки, рисовать, танцевать, закону Божьему и, слегка, геогра-

¹ Архив князя Воронцова. Кн. 18. С. 203.

² РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 256. Л. 15.

фии и артиллерии». Следующие два года он жил вновь дома, являясь во дворец только на дежурство.

В апреле 1785 г. был введен в Пажеском корпусе «Новый способ учения». Все пажи были распределены по 4 классам. А.Д. Балашов был определен в последний 4-й класс. Занятия по новой учебной программе уже начались 7 апреля 1785 г. и Александр Балашов вынужден ездить из дома каждый день на учебу в Корпус. Согласно учебному плану пажи изучали французский, немецкий, греческий и латинский языки; русскую грамматику, риторику; физику, историю, географию, арифметику и фортификацию. Кроме основных им преподавали вспомогательные учебные дисциплины и проводили практические занятия: математический курс, механику, гидравлику, гидростатику, оптику, диоптрику, катоприку, гномонику, пиротехнику, аэрометрию и алгебру; учили также рисовать, фехтовать, танцевать и [верховой езде] в манеже¹.

Паж Александр Балашов по успеваемости был первым среди своих однокашников. Так, по сдаче двух экзаменов в 1786 и 1787 гг., которые принимали два знаменитых государственных деятеля, Иван Иванович Шувалов (1727–1797) и князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801), Александр Балашов получил первые баллы.

Вскоре после столь успешной сдачи второго экзамена 26 сентября 1787 г. он был пожалован в камер-пажи. При этом свое повышение по службе Александр Балашов получил из рук императрицы Екатерины II. По тем временам повышение это выразилось в форме легкого удара рукой императрицы по щеке отличившегося и награждения его серебряной позолоченной шпагой. По воспоминаниям А.Д. Балашова, государыня Екатерина II ему очень благоволила. Иногда подшучивала над его малым ростом. И настолько она проявляла к нему свое внимание, по утверждению А.Д. Балашова, что однажды даже заметила ему, зачем он выбирает себе невыгодное место в театре. «Там, где ты вчера стоял у оркестра, – сказала императрица, – очень тянет, и ты можешь простудиться, а здоровье я тебе советую беречь»².

В 1789 г., когда отец Александра Балашова оставил службу в Сенате, императрица сказала ему: «Отец твой мог быть богат и не хотел; много мог нажить и не нажил ничего. Я с этим тебя поздравляю. Прекрасный для тебя пример, такие люди теперь редки!»

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф.16.Оп.1.Д.217.Л. 5–6.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф.16.Оп.1. Д.217. Л. 6, 6 об.

Следует заметить, что А.Д. Балашов, учитывая важность придворной службы и знаков внимания царствующих особ для карьерного роста, тщательно фиксирует случаи личного общения с Екатериной II, ее советы и замечания в своих воспоминаниях. «В молодых летах моих, – пишет Александр Дмитриевич в „Записках“, – был я проворен, а иногда и скор, что подавало случай государыне часто мне напоминать с весьма милостивым лицом: ... „торопись медленно, торопись медленно“».

А.Д. Балашов на всю жизнь сохранил теплые воспоминания о благоволении к нему Екатерины II и время нахождения при ее Дворе считал счастливейшим в своей жизни¹.

Однако вскоре время при Дворе, которое считал А.Д. Балашов «счастливейшим в своей жизни», было омрачено смертью отца. В октябре 1790 г. А.Д. Балашов лишился отца, который оставил после себя жену, сына, пятерых незамужних дочерей, маленькую деревню и немалый долг. По признанию Александра Балашова, после ухода отца в отставку в 1789 г. единственное содержание всего семейства составляла отцовская пенсия, а со смертью его должна была «рушиться и она».

Оказавшись в столь сложной ситуации, А.Д. Балашов стал хлопотать о пенсии. Он отправился в столицу к всемогущему тогда князю П.А. Зубову, но не был к нему допущен. Обратился к своему товарищу по Пажескому корпусу подполковнику Н.Н. Новосильцову (будущему члену Негласного комитета при Александре I), но тот выразил лишь соболезнование по случаю смерти его отца и в помощи отказал. А.Д. Балашов, помня к себе благоволение Екатерины II в годы службы камер-пажем, написал просьбу о помощи на высочайшее имя и вручил ее кабинет-секретарю императрицы А.В. Храповицкому.

Просьба

А.Д. Балашова была удовлетворена. Вдова Матрена Ивановна Балашова (урожд. Чаплина) до своей смерти (1807), а ее дочери до замужества получили полную пенсию покойного Дмитрия Ивановича, составлявшую 2 250 рублей в год². Но этой пенсии едва хватало на пропитание большой семьи. Случившийся пожар в деревне Матрены Ивановны ещё больше осложнил бедственное положение её семьи. Вдова решилась обратиться за помощью к сыну Екатерины II, Павлу Петровичу, вступившему на престол после смерти матери.

27 марта 1797 г. Матрёна Балашова, обращаясь к царю, писала:

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп.1. Д. 217. Л. 7–9.

² Там же. Л. 10, 11.

«После смерти мужа моего, прослужившего 53 года, тайного советника и сенатора Дмитрия Балашева, оставаясь с большим семейством, состоящим кроме сына, находящегося в службе подполковником в инфантерии и четырёх дочерей незамужних, из коих три были воспитаны в обществе Благородных девиц, в горестном состоянии обременённом убожеством и большим долгом, нажитым моим мужем, ещё будучи в службе, а всё наше имение состоит из 71 души, привлекла я жалость покойной императрицы, и пенсия мужа моего 2250 рублей, повелено производить мне по смерти, а дочерям по замужеству, сия пенсия доставляет моему семейству едва нужное пропитание за заплату процентов, но капитал долгу ни мало не уменьшается, и для выдавания дочерей, приданого собрать я никак не могу, а в бывшей деревне моей нонеч пожар довершил моё разорение.

Видя обильно щедроты Твои на мало имущих изливаемая, памятуя милостивейший Твой отзыв мужу моему о его состоянии, при отставке его, дерзаю пасть к священным стопам Твоим с прозьбою крайности исторгаемую: прикажи Великий Государь уничтожить пенсию сию и вознаградить за оную некоторым числом душ по благоусмотрению Твоему, Милосердый Отец верноподанных Твоих. Восстанови Семейство унывающее и томящееся под угнетением убожества, исторгни из крайности, оживотвори щедротою Твоею, ооществлив имеющих Тебя единого покровителем своим.

Всемилоостивейший Государь!

Вашего Императорского Величества

Марта 24 дня Верноподданная Матрона Балашева

1797 г.»¹.

Ответ императора на это письмо в доступных архивных источниках найти не удалось.

Начало военной службы в гвардии и вынужденный перевод в армию

Не забыла покойная императрица и о бывшем камер-паже А.Д. Балашове. В январе 1791 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга генерал-аншеф Я.А. Брюс объявил А.Д. Балашову, что императрица Екатерина II жалует его в поручики гвардии, предоставляя ему самому выбрать полк. При этом собственноручно подписала на бывшего камер-пажа Двора [А.Д. Балашова] характеристику весьма лестного содержания:

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 489. Л. 23–23 об.

«Божею милостию мы, Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и проч. и проч. и прочия!

Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Александр Балашев, который Нам служил при дворе Нашем камер-пажем, для оказанной его к службе Нашей ревности и прилежности Лейб-гвардии Измайловский полк в поручики, сего тысяча семьсот девяносто первого года января в десятый день Всемиловейше постановили; яко же Мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем Нашим верно подданным помянутого Балашева за Нашего лейб-гвардии поручика надлежащим образом признавать и почитать! Напротив чего и Мы надеемся, что он в сем всемиловейше пожалованном чине, так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит. Во свидетельство то Мы сие собственною Нашею рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санкт-Петербурге, лета 1791-го, декабря в третий день.

Подлинной подписан Собственною Ее Императорского Величества рукою тако: Екатерины, под тем написано тако: подполковник Гр. Н. Салтыков, полковой канцелярии № 27»¹.

А.Д. Балашов свой выбор остановил на лейб-гвардии Измайловского полка, в котором, как правило, служила молодежь из аристократических семей. Переход на службу в гвардию вместо облегчения еще более осложнил материальное положение молодого офицера А.Д. Балашова, так как пришлось теперь «перейти с казенного... на свое содержание». Чтобы обеспечить содержание своего сына в элитной гвардейской части, матери А.Д. Балашова, пришлось заложить имение в Вологодской губернии. А молодой поручик А. Балашов решил поддерживать свое материальное положение на должном уровне, просиживая за карточным столом. Впоследствии он вспоминал, что игра, хотя ему больших выгод не доставляла, «однако... с помощью игры жил кое как изрядно, то есть проживал в год тысячи четыре, а долгу не делал...»².

Спустя 4 года службы в гвардии А.Д. Балашов убедился в том, что в интересах карьерного роста целесообразно будет перевестись в звании подполковника в войска. Перевод его из гвардии в армию генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского состоялся в январе 1795 г. Однако к месту службы в Астраханский гренадер-

¹ РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1564. Л. 108–108 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 11 об., 12.

ский полк А.Д. Балашов явился лишь после окончания его продолжительного отпуска, 4 марта 1796 г.¹

Астраханский гренадерский полк дислоцировался в местечке Летичев, расположенном на западе Украины. Полк не участвовал в боевых действиях, вызванных польскими событиями 1794–1795 гг. Воспользовавшись этими обстоятельствами, А.Д. Балашов отпросился в Тульчин посмотреть на маневры, назначенные А.В. Суворовым. Прибыв в пункт назначения, А.Д. Балашов был представлен прославленному полководцу. О впечатлении от этой встречи с А.В. Суворовым Александр Дмитриевич в своих «Записках» указал следующее: «Первый раз был я свидетелем странным или проказливым сего великого воина поступкам, ибо я его всегда прежде видал во дворце, где он почти не проказил. Был я ему представлен. Он сказал, услышав обо мне: «А! Астраханец, Астраханец, хорошо, хорошо! Зачем приехал? – Учиться. – Хорошо, очень хорошо! Здесь можно учиться. Того нигде не увидишь, что здесь увидишь. Обедай у меня, да поди в лагерь к князю Николаю (Николаю Леонтьевичу Шаховскому, командиру Херсонского гренадерского полка), он тебя научит.

Обедали мы в 8 часов утра. Во время обеда граф меня спохватился: «Где Астраханец? – Здесь Ваше Сиятельство. – Вит твой батюшка при Апраксине был в Пруссии? – Так, Ваше Сиятельство. – Его звали Иван Иванович? – Дмитрий Иванович, - Ваше Сиятельство. – Как! Нет, Иван Иванович. – Точно Дмитрий Иванович. – Погляди на меня: так, ты на него похож; только и ты хорош, а он был еще лучше»².

Непосредственно поучаствовав в маневрах в составе первого взвода Херсонского гренадерского полка, А.Д. Балашов возвратился к своему полку в Летичев. Вскоре он отправился в Москву, где получил известие о кончине императрицы Екатерины II.

Московский главнокомандующий князь Ю.В. Долгоруков поручил

А.Д. Балашову отвести в Казань 1 300 нижних чинов, оставшихся от расформированных московских гарнизонных батальонов и которые должны поступить на укомплектование Казанского гарнизонного полка.

Более месяца А.Д. Балашов находился с отрядом в пути и пришел в Казань 1 апреля 1797 г. Из 1 300 нижних чинов, доставленных в пункт назначения, в дороге 1 солдат ушел, 2 умерли и 18 человек

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16.Оп.1. Д. 191. Л. 2.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16.Оп. 1. Д. 217. Л. 17–17 об.

оказались больными. Как видно, поручение, возложенное на А.Д. Балашова было выполнено относительно успешно, и он торопился вернуться в Москву к коронации нового императора Павла I. Но начальство решило по-другому. Пока А.Д. Балашов вместе с отрядом добирался до места назначения, Казани, его причислили к казанскому гарнизону и вменили ему в обязанность из гарнизонных батальонов этапированных в город, сформировать полк и быть готовым представить его на смотр Павлу I, решившего посетить Казань.

Укомплектовав новый полк, А.Д. Балашов был назначен на должность командира одного из батальонов и за усердие отмечен военным губернатором Казани князем П.С. Мещерским, который принял шефство над новым полком. Вскоре полк подвергся инспектированию со стороны военного ведомства. По результатам проверки полка военный губернатор П.С. Мещерский назначил А.Д. Балашова его командиром. Открывалась перспектива карьерного роста командира полка. Вскоре на место П.С. Мещерского был назначен Б.П. Ласси, который при вступлении в должность, не найдя на службе командира полка А.Д. Балашова, весьма нелестно отозвался о нем, узнав о его уходе в отпуск. После возвращения А.Д. Балашова из отпуска Б.П. Ласси высказал ему кое-какие замечания в отношении положения дел в полку, затем некоторые его обязанности перераспределил среди других офицеров. Столь нелестное отношение нового военного губернатора к командиру полка могло негативно сказаться на служебном росте А.Д. Балашова. Но исключительным трудолюбием командиру полка удалось не только развеять негативное представление о нем у Б.П. Ласси, но и завоевать его особое расположение. Однажды, как вспоминал А.Д. Балашов, его пригласил к себе Б.П. Ласси и признался ему в том, что он сперва считал его «человеком дурным», но, оказалось, «грубо ошибся», «я виноват весьма», и «теперь желаю быть вашим другом»¹.

При этом военный губернатор, предоставив А.Д. Балашову полную самостоятельность в управлении полковыми делами, заявил: «Командуйте, смотрите за ним [полком], а я буду смотреть на вас и любоваться». Однако из-за отсутствия у своего начальника опыта в решении гражданских дел, А.Д. Балашов был привлечен Б.П. Ласси в качестве своего помощника к управлению городским хозяйством. К примеру, по признанию командира полка А.Д. Балашова, без его рекомендации военный губернатор Б.П. Ласси не подписывал даже

¹Архив СПб ИИ РАН. Ф.16. Оп. 1. Д. 217. Л. 21 об.

«малозначащей бумаги»¹. Такое вынужденное совмещение в одном лице решения военных и городских дел позволило А.Д. Балашову приобрести определенный опыт управления городским хозяйством, что, естественно, положительно сказалось на его будущей карьере, в частности на посту генерал-губернатора.

На втором году правления Павла I в апреле 1798 г. А.Д. Балашов получил чин полковника и в новом воинском звании представлял свой полк императору Павлу I, который 26 мая (7 июня) прибыл с визитом в Казань². Государя Павла Петровича и его сыновей великих князей Александра и Константина встречало все дворянство, купечество и простые горожане. В Соборе император изволил помолиться, слушал молебен, приложился к образу Казанской Божьей Матери. Потом было позволено лучшему дворянству собраться во дворце военного губернатора, где государь изволил говорить. На другой день в присутствии императора был устроен строевой смотр всех полков. Затем были проведены трехдневные маневры войск. По итогам смотра и маневров 29 мая император Павел Петрович одобрительно заявил военному губернатору Б.П. Ласси: «Я право не ожидал...найти такой прекрасный полк в Казани, а он, несмотря, что гарнизонный, «лучше всех». Выслушав изъявление Монаршего удовольствия, Б.П. Ласси...сказал Государю императору: «Мне очень лестно, Ваше Величество, слышать милостивое Ваше одобрение полку моего имени, но до меня сие не касается: это все работа Балашова. Я только радовался, глядя как он занимался полком, и не говорил ни одного слова, чтобы ему не мешать. Я объявил ему, что если Вы довольны будете полком, ему будет и честь, а если Вы будете недовольны, то и гнев Ваш должен пасть на него же»³.

Император Павел Петрович, обратясь к полковнику А.Д. Балашову, изъявил свою признательность, вручил ему Аннинскую шпагу и выразил обещание дать полк в предстоящую итальянскую кампанию. Военному губернатору генералу Б.П. Ласси император Павел I пожаловал Александровскую ленту.

Вскоре генерал-майор Б.П. Ласси уехал в Петербург для назначения командовать войсками в западных губерниях страны. А.Д. Ба-

¹ Там же. Л. 22.

² Некоторые исследователи прибытие императора Павла I в Казань, где он оставался в течение 5 дней, считают не 26, а 24 мая., 30 мая государь выехал из Казани и через Нижний Новгород и Ярославль продолжил свое путешествие. 11 июня 1798 г. он прибыл в Павловск. См.: Шильдер Н.К. Павел I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: Эксмо, 2010. С. 315.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф.16.Оп.1. Д. 217. Л. 24.

лашов просил отъезжающего своего бывшего начальника исходатайствовать ему более видное поприще, нежели служба в гарнизоне Казани. В частности, он просил перевести его в войска, которые готовились к походу в Италию.

А.Д. Балашов 21 февраля (4 марта) 1799 г. получил известие о своем новом назначении. Но, оказалось, не в Италию, а в Сибирь, комендантом Омской крепости и шефом тамошнего гарнизонного полка. Одновременно он был произведен в генерал-майоры¹.

Перед назначением комендантом Омской крепости А.Д. Балашов решил жениться на девице Н.А. Коновницыной, которая принесла жениху имение, состоявшее из 1 300 душ и денежный капитал в 60 000 рублей². В начале марта 1799 г. А.Д. Балашов с молодой женой, матерью и незамужними сестрами отправился в Омск к новому месту службы.

Обязанности коменданта Омской крепости А.Д. Балашов исполнял недолго, всего 12 месяцев с 10 марта 1799 по 10 марта 1800 г. Служба шла неровно и закончилась по высочайшему повелению его отставкой. Этому послужили следующие обстоятельства. По признанию А.Д. Балашова, его положение в новой должности было весьма неприятно тем, что якобы ему было поручено исследовать поступок тогдашнего инспектора Сибирской Инспекции генерал-лейтенанта Нефьева против прежнего шефа Омского полка генерал-майора Врангеля. Столь неблагодарное задание, естественно ставило нового начальника крепости «в затруднительное отношение к своему начальнику»³.

Вскоре положение А.Д. Балашова еще более усложнилось разоблачением в Омске «деятелей фальшивой серебряной монеты и фальшивых ассигнаций»⁴.

Начальник крепости по этому факту направил в Петербург на имя Генерал-прокурора Александра Андреевича Беклешова донесение с настоятельной просьбой учреждения в Омске штатной полиции. Вместе с тем послал и свои предложения о ее строительстве. Не получив ответа от адресата и убеждаясь в том, что без полиции Омск будет по-прежнему «притоном мошенничества», А.Д. Балашов решил обратиться по этому вопросу прямо к императору Павлу I.

¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. С. 5.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.

³ См.: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 32 об.

⁴ Там же.

В письме на имя Государя императора А.Д. Балашов изложил свой план образования полицейской системы в Омске. При этом «присовокупил, что уже сносился о том, не только с губернскими начальниками, но и самим Генерал-прокурором»¹.

Отправив представление на имя императора Павла Петровича А.Д. Балашов с нетерпением ожидал ответа и, наконец, дождался. Он состоял в двух Высочайших приказах. Одним из них от 20 января 1800 г. А.Д. Балашову объявлялся выговор, а другим, от 21 января, он исключался из службы «за отношение к генерал-прокурору»².

Следовательно, гнев Павла I обращался на исполнительного коменданта крепости А.Д. Балашова лишь из-за того, что он обратился по этому вопросу не к императору непосредственно, а к «генерал-прокурору» и другим лицам губернского правления.

Получив отставку, А.Д. Балашов вместе с женой отправился в ее деревню, Соснино, что недалеко от Троицко-Сергиевской Лавры, и стал заниматься сельскохозяйственными работами. Не признавая за собой никакой вины, А.Д. Балашов пишет оправдательное письмо на имя Павла I. В нем он пытается объяснить возникшее недоразумение в отношении с генерал-прокурором. А.Д. Балашов утверждал, что он не проявлял со своей стороны инициативы сношения с генерал-прокурором, а вынужден был лишь ответить на его запрос. К своему письму А.Д. Балашов приложил копию письменного распоряжения генерал-прокурора от 18 августа 1799 г.

Из данного распоряжения А.А. Беклешова видно было, что инициатива о привлечении к полицейским должностям, вместо купцов и мещан, чиновников «с положенным жалованием по службе, исходила не от него, а со стороны губернских начальников»³. При этом власти Омска о своих планах устройства полицейской части за счет штатных чиновников полиции донесли в Правительствующий сенат. Поэтому генерал-прокурор, зная, что «благостроение полиции... в Омске зависит от попечения» Балашова, просил уведомить его «обо всех предположениях ваших к благоучреждению полиции»⁴.

Завершая свое письмо на имя Его Величества, А.Д. Балашов заверил Павла I в собственной преданности весьма витиевато:

«Болезненно сердцу моему ощущать на себе гнев Вашего Величества, ибо с самых юных лет единое тщание мое было удостоится

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 33.

² Там же. Л. 33 об.

³ См. подробнее об этом: Распоряжение генерал-прокурора А.А. Беклешова А.Д. Балашову от 18 августа 1799 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 563. Л. 59.

⁴ Там же.

милостивого воззрения Вашего Величества быв привержен душою моею к Великой Особе Вашей, что доказывать я примерял елико сил моих доставало, как и в сем последнем назначении меня комендантом в крепость Омскую в Сибирь; я не имея денег на прогоны.., занял их и часу единого не мешкав отправился поспешно к должности моей, которую отправлял с неутомимостью и рвением ... Не дерзаю Всемилоштивейший Государь испрашивать ни единыя милости себе, токмо получу прощение в мыслях»¹.

Можно утвердительно заявить, что столь «цветистого» содержания письмо А.Д. Балашова навверняка вызвало положительные эмоции у государя к его автору. Известно, что А. Д. Балашов уже в ноябре 1800 г. получил новое назначение по службе, а А.А. Беклешов был уволен не только с должности генерал-прокурора, но и вовсе со службы.

Для читателя небезынтересно будет поразмыслить над продвижением по служебной лестнице А.Д. Балашова. Читая его воспоминания, невольно приходишь к заключению: во-первых, А.Д. Балашов всегда и везде пытается напомнить о своем превосходстве перед другими – умом, умением и т.д. и, во-вторых, уже первые годы его службы связаны с трудностями во взаимоотношениях с товарищами и сослуживцами (трудные отношения на первых порах с командиром Б.П. Ласси, участие в расследовании поступка инспектора генерал-лейтенанта Нефьева, выставление в невыгодном виде перед императором действия генерал-прокурора А.А. Беклешова и попытка при этом показать свою невиновность и т.д.). Возникает вопрос: что это? Случайность или заблаговременно продуманные действия А.Д. Балашова? Дальнейший анализ его служебной деятельности на различных государственных постах позволит нам сделать определенный вывод по данному вопросу.

Очередное свое назначение на военной службе А.Д. Балашов спустя годы описал в радужных тонах. В ноябре 1800 г. он был потребован в Петербург и по приезду в столицу тотчас был вызван к императору Павлу Петровичу в Михайловский замок. Это случилось 27 ноября. В 5 часов утра прислан был от Государя фельдъегерь, пригласивший его на аудиенцию к императору. «Я нашел Государя, вспоминает А.Д. Балашов, сидящего за столом, на котором было несколько бумаг. Кабинет весь убран был знаменами гвардейских полков и бюст Фридриха II, Короля Прусского, стоял несколько поодаль от государя. С другой стороны, стоял стул, на который Государь мне

¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 563. Л. 58–58 об.

приказал сесть и потом сказал: „Я делаю тебя Ревельским Военным Губернатором“. – Я стал на колени, чтобы принести мою благодарность. Он, подняв меня, изволил сказать: „Садись и слушай. Это мне нужнее твоей благодарности“»¹. Далее Павел I объявив А.Д. Балашову, что назначает его Ревельским военным губернатором и шефом гарнизонного полка, поручив ему еще и расположенный в окрестностях Корпус войск генерал-лейтенанта барона Сакена, находившегося в плену у французов².

Ревельскому военному губернатору предстояло решать две задачи. Первая заключалась в надежной охране внутреннего спокойствия в городе: ему велено было усилить наблюдение за поведением некоторых подозрительных лиц, противодействовать их деятельности. Вторая задача обязывала А.Д. Балашова в сжатые сроки привести как город, так и прибрежную территорию «в надежное оборонительное положение», чтобы англичане, находившиеся с Россией в весьма недружественных отношениях, весной придя в Балтийское море, не застали нас врасплох. В заключение напутствия А.Д. Балашову император Павел Петрович сказал: «Пиши прямо ко мне обо всем и будь уверен, что будешь иметь скорое разрешение»³. На другой день, 28 ноября 1800 г. А.Д. Балашов откланявшись императору Павлу Петровичу и, получив от него пожелание счастливого пути, отправился в Ревель, куда прибыл 1 декабря. Его приезд для местной власти оказался неожиданным, так как приказа ни об отставке прежнего военного губернатора, ни о назначении генерала А.Д. Балашова издано не было⁴. И все же в день приезда А.Д. Балашова в Ревель к нему приехали все руководители города и гарнизона. На другой день генерал А.Д. Балашов нанес визиты главным чиновникам. Первый из них, адмирал и главный командир Ревельского порта А.Г. Спиридов, очень тепло принял и «ласково объяснился» с новым военным губернатором и пригласил его на другой день к себе в гости. Но судьба распорядилась иначе. В этот же день 3 декабря А.Д. Балашов получил высочайший рескрипт, которым ему было повелено немедленно отстранить от должности адмирала А.Г. Спиридова, арестовать и прислать с фельдъегерем в Петербург.

Ходившие слухи о возможном нападении весной 1801 г. английской эскадры на Ревель побуждали Павла I принимать решительные меры по подготовке города и прибрежной территории к отражению

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 35 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 191. Л. 2.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 36–36 об.

⁴ Там же. Л. 37 об.

возможной атаки противника. Все распоряжения императора Павла I о подготовке обороны Ревеля шли в адрес А.Д. Балашова через петербургского военного губернатора графа П.А. Палена. «В течение декабря [1800 г.] и января, отметил А.Д. Балашов в своих воспоминаниях, получал я через графа Палена повеления о поспешении с вооружением и извещение, что часть флота английского уже сюда пришла». В связи с этим А.Д. Балашову вменялось в обязанность срочно «заготовить каленные ядра». Как только покажутся неприятельские суда у берегов обороняемых Ревельским гарнизоном, А.Д. Балашову было приказано «открывать по ним канонаду каленными ядрами»¹. Для усиления обороны города по высочайшему повелению в Ревель был направлен Ревельский мушкетерский полк. К 25 марта был собран весь корпус, каждый полк которого принимал новый военный губернатор А.Д. Балашов.

Однако ход развития событий позволил военному губернатору избежать участия в боевых действиях по обороне Ревеля и его прибрежной полосы от возможного вторжения английской эскадры адмирала Нельсона, стоявшей на виду города.

В конце второй декады марта 1801 г. было получено известие о смерти Павла I и восшествии на престол его старшего сына Александра Павловича. «Однажды, – вспоминает А.Д. Балашов, – я собрал генералов и штаб-офицеров у себя, как приезжает фельдъегерь и передавая мне пакет, поздравил нас с восшествием на престол Александра Павловича. Открыв пакет я нашел там Манифест, присягнули все присутствовавшие...выпили за здоровье Государя и повелели всему городу собраться в соборе для присяги... В два часа... все войско и все жители Ревеля принесли присягу, и я отправил фельдъегеря обратно»².

Военный губернатор оказался в довольно сложной ситуации и с нетерпением ждал из столицы дальнейших указаний в отношении находившейся на виду города английской эскадры адмирала Нельсона.

Вскоре из Петербурга приехал граф П.А. Пален, и «началась у него пересылка с начальником английского флота лордом Нельсоном»³. После обмена несколькими депешами с адмиралом Нельсоном граф П.А. Пален как главнокомандующий письменно уведомил А.Д. Балашова о выводе частей корпуса из города в места постоянной

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 38.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 38 об.

³ Там же. Л. 39.

дислокации, но затем, буквально на второй день потребовал «возвратить все войска в Ревель». И, получив от прибывшего фельдъегеря информацию, срочно уехал обратно в столицу, оставив военного губернатора в полном неведении. «Не уведомил меня ни о каких намерениях, не дал мне никаких распоряжений от нашего двора», – вспоминал А.Д. Балашов спустя годы¹.

Через день после отъезда графа П.А. Палена в Ревель, прибыла группа английских матросов во главе с офицером с личным письмом адмирала Нельсона. В письме адмирал уведомлял, что он придет на Ревельский рейд со своим флотом и одновременно просил позволения пополнить флотские запасы провианта мясом, зеленью и прочими продуктами питания. Одновременно высказал о своем желании лично познакомиться с военным губернатором Ревеля².

Просьба миролюбивого характера командующего флотом на Балтике государства, состоявшего в состоянии войны с Россией, поставила А.Д. Балашова в затруднительное положение. О своем двойственном положении А.Д. Балашов вспоминал (в своих «Записках»). С одной стороны, он знал, что Государь, вступивший на престол, «более склонен к миру с англичанами, нежели к войне». В доказательство некоторого сближения существует переписка Палена «с сим адмиралом», но с другой стороны, об этой переписке ему ничего не известно, и он имеет формальное повеление, как только «покажется вооруженное английское судно, то открывать по нему канонаду калеными ядрами». Это повеление пока никто не отменял³.

В сложившейся непростой ситуации А.Д. Балашов принял единственное разумное решение. Он согласился выполнить все просьбы адмирала Нельсона, в том числе лично встретиться с ним, но при следующих условиях. Пока не поступило дозволение Двора, английская эскадра не должна приближаться к русским берегам на пушечный выстрел. Для получения продуктов питания английские матросы могут прибыть в наши воды, но только на шлюпках. Таким же путем предлагалась и встреча с командующим английской эскадрой.

Адмирал Нельсон с пониманием принял условия военного губернатора Ревеля. В один из дней он высадился с группой своих морских офицеров и пешком явился на встречу с А.Д. Балашовым. Он представил русскому военному губернатору каждого из своих офицеров поименно. Затем между ними состоялась обстоятельная бе-

¹ Там же Л. 39 об.

² Автора письма было трудно определить, так как адмирал в одном из сражений потерял руку и писал левой рукой.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 39 об.

седа о желании обеих наций прекратить боевые действия между собой, о том, что нужно для его флота и о других вопросах, представляющих взаимный интерес. Потом для адмирала и его офицеров была проведена, в пределах возможного, ознакомительная экскурсия по городу. Нельсон нанес визиты «почетным людям» и, покидая Ревель, пригласил А.Д. Балашова нанести ответный визит. Приглашение было принято. Вскоре А.Д. Балашов, адмирал А.Г. Спиридов (император Александр I возвратил его на службу – П.Н.), генерал Князевич и другие генералы на 16-весельном катере прибыли на флагманский корабль английской эскадры, где «были встречены со всеми морскими почестями». Адмирал Нельсон лично провел ознакомительную экскурсию, показав русским генералам корабли своей эскадры, оборудование флагманского корабля, устроил завтрак с лучшими винами и английским пивом¹.

На следующий день А.Д. Балашов попросил адмирала Нельсона отвести свою эскадру от русских берегов, пока не начались мирные русско-английские переговоры. В тот же день Нельсон вывел свою эскадру в море и на прощание подарил А.Д. Балашову медаль, выбитую в честь победы его у берегов Копенгагена².

Знаменитую встречу своего товарища по службе в гвардейском Измайловском полку А.Д. Балашова с будущим национальным героем Англии адмиралом Горацием Нельсоном не преминул описать в своих воспоминаниях генерал-адъютант императора Александра I генерал Е.Ф. Комаровский. «Во время служения моего в Измайловском полку, – вспоминает Е.Ф. Комаровский, – я весьма был дружен с Александром Дмитриевичем Балашовым... в царствование императора Павла, как и все те, которые не подверглись выключке из службы, скоро достиг до генерал-майорского чина. Когда объявлена была война Англии, Балашов был назначен военным губернатором в Ревель. Адмирал Нельсон пришел с вверенною ему эскадрою в Балтийское море с тем, чтобы истребить наш флот и взять Ревель и Кронштадт. Император Павел тогда скончался. Государь Александр Павлович, по восшествии своем на престол, послал в Англию Новосильцева, а Балашову поручено было трактовать с Нельсоном, бывшим уже со своею эскадрою в виду Ревеля. Как известно, мир с Англией скоро был заключен, а вместе с тем уничтожалось и ревельское военное губернаторство»³.

¹Там же. Л. 42 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 44.

³ Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 340.

В июне 1801 г. была подписана Петербургская конвенция о нормализации русско-английских отношений. В связи с этим А.Д. Балашов получил приказ о роспуске корпуса войск, находившегося в Ревеле, а его положение в качестве военного губернатора оказалось в неопределенном состоянии из-за отсутствия четкого определения функциональных обязанностей. Возникли споры между А.Д. Балашовым и гражданским губернатором по вопросам управления различными сторонами деятельности административных органов. Особенно часто возникали споры по вопросу, в ведении какого губернатора, военного или гражданского, должна состоять полиция¹.

Не видя разумного решения возникающих проблем в управленческой деятельности военного и гражданского губернаторов Ревеля, генерал А.Д. Балашов решил искать другое место службы. Но одновременно попросился уйти в годовой отпуск.

Начальник Военно-походной канцелярии генерал-адъютант Х.А. Ливен от Высочайшего имени предложил генералу А.Д. Балашову место шефа Санкт-Петербургского гренадерского полка при условии, если он откажется от ухода в годовой отпуск. Столь заманчивое предложение изменило намерения А.Д. Балашова, который вместо годового отпуска попросил предоставить ему двухмесячный. Желание его было исполнено. Но по каким-то неизвестным причинам предложенное ему назначение не состоялось. Поэтому обиженный, как мы считаем, А.Д. Балашов подал новое ходатайство с просьбой уволить его по болезни вовсе от службы. Император Александр I уволил А.Д. Балашова, но не в отставку, а в отпуск до излечения.

Итак, первый период (время Павловского правления) государственной службы А.Д. Балашова проходил в основном на поприще военной деятельности. Этот период был характерен постепенным продвижением А.Д. Балашова по служебной лестнице от полкового писаря до командира роты, батальона, полка, коменданта Омской крепости, и, наконец, Ревельского военного губернатора. С карьерным продвижением, естественно рос и его опыт государственной, управленческой, и в том числе, в какой-то степени, дипломатической деятельности. Несмотря на то, что в первые годы правления Александра I его продвижение по службе было на некоторое время приостановлено, приобретенный им в весьма молодом возрасте профессиональный опыт позволил ему вскоре вновь вернуться на государственную службу.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 44–44 об.

ГЛАВА II.
В.П. КОЧУБЕЙ И А.Д. БАЛАШОВ
В ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I
(1801–1825)

2.1. Граф В.П. Кочубей на посту министра внутренних дел

Еще до образования министерской системы в России В.П. Кочубей успел проявить себя в полной мере с лучшей стороны в роли русского посла в Турции, вице-канцлера Коллегии иностранных дел при Павле I, в Александровское время – в качестве члена Негласного комитета по разработке и осуществлению либеральных преобразований, а затем – в качестве министра иностранных дел. Несмотря на то что В.П. Кочубей занимал пост министра иностранных дел довольно непродолжительное время (сентябрь 1801 – 8 сентября 1802 г.), он успел показать себя деятельным и последовательным защитником интересов России на международной арене. Виктор Павлович неоднократно и настойчиво обращался к Александру I с призывом не участвовать ни в каких политических спорах и конфликтах на территории других стран и в акциях помощи другим государствам, а больше заботиться о благополучии своей собственной империи.

Приступая к освещению государственной службы В.П. Кочубея на посту министра внутренних дел, нельзя не напомнить, что за 115 лет существования МВД в императорский период (вплоть до февраля 1917 г.) его возглавляли 33 человека, каждый из которых пребывал в должности министра в среднем 3 года и 3 месяца. И только В.П. Кочубей оказался единственным министром, кто был главой МВД дважды (1802–1807, 1819–1823). Этот факт особенно удивляет, принимая во внимание то обстоятельство, что в царствование Александра I министры и главы ведомств, ушедшие в отставку по собственному желанию, фактически лишались возможности в последующем занять ответственную должность на государственной службе. В.П. Кочубею же удалось избежать такой участи, тем более что во второй раз пост главы МВД он занял по личной просьбе императора Александра I.

8 сентября 1802 г. манифест Александра I провозгласил, что в России вместо петровских коллегий учреждается министерская система. В числе первых 8 министерств было объявлено и о создании МВД. Его возглавил граф В.П. Кочубей; заместителем (товарищем) министра был назначен граф П.А. Строганов, еще один близкий

к императору способный государственный деятель, член «Негласного комитета».

Между тем, из «молодых друзей» императора только В.П. Кочубей был удостоен министерского поста, а остальные стали товарищами министра¹. Такое решение государя, по нашему мнению, было вызвано тем, что В.П. Кочубей ещё до учреждения министерств, будучи фактически главой Коллегии иностранных дел и членом «Негласного комитета», показал себя весьма опытным и способным политиком и управленцем, умеющим найти правильное решение любого сложного вопроса².

Остальные советники Александра I такого опыта не имели. Поэтому император, на наш взгляд, принял достаточно взвешенное и обоснованное решение. С одной стороны, он, назначив своих советников и «друзей юности» в новые органы управления центральной администрации, избежал их справедливых обид. С другой стороны, утвердив их в качестве товарищей (заместителей) министра, Александр I получил возможность осуществлять через них постоянный контроль за министрами из числа «екатерининских вельмож». Хорошо известно, что император к некоторым из них относился крайне недоверчиво и недружелюбно³.

За многолетнюю службу, почти полувековую, на различных государственных постах Виктор Павлович проявил себя талантливым администратором и политиком, внимательным и заботливым начальником не только для своих подчиненных, но и для всех тех, кто к нему обращался. Но наиболее результативно и плодотворно он трудился на посту министра внутренних дел, особенно в первое пятилетие существования МВД, ставшего образцом для становления и развития всей министерской системы в России. Этому успеху В.П. Кочубея в руководстве новым ведомством в истории российской администрации в немалой степени способствовали полное доверие и всесторонняя поддержка со стороны императора Александра I, а также осуществленный Виктором Павловичем удачный подбор кадров.

¹ Князь А.А. Чарторыйский был назначен товарищем к министру иностранных дел А.Р. Воронцову, а в октябре 1803 г. Н.Н. Новосильцов, после ухода Г.Р. Державина, стал товарищем министра юстиции П.В. Лопухина.

² См. об этом подробнее: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 161.

³ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 162–163.

В начале XIX в. МВД представляло собой самое крупное и многопрофильное ведомство. В его ведении находились административно-полицейские учреждения, управления по делам иностранных поселенцев, продовольственное, соляное и медицинское дела, Главное почтовое управление и Мануфактур-коллегия. В 1810–1819 гг. в связи с ликвидацией Министерства коммерции и образованием Министерства полиции МВД стало заниматься, главным образом, вопросами развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, особенно на юге России. В 1819 г., вследствие ликвидации полицейского ведомства и передачи дел промышленности и торговли в Министерство финансов, МВД превратилось в полицейско-хозяйственный орган с разнообразными функциями.

При активном содействии М.М. Сперанского, возглавлявшего единственный департамент Министерства, а также других способных чиновников,

В.П. Кочубей в первые годы царствования Александра I организовал МВД, которое, по оценке одного из младших современников, стало первым во вновь образованной машине государственной администрации¹.

Прежде всего, руководство МВД во главе с В.П. Кочубеем раньше других выработало и ввело в практику организационно-штатную структуру министерства, оптимальную в отношении расходов на ее содержание. Вместо установленного высочайшим повелением трехмесячного срока В.П. Кочубей уже 28 сентября представил штаты канцелярии МВД, получившей название Департамента внутренних дел, которые 1 ноября 1802 г. были предварительно одобрены Александром I, а 7 января 1803 г. высочайше утверждены вместе со штатами остальных 7 министерств².

У сотрудников аппарата управления МВД годовые денежные оклады оказались значительно меньше, чем в других министерствах. Это объясняется тем, что 19 ноября 1802 г. императором Александром была утверждена годовая смета на содержание всех министерств в сумме 167 000 рублей.³

В соответствии с этой сметой были распределены денежные средства на финансирование каждого министерства, нередко без учета численности его штата. В результате был нарушен принцип справедливого подхода при финансировании ряда учрежденных мини-

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 98.

² ПСЗ-I. Т. 27. № 20582.

³ РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 54. Л. 11.

стерств, в первую очередь – МВД. Так, на содержание 45 чиновников департамента МВД было выделено 47 750 рублей, а 45 650 рублей – на 28 сотрудников Министерства юстиции¹.

Столь скромная годовая смета потребовала от В.П. Кочубея весьма жесткого подхода к определению годовых денежных окладов подчиненным, в том числе и к своему годовому жалованью. Так, министру внутренних дел был определен годовой оклад в 6 000 рублей, 12 000 столовых и 5 000 на наем дома. Для сравнения укажем, что министры юстиции и иностранных дел получили в год каждый: оклад в 12 000 рублей и столовые – 12 000 рублей. Директор департамента МВД в год получал 3 000 рублей, начальник экспедиции – 2 000, начальник стола – 1 200, старший помощник стола – 1 000, младший помощник – 750, начальник стола секретной переписки – 1 500, начальник архива – 1200, писец – 375 рублей².

В.П. Кочубей, постоянно занимаясь анализом деятельности и поиском повышения эффективности работы сотрудников во вверенном ему ведомстве, 18 июля 1803 г. представил доклад на имя Александра I по результатам деятельности МВД за первые 9 месяцев его существования. Министр, вскрывая разного рода недостатки и упущения в работе чиновников, убедительно обосновывал необходимость существенного повышения исполнительской дисциплины, сокращения количества входящих и исходящих бумаг, уменьшения в 3 раза числа исполнителей. Согласившись с доводами министра о целесообразности реорганизации управления делами, возложенными на Департамент МВД, Александр I утвердил представленный доклад «... фактически в форме закона, положившего переход к введению в министерствах России единоначалия»³.

Это был беспрецедентный случай в истории российского законодательства, когда представленный доклад министра без предварительной переработки был превращен в закон.

Во второй половине 1803 г. реорганизация МВД продолжалась. В декабре этого года в состав министерства была включена медицинская служба, которая стала именоваться Третьей экспедицией. В июне 1806 г. было присоединено Главное правление почт, которым министр руководил на правах Главногоуправляющего⁴.

¹ Там же. Л. 10–10 об., 11.

² Там же. Л. 6, 11.

³ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. С. 20.

⁴ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 167.

В результате постоянных поисков В.П. Кочубеем и его ближайшими помощниками наиболее эффективных форм организационного устройства на момент 1807 г. МВД включало в свой состав министра и его товарища, руководящий и исполнительный состав департамента и экспедиций, а также при министре 5 секретарей и совет «Общество дворян» в составе 10 человек¹.

Таким образом, В.П. Кочубей, принимая под свое руководство какое-либо ведомство, сначала изучал все стороны его деятельности, затем свои наблюдения и выводы излагал в докладе на имя государя, и, получив его одобрение, приступал к очередному преобразованию в министерстве.

В итоге уже в первое пятилетие существования министерской системы в России МВД по своему влиянию и значимости результатов деятельности оказалось первым среди всех министерств. Даже такой злоязычный современник, как Ф.Ф. Вигель, был вынужден впоследствии признать, что в этот период времени «...Кочубей, который в продолжении пяти лет... расширял свое министерство, распространял свою власть, казался первым министром»².

Анализ деятельности В.П. Кочубея в первое пятилетие пребывания его на посту главы МВД показывает, насколько она была многогранной. Так, уже в первый месяц пребывания в должности министра внутренних дел по его инициативе было положено начало статистической службы в России. Проявляя заботу, согласно его формулировке, «о благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи», министр уже 19 сентября 1802 г. личным циркуляром потребовал от губернаторов направить в Министерство данные, чтобы «иметь полное представление о каждой губернии в настоящее время», а затем уведомлять об изменениях положения той или иной отрасли управления в подведомственном каждому из губернаторов регионе³.

Сбором информации о положении дел в губерниях, ее анализом, систематизацией и обработкой как раз и занималось «Общество дворян» из 10 молодых чиновников. В их обязанности входило также и историческое описание начала и состоявшихся перемен в экономиче-

¹ По инициативе В.П. Кочубея министрам разрешалось учреждать сверх штата при своих департаментах «Общество из молодых дворян» до 10 человек, которые, «приобретя предварительное познание в делах, по мере их способности, могли быть с пользою употребляемы и к отправлению возложенных по департаментам должностей» (РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 54. Л. 9).

² Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000. С. 211.

³ Циркулярное письмо министра внутренних дел В.П. Кочубея губернаторам от 19 сентября 1802 г. «О порядке отчетности» // Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 1. С. 30.

ской и хозяйственной области в каждой губернии. Начинания министра В.П. Кочубея в деле организации государственной статистики в России, спустя почти 9 лет продолжил министр полиции А.Д. Балашов, создав 20 марта 1811 г. при своем министерстве Статистическое отделение¹.

По инициативе министра В.П. Кочубея была разработана и внедрена (не только в МВД, но и в других министерствах и ведомствах) единая форма донесений и годовых отчетов министров, которые были возобновлены по указанию Николая I в 1826 г., после 15-летнего перерыва.

По предложению и под руководством В.П. Кочубея в 1803 г. полиция стала содержаться за счет городского бюджета. На основе доклада В.П. Кочубея в Сенате 24 октября 1803 г. был утвержден указ Александра I «О средствах к исправлению полиции в городах». В нем содержались существенные дополнения к указу от 11 мая 1801 г. «Об управлении полицией», направленные на улучшение устройства полицейских органов со стороны местной администрации. После перевода содержания городской полиции за счет бюджета города денежное довольствие полицейским чинам стало определяться с учетом «пространства каждого города, числа жителей и количества городских доходов»².

Почти ежегодно руководство МВД представляло на утверждение государю новые штаты для городской полиции с учетом роста ее численности. За первые 5 лет руководства В.П. Кочубея (1802–1807) были введены новые штаты полиции для 61 города³.

Применялись меры, правда, не кардинального характера, по совершенствованию деятельности земской полиции, которая «лучше справлялась с обязанностями, чем городская». По инициативе руководства МВД были приняты правила для избрания земских исправников (капитан-исправников) в 21 губернии. Право их избрания предоставлялось местным губернским начальникам, а утверждение – Правительствующему Сенату⁴.

К сожалению, принимаемые меры не привели к коренному улучшению службы городской полиции. Министр В.П. Кочубей в отчете о деятельности МВД за 5 лет (8 сентября 1802 – 25 ноября 1807

¹ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 169.

² См. подробнее: ПСЗ-I. Т. 27. № 21007. С. 947–954.

³ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 198.

⁴ Варадинов Н.В. История министерства внутренних дел. Ч. I. СПб., 1858. С. 145.

г.) отмечал, что неудовлетворительное состояние городской полиции объяснялось скудностью средств, выделяемых на ее содержание. Поэтому связанное с ростом городских доходов увеличение штата полиции не устраняло недостатки в работе, а лишь несколько уменьшало служебную нагрузку полицейских. Министр заключал: «... исправление полицейской части не терпит отлагательства»¹.

Министр внутренних дел В.П. Кочубей явился инициатором гласности в деятельности МВД, обеспечения прозрачности в работе многих его служб, в том числе и полиции. Этому в значительной мере способствовал «Санкт-Петербургский журнал», который стал издаваться по инициативе министра с 1804 г.²

4 ноября 1819 г. по личной просьбе императора Александра I В.П. Кочубей вновь возглавил МВД, но уже лишь в качестве управляющего. Такой должности пожелал сам В.П. Кочубей. Он заявил государю, что министерством будет управлять лишь временно, так как его возраст и состояние здоровья не позволяют ему продолжительно заниматься делами службы. Условия графа были приняты.

В день его назначения была осуществлена очередная реорганизации МВД, проведенная с учетом предложений, изложенных В.П. Кочубеем в «Записке о положении Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительству составляющие», составленной им в декабре 1814 г. и представленной на усмотрение императору. Однако произошедшими структурными и функциональными изменениями в МВД В.П. Кочубей остался не очень доволен. Дело в том, что из МВД в Министерство финансов были переданы дела промышленности, которыми любил заниматься В.П. Кочубей. В то же время на МВД были возложены функции упраздненного Министерства полиции, мало интересовавшие нового управляющего, который при этом считал бывшего министра полиции А.Д. Балашова виновником превращения полицейского ведомства, как он полагал, в «министерство шпионства»³.

Несмотря на присоединение бывших департаментов полицейского ведомства к МВД, правоохранительные функции в годы, когда министерством руководил или управлял В.П. Кочубей, не являлись

¹ Краткий отчет В.П. Кочубея по Министерству внутренних дел с начала учреждения его по 25 ноября 1807 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. I. СПб., 1876. С. 184.

² См. об этом подробнее: В.П. Кочубей – инициатор гласности в деятельности МВД России // Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009: С. 239–267.

³ Русская старина. 1902. Т. 109. № 3. С. 487.

приоритетными. МВД продолжало решать проблемы общесоциальной направленности, среди которых необходимо особенно выделить: обеспечение населения продовольствием в неурожайные годы, переселение иностранных колонистов, малороссийских казаков и крестьян на свободные земли юга России, деятельное содействие в развитии промышленности и торговли, учреждение общества для заведения пароходов по Волге, Каме и Каспийском море; помимо этого, министерство проявляло особую заботу о благоустройстве столицы. По инициативе В.П. Кочубея в 1821 г. Комитет министров принял решение о запрещении впредь строить в черте Петербурга предприятия, приносящие вред здоровью жителей, окружающей среде и портящие внешний вид столицы. С его именем как главы МВД связана история коренной реорганизации Ботанического сада на Аптекарском острове с наименованием его «Императорский»¹.

Министр В.П. Кочубей также стоял у истоков развития социального призрения и частной благотворительности. Вопросы социального обеспечения решались через приказы общественного призрения, подведомственные МВД. На свои средства они содержали больницы, богадельни, инвалидные дома, приюты для детей-сирот и рабочие дома для содержания преступников.

В 1806–1807 гг. министр В.П. Кочубей проявил немало усердия в деле формирования отрядов народной милиции, обеспечивая ее вооружением и продовольствием, организации госпиталей для раненых и больных военнослужащих. В Отечественную войну 1812 г., числясь в ставке императора Александра I, В.П. Кочубей выступил одним из учредителей благотворительного общества «Сословие призрения разоренных от неприятеля». В его состав вошли пять высших государственных сановников: граф В.П. Кочубей, обер-шенк граф Н.Н. Головин, обер-гофмаршал граф Н.А. Толстой, госсекретарь А.С. Шишков и обер-прокурор Синода князь А.Н. Голицын. Общество по указанию Александра I возглавил В.П. Кочубей. Попечители на своем заседании 6 декабря 1812 г. единогласно поручили В.П. Кочубею осуществлять все сношения с губернаторами, другими ведомствами, в том числе иностранными, с частными лицами, участвующими в благотворительности. Представлять ежемесячные отчеты о своей деятельности «Сословию...» повелевалось Высочайшей особе в лице Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I.

¹ См. подробнее: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей в Санкт-Петербурге (к 300-летию Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 2. С. 6–16.

За неполных 5 лет своей деятельности «Сословие...» распределило благотворительных средств среди пострадавших от военных действий на общую сумму 6 364 627 рублей. Основная доля была распределена среди жителей Москвы, а также Московской, Смоленской, Калужской, Витебской и прочих губерний, понесших наибольшее разорение. К 1817 г. «Сословие...» свою основную задачу выполнило и указом императора Александра I от 31 августа 1817 г. было закрыто¹.

Граф В.П. Кочубей свою благотворительную деятельность продолжал и в годы царствования Николая I. По просьбе вдовствующей императрицы Марии Федоровны 6 января 1828 г. он становится членом, а затем председателем «Попечительского совета заведений общественного призрения в Санкт-Петербурге». В знак глубокой признательности за деятельное участие в благотворительности после смерти В.П. Кочубея его портрет с высочайшего разрешения был установлен в одном из помещений Обуховской больницы, где он находился более полувека, до 1878 г.²

Кроме исполнения обязанностей министра внутренних дел, В.П. Кочубею в годы правления Александра I приходилось участвовать в работе специальных и особых комитетов (более 20 – П.Н.), которые он нередко возглавлял. Особенно сильный и вместе с тем положительный резонанс в русском обществе вызвали результаты работы Сибирского комитета под председательством В.П. Кочубея. Этот Комитет, рассмотрев в 1821 г. отчет М.М. Сперанского о вопиющих фактах произвола в работе администрации Сибирского края, признал виновными 678 человек. Из них ряд губернаторов и чиновников за явные злоупотребления и преступления понесли строгое и справедливое наказание³.

В 1822 г. при активном участии В.П. Кочубея все проекты М.М. Сперанского, касавшиеся реформы управления Сибирью, были одобрены Сибирским комитетом и утверждены императором Александром I, после чего приобрели силу закона.

Подводя итог государственной деятельности В.П. Кочубея на посту главы МВД, важно подчеркнуть, что министр внутренних дел из числа «молодых друзей» Александра I оказался единственным, кто не только участвовал в разработке проектов либеральных преобразований, но и активно проводил их в жизнь. Он находился в числе

¹ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 3. Л. 421 об., 422. Подробнее о деятельности «Сословия...» см.: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. С. 283–285.

² Там же. С. 770.

³ См.: Сибирский комитет // Николаенко П.Д. Указ. соч. С. 495–502.

тех, кому принадлежала ведущая роль в формировании системы центральных органов управления. Важнейшим звеном этой системы явились министерства, в строительстве которых В.П. Кочубей проявил себя в полной мере глубоким стратегом и «двигателем всех дел».

При непосредственном участии В.П. Кочубея была создана новая система центрального управления, пришедшая на смену коллегиальной – министерская. Вот уже более 215 лет она успешно функционирует в России. Такая долговечность министерской системы объясняется тем, что она в полной мере отвечает потребностям настоящего времени и поэтому, в отличие от петровских коллегий, остается до сих пор столь жизнеспособной.

Завершая анализ деятельности первого министра внутренних дел, подчеркнем, что В.П. Кочубеем в работу министерства были заложены основные демократические традиции и принципы, в частности, принцип гласности в деятельности МВД, получившие дальнейшее развитие в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г.¹

Последние 9 лет жизни и государственной службы В.П. Кочубея протекали при следующем императоре – Николае I. В годы его царствования бывший глава МВД достиг пика служебной карьеры, став председателем Государственного совета и Комитета министров, был удостоен высшего чина в гражданской службе – канцлера по внутренним делам, а также возведен вместе с потомством в княжеское Всероссийской империи достоинство.

2.2. В.П. Кочубей в судьбе первого министра полиции России **А.Д. Балашова**

Обер-полицмейстер Москвы

Будущий министр полиции России генерал-майор А.Д. Балашов после непредвиденного завершения своей военной карьеры при содействии министра внутренних дел России графа В. П. Кочубея вступил в должность московского обер-полицмейстера.

Новое назначение состоялось при необычных обстоятельствах. В мае 1804 г. ушел в отставку военный губернатор Москвы и Московской губернии генерал-фельдмаршал граф И.П. Салтыков. Одно-

¹ Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 20 января 2018 г.).

временно об уходе на пенсию по болезни заявил московский обер-полицмейстер действительный статский советник Г.Г. Спиридов. Новый военный губернатор Москвы А.А. Беклешов на освободившееся место начальника московской полиции рекомендовал местного полицейского чиновника П.А. Ивашкина, отличавшегося особенной расторопностью и доверенностью у обывателей. Но император Александр I предложенную кандидатуру П.А. Ивашкина оставил без внимания и повелел министру внутренних дел В.П. Кочубею подобрать достойного кандидата из числа военных на вакантное место московского обер-полицмейстера. За помощью в поиске подходящего человека на эту должность Виктор Павлович обратился к генерал-адъютанту императора Е.Ф. Комаровскому. На другой день, вспоминает Е.Ф. Комаровский, на музыкальном вечере у Н.А. Гончарова (отца жены поэта Н.Н. Пушкиной) он встретил бывшего сослуживца по армии А.Д. Балашова¹. Тот рассказал о своей горькой судьбе после ликвидации должности Ревельского военного губернатора и о том, что теперь он живет со своей семьей в Москве. Е.Ф. Комаровский в ответ сообщил своему бывшему сослуживцу о том, что он имеет поручение по Высочайшей воле от графа В.П. Кочубея найти достойного кандидата на пост московского обер-полицмейстера. После некоторых раздумий А.Д. Балашов ответил: «Я бы сию должность принял, только я уверен, что меня не определят»².

Утром следующего дня Е.Ф. Комаровский донес результаты беседы с А.Д. Балашовым государю императору. Александр I, выслушав рассказ своего генерал-адъютанта, сказал следующее: «Ты можешь уверить Балашова, что если он желает быть московским обер-полицмейстером, то я охотно его в сию должность определяю. Прикажи ему явиться к Кочубею»³.

Увидевшись с А.Д. Балашовым, Е.Ф. Комаровский передал ему свой разговор с государем, и тот получил желаемое им место. И в этом немалая заслуга принадлежала министру внутренних дел графу В.П. Кочубею. В этом признается сам А.Д. Балашов. В назначенный день, читаем в его «Записках», он приехал второй раз к министру В.П. Кочубею, который объявил ему, что уже подписан указ о его назначении московским обер-полицмейстером. При этом В.П. Кочубей добавил, что Государь остался весьма доволен его прежней армейской службой, особенно в должности Ревельского во-

¹ А.Д. Балашов по первой своей жене Наталье Антипатровне Коновницыной был в родстве с женой Н.А. Гончарова.

² Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. С. 342.

³ Там же. С. 342–343.

енного губернатора¹. В качестве напутствия глава МВД дал А.Д. Балашову некоторые советы по организации полицейской службы в Москве, охарактеризовал «тамошнего начальника генерала Беклешова» и напомнил, что Государь намерен написать «своеручное письмо [А.А. Беклешову], которое ему [А. Д. Балашову] пособит»².

После беседы с министром внутренних дел А.Д. Балашов был представлен государю императору, который с ним весьма «милостиво обошелся» и вручил письмо, адресованное московскому военному губернатору А.А. Беклешову³. В январе 1805 г. А.Д. Балашов отправился к новому месту службы и по приезду в Москву сразу же представился военному губернатору Первопрестольной. По воспоминаниям А.Д. Балашова принят он был своим начальником «без большой ласки, но очень приятным манером: он мне сказал, что мы с ним были незнакомы и друг другу наделали неприятности, что меня сделали обер-полицмейстером в противном его представлении, но что все это не мешает ему радоваться о моем назначении, ибо он много слышал обо мне доброго...»⁴. В заключении беседы А.А. Беклешов заявил новому обер-полицмейстеру: «мы поладим в службе»⁵. И действительно, военный губернатор оказался прав в своей оценке их будущей совместной службы.

Служить в Москве А.Д. Балашову пришлось при двух губернаторах: в 1804–1806 гг. при А.А. Беклешове и в 1806–1807 гг. при Московском главнокомандующем Т.И. Тутолмине. Под руководством А.А. Беклешова прошла большая часть службы московского обер-полицмейстера А.Д. Балашова. Между ними установились доверительные отношения, что весьма эффективно сказалось на результатах деятельности московской полиции. О тех переменах, которые произошли в службе московской полиции с приходом А.Д. Балашова, он донес министру внутренних дел В.П. Кочубею в ноябре 1806 г.: «в каком виде нашел полицию при моем в звание московского обер-полицмейстера назначении в 1804 г. 20 декабря и какие средства к улучшению предпринимал»⁶.

Из текста представленной «Записки» графу В.П. Кочубею видно, что новый обер-полицмейстер Москвы А.Д. Балашов прежде всего упростил порядок донесений о результатах ежесуточной полицей-

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп.1. Д. 217. Л.50 об.

² Там же. Л. 51 об.

³ Там же.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп.1. Д. 217. Л. 52.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 239. Л. 3–5.

ской службы по команде: от полицейских до квартального надзирателя, который доносил частному приставу, тот в свою очередь, полицеймейстеру и последний, наконец, рапортом докладывал обер-полицеймейстеру. Такая многоступенчатая подача рапортов через посредников создавала определенные трудности в своевременном анализе результатов несения полицейской службы за каждые сутки и оперативном принятии необходимых мер по устранению выявленных недостатков и дальнейшему ее совершенствованию.

Кроме того, из-за существовавшего порядка подачи рапортов «недоставало времени для присутствия в Управе благочиния и она теряла через то свой вес»¹. А.Д. Балашов установил два места подачи рапортов по итогам суточной службы: на Съезжей в 6 часов по полуночи и в 8 часов в Управе благочиния. Своими личным примером и взыскательностью, с помощью регулярных проверок новый обер-полицеймейстер добивался точного соблюдения установленного порядка донесений о результатах службы полицейскими нарядами².

Усилия обер-полицеймейстера были направлены на разъяснительную работу с обывателями. Он установил ежедневный прием посетителей «во всякое время дня и ночи», выслушивал всякого терпеливо, ни одного не оставлял без разбора жалобы.

По мнению А.Д. Балашова, ему удалось изменить общественное мнение о работе московского полицейского ведомства. «Через несколько месяцев полицию в Москве стали более и более любить», – вспоминал спустя годы А.Д. Балашов³. Он особо заботился о примерном поведении полицейских чинов, их образцовом внешнем виде. Каждый «замечательный поступок чиновника полицейского» он поощрял гласно, а безнадежным нарушителям «советовал искать счастья в другом месте...»⁴.

Усердное исполнение А.Д. Балашовым обязанностей начальника московской полиции было отмечено рядом поощрений. В течение 3 лет, пребывая в должности московского обер-полицеймейстера, он получил: денежную прибавку к обер-полицеймейстерскому окладу; генерал-майорское жалованье, арендное имение, приносявшее до 4 000 рублей годового дохода, Аннинскую ленту и, наконец, орден Св. Владимира 3-й степени⁵. Из перечисленных видов поощрений для А.Д. Балашова самой ценной была личная награда императора – ор-

¹ Там же. Л. 3.

² РГИА. Ф.1286. Оп.1. Д. 239. Л. 3.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 191. Л. 3.

ден Св. Анны 1-й степени и высочайший рескрипт, в котором сказано:

«Желая наградить отличное усердие Ваше и труды, в отправлении Вашей должности употребляемые, пожаловал я Вас кавалером ордена Святой Анны первого класса, коего знаки при сем для возложения на Вас доставляются.

Александр

В Санкт-Петербурге. Августа 19 дня»¹.

Спустя 11 дней (30 августа 1805 г.) А.Д. Балашов получил высочайший рескрипт и орден Святой Анны высочайшей степени. Удивительно, что в те далекие времена в течение 10 дней из Санкт-Петербурга в Москву была доставлена адресату эта награда. В этом несомненная заслуга министра внутренних дел В.П. Кочубея. Ему потребовалось всего 6 дней для получения и отправки награды А.Д. Балашову в Москву.

Неслучайно А.Д. Балашов в ответном письме на имя министра В.П. Кочубея писал: «Сиятельнейший граф! С глубочайшею признательностью милостивое и поспешное вашего Сиятельства поздравление меня с оным [орденом], которое приемлет милостивым мне знаком благосклонного расположения вашего... которого быть достойным, употреблю все мои силы»².

Служба А.Д. Балашова в должности московского обер-полицмейстера под началом нового главнокомандующего Москвы генерала от инфантерии Тимофея Ивановича Туттолмина продолжалась до ноября 1807 г. В это время участие А.Д. Балашова в создании московской тайной полиции явилось его последним ответственным заданием в должности обер-полицмейстера Москвы.

В феврале-марте 1807 г. А.Д. Балашов лишился матери и жены. Семейная трагедия наложила свой отпечаток не только на личную жизнь А. Д. Балашова, но и на его полицейскую службу. В октябре 1807 г. он попросился в отставку с поста начальника полиции Москвы.

За годы пребывания в должности обер-полицмейстера Москвы А.Д. Балашову удалось многое сделать для укрепления общественного порядка, поднятия авторитета сотрудников полиции в глазах московских обывателей. Он приобрел необходимый полицейско-административный опыт, который оказался весьма кстати в дальнейшем при руководстве полицией и войсками северной столицы.

¹ РГИА. Ф.1286. Оп. 1. Д. 239. Л. 2, 2 об.

² РГИА. Ф.1286. Оп.1. Д. 180. Л. 1, 2 об.

Из воспоминаний А.Д. Балашова известно, что глава МВД граф В.П. Кочубей деятельно участвовал в устройстве московского обер-полицмейстера на новое место службы. Предполагалось сначала А.Д. Балашова назначить на должность генерал-губернатора Малороссии вместо князя Алексея Борисовича Куракина, или членом Свисты Его Императорского Величества, или в сенаторы. Однако по неизвестным для А.Д. Балашова причинам «все переделали». Ему была предложена вновь введенная должность генерал-кригскомиссара, связанная с обеспечением снабжения русской армии. Указ о его назначении на эту должность был подписан 24 ноября 1807 г. в день ухода с поста министра внутренних дел его покровителя графа В.П. Кочубея, который, по слухам, утратил доверие Александра I¹.

Своему назначению на службу в военное ведомство А.Д. Балашов не слишком радовался. «Я совсем не хотел принимать сей должности, отговаривался много, но не сумел отказаться»². В этой должности А.Д. Балашов находился около 4 месяцев. Несмотря на небольшой опыт, ему удалось в ходе торгов по приобретению для армии сапог и холста «сберечь для казны 97 000 рублей»³.

Обер-полицмейстер северной столицы

23 марта (4 апреля) 1808 г. А.Д. Балашов по личному распоряжению Александра I был назначен петербургским обер-полицмейстером. По признанию А.Д. Балашова, его новое назначение в Северную столицу встретили по-разному. Одни говорили, что Государь хочет А.Д. Балашова «сделать генерал-адъютантом», другие – управляю-

¹ Что же побудило В.П. Кочубея, бывшего ближайшего друга и любимца императора уйти в отставку? По официальной версии главной причиной послужила болезнь В.П. Кочубея, которой он страдал с молодых лет на протяжении всей жизни. Действительно, слабое здоровье В.П. Кочубея позволяло ему без скандала оставить службу в период, когда Александр I после Тильзитского мира взял курс на сближение с наполеоновской Францией. Хотя В.П. Кочубей открыто не осуждал резкую перемену в политике императора, он оставался противником профранцузской ориентации российского правительства во главе с Александром I. Каких усилий стоило В.П. Кочубею убедительно демонстрировать свое якобы согласие с новым курсом внешней политики Александра I и в тоже время ловко скрывать от общественности горькое разочарование в тех надеждах, которые он возлагал на императора. В сложившейся обстановке В.П. Кочубей в 1806–1807 гг. трижды в письменной форме обращался к императору с просьбой об отставке. Но император просил его повременить с отставкой, чтобы не давать повода для разговоров, что мол, в правительстве существует оппозиция. Хотя по свидетельству современников можно предположить, что Александр I с 1805 г., видимо стал избегать личных бесед с В.П. Кочубеем. (См. подробнее об этом: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 222–231).

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 55 об.

³ Там же. Л. 56.

щим полицией, третьи заявляли, что ему будет «приятно быть генерал-полицмейстером или вторым военным губернатором»¹.

А.Д. Балашов занял должность бывшего начальника столичной полиции Ф.Ф. Эртели, которого отправил в отставку Санкт-Петербургский военный губернатор князь Д.И. Лобанов-Ростовский как своего личного недруга. В ответ обиженный Ф.Ф. Эртели объявил войну новому обер-полицмейстеру, стал распространять слухи о том, что А.Д. Балашов лишь временно занимает его должность.

Постепенно А.Д. Балашову удалось развеять у заблуждавшейся части личного состава всякие сомнения в отношении его профессионализма в полицейской службе и навести должный порядок в подразделениях столичной полиции. Новый обер-полицмейстер прежде всего увеличил штат и повысил денежное довольствие полицейским служащим. Были повышены денежные оклады всем категориям чиновников полиции.

Одной из важнейших задач обер-полицмейстера являлось наблюдение за содержанием в чистоте общественных мест и улиц столицы. Этого требовали не столько служебные обязанности городской полиции, сколько болезненная реакция императора Александра I на нечистоты на улицах и возле господских домов во время своих ежедневных пеших прогулок по городу.

Нервная реакция военного губернатора Д.И. Лобанова-Ростовского на замечания Государя императора свидетельствовала о его болезненном состоянии и нестерпимом характере.

В мае 1808 г. по состоянию здоровья он вынужден временно отправиться в отпуск, а А.Д. Балашову было повелено «исправлять его должность, за исключением военной части»².

В ходе беседы императора с А.Д. Балашовым, он весьма лестно отметил усердие в службе и выразил надежду, что он впредь «полезен будет».

Примером роста доверия императора к А.Д. Балашову служит тот факт, что и после выздоровления князя Д.И. Лобанова-Ростовского ему было позволено докладывать по важным делам прямо [государю], минуя военного губернатора. А 2 февраля 1809 г. Государь император назначил А.Д. Балашова Санкт-Петербургским военным губернатором и пожаловал в генерал-адъютанты Его императорского Величества.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 59 об.

² Там же. Л. 61–61 об.

Свое назначение А.Д. Балашов считал блистательным, так как не было еще в истории российской государственности примера назначения из числа обер-полицмейстеров в Санкт-Петербургские военные губернаторы.

При этом следует напомнить, что спустя полтора месяца после назначения на пост военного губернатора, он 29 августа 1809 г., в возрасте 29 лет получил воинское звание «генерал-лейтенант». Обязанности военного губернатора северной столицы А.Д. Балашов фактически исполнял до 28 марта 1812 г. После его отъезда в армию в составе свиты Александра I в апреле 1812 г. обязанности столичного военного губернатора и главы полицейского ведомства были возложены на С.К. Вязмитинова, которые он исполнял до своей кончины, последовавшей 5 октября 1819 г.

А.Д. Балашов – министр полиции России

После ухода 24 ноября 1807 г. В.П. Кочубея в отставку и назначения на пост министра внутренних дел А.Б. Куракина очередной этап реформирования МВД М.М. Сперанскому пришлось осуществлять одному. По его замыслу предполагалось все органы обеспечения внутренней безопасности государства сосредоточить в одном ведомстве. Министерство полиции, по его мнению, должно было объединить в своем составе общую и политическую полицию, которая в первое десятилетие царствования Александра I не имела специального органа по руководству политическим сыском. Созданные по высочайшей воле Комитет 1805 г., а затем Комитет 1807 г., так называемой общественной безопасности по результатам своей деятельности оказались малоэффективными. Поэтому идея М.М. Сперанского о создании Министерства полиции была Александром I поддержана и в короткие сроки реализована. Так, 23 июля 1810 г. указом, данным Правительствующему Сенату за собственноручным Его Величеством подписанием говорилось: «Генерал-лейтенанту Балашову всемилоостивейше повелеваем быть министром полиции»¹.

17 (29) августа 1810 г. Александр I утвердил «разделение государственных дел по министерствам». Все дела, возложенные на создаваемое Министерство полиции, разделялись на две главные части: Полицию предохранительную и Полицию исполнительную. 25 августа 1810 г. на имя А.Д. Балашова поступил Высочайшей рескрипт, в котором предписывалось разработать проект организации и дея-

¹ Русская старина. 1898. Т. 95. № 8. С. 410.

тельности вверенного ему министерства в виде «Наказа» министру полиции. Подготовительная работа и написание проекта «Учреждения Министерства полиции» заняли более года.

25 июня 1811 г. проект об образовании Министерства полиции был утвержден Александром I. Министерство полиции состояло из трех департаментов, выделенных из состава МВД: Департамента полиции хозяйственной, Департамента полиции исполнительной, Медицинского департамента. Была образована Особенная канцелярия, ведавшая делами политического сыска и выполнявшая личные поручения министра, который наделялся чрезвычайными правами. Так, например, минуя руководство Военного ведомства, он мог потребовать в «обстоятельствах чрезвычайных» выделение войск непосредственно от командиров полков и воинских команд. При этом министр полиции освобождался от ответственности за превышение власти, если «она в видах общей безопасности была необходима»¹.

При этом в параграфе 102 «Учреждения Министерства полиции» записано, что при принятии «чрезвычайных и настоятельных мер повеления, Министром полиции предписанные, исполняются беспрекословно»².

Со стороны нового Министерства полиции проводилась весьма активная работа по вопросам взаимодействия с другими министерствами: особенно с МВД, Министерствами финансов, юстиции и местными органами власти.

Пристальное внимание руководство полицейского ведомства уделяло обеспечению тишины и спокойствия, исключению внешней угрозы безопасности России в условиях нарастания военной агрессии со стороны наполеоновской Франции. Уже через два с половиной месяца после вступления в должность министра полиции А.Д. Балашов получил секретное высочайшее предписание о задачах высшей полиции по обеспечению спокойствия среди населения польских губерний, вошедших в состав Российской империи³.

Накануне войны принимаются меры по укреплению полиции в западных губерниях. В некоторых городах и местностях учреждаются дополнительные полицейские органы «по обстоятельствам времени», то есть на период предстоящей войны. В связи с этим губернаторам данного региона было высочайше повелено «по особой форме... доставлять Министерству полиции сведения о каждом не только

¹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24686. С. 709.

² ПСЗ-I. Т. 31. № 24687. С. 728.

³ Подробнее об этом см.: Николаенко П.Д. А. Д. Балашов – первый министр полиции России. СПб., 2016. С. 62–68.

важном происшествии, но и о всяком необыкновенном случае не позже первой почты»¹.

В целях усиления контроля за личной перепиской подданных, особенно иностранцев, а также за издательской продукцией 28 декабря 1811 г. был утвержден в составе семи человек штат Цензурного Комитета при Министерстве полиции. В это же время (в декабре 1811 г.) по докладу министра полиции А.Д. Балашова был утвержден новый штат, дополнения в Положение о Конторе адресов. Это полицейское учреждение ведало контролем за передвижением жителей, особенно иностранцев, за прислугой частных домов².

Но успешная деятельность А.Д. Балашова на посту министра полиции, так же как и военная карьера, внезапно завершилась. Причиной тому, как мы считаем, явилось участие министра полиции в кампании травли М.М. Сперанского, затем в аресте и отправке реформатора в ссылку. Через 11 дней, 28 марта 1812 г. А.Д. Балашов был освобождён от своих постов, передал дела С.К. Вязмитинову и отправился вслед за Александром I в Вильно для подготовки к надвигающейся войне с Наполеоном.

Участие министра полиции А.Д. Балашова в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии

12 (24) июня 1812 г. армия Наполеона вторглась в пределы Российской империи. Началась Отечественная война 1812 г. На следующий день 13 июня Александр направил А.Д. Балашова к Наполеону с письмом, в котором содержалось предложение вернуться к довоенному статус кво. Французский император принял парламентаря 18 июня в Вильно, в том самом кабинете, который неделю назад занимал российский император. Переговоры не дали результата.

А.Д. Балашов принял самое активное участие в организации народного ополчения.

1 января 1813 г. А.Д. Балашов в свите Александра I вновь приезжает в действующую армию и сопровождает российского императора в Заграничном походе, выполняя различные дипломатические поручения. В начале сентября 1813 года он был послан в Лондон для вручения принцу-регенту российских орденов в качестве ответного жеста после получения Александром I английского ордена Подвязки. В конце января 1814 г., с приближением союзных войск к Парижу,

¹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24623а.

² В.Г. Чернуха. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. С. 72.

А.Д. Балашов готовился принять пост парижского военного генерал-губернатора, однако, согласно воспоминаниям некоторых современников, Александр I охладил к нему и в течение 1814–1817 гг. использовал А.Д. Балашова лишь для выполнения дипломатических поручений. В частности, 28 февраля 1814 г. А.Д. Балашов был послан в Италию к неаполитанскому королю Мюрату для того, чтобы заключить с ним российско-неаполитанский союзный договор против Наполеона. Окончательное поражение Наполеона рождает массу проблем в послевоенном обустройстве Европы. А.Д. Балашов в 1816 г. отправляется с дипломатическим поручением к Вюртембергскому двору, а оттуда – в Великое герцогство Баден для содействия герцогу в спорном деле об определении границ его владений.

Генерал-губернатор седьмого округа

В Россию Александр Дмитриевич Балашов возвращается только к началу 1818 г. и принимает участие в обсуждении проекта об учреждении генерал-губернаторских округов. 4 ноября 1819 г. Министерство полиции было присоединено к Министерству внутренних дел. В этот же день А.Д. Балашов был назначен генерал-губернатором округа, в который вошли Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская губернии. На этом посту он пытался на практике внедрить положения Государственной уставной грамоты (проекта конституции Российской империи). Разрешение на изменение способа управления губерниями А.Д. Балашов получил в 1823 г. В качестве экспериментального поля была избрана Рязанская губерния, где был создан губернский совет чиновников, в перспективе – основа для местного представительного органа. Кроме того, здесь, а также в Воронежской губернии была предпринята попытка полицейской реформы. Были учреждены должности губернских обер-полицмейстеров, которым подчинялись полиции всех городов губернии. В своей губернаторской деятельности А.Д. Балашов основное внимание уделял совершенствованию делопроизводства, сбору налогов и выполнению повинностей, благоустройству, развитию просвещения; был одним из инициаторов сооружения памятника Дмитрию Донскому на Куликовом поле. 12 декабря 1823 г. был произведен в генералы от инфантерии.

Как выяснилось позже, еще в конце 1826 г. верховная власть при новом императоре Николае I отказалась от создания генерал-губернаторских округов на основной территории империи как ин-

струмента реформирования страны. Итоги реформаторской деятельности А.Д. Балашова по высочайшему повелению должен был рассмотреть на своих заседаниях Комитет 6 декабря 1826 г. и вынести своё заключение.

Членами комитета являлись: граф П.А. Толстой, генерал-адъютант И.В. Васильчиков, начальник Главного штаба барон И.И. Дибич, князь А.Н. Голицын, М.М. Сперанский. Делопроизводителями комитета были: статс-секретарь Д.Н. Блудов, статс-секретарь Д.В. Дашков, с 1831 г. – барон М.А. Корф. Комитет возглавлял граф В.П. Кочубей.

В «Собственноручной записке о занятиях Комитета» император Николай I писал его председателю В.П. Кочубею: «Занятия Комитета должны состоять вкратце:

1. в пересмотре бумаг, найденных в кабинете императора Александра I;
2. в пересмотре нынешнего государственного управления;
3. В изложении мнения:
 - 1) что предполагалось, 2) что есть, 3) что кончить осталось бы еще;
4. в изложении мысли, что ныне хорошо, чего оставить нельзя и чем заменить;
5. как материалы к сему употребить:
 - 1) то, что найдено в кабинете, 2) **то, что г. Балашову поручено было** (выделено – П.Н.), 3) то, что сами члены предложат»¹.

Следовательно, Николай I в программе деятельности Комитета особым пунктом выделил то, что «...Балашову поручено было». Такое внимание императора к этому вопросу, по мнению исследователя Ю. Тота, объяснялось тем, что «ряд положений этого проекта был уже реализован»².

Чтению «бумаг Балашова», заслушиванию его отчёта и устных пояснений Комитет посвятил шесть своих заседаний, которые состоялись в апреле – мае 1827 г.

На первых заседаниях Комитета (13, 17, 18 апреля 1827 г.) были читаны: записка генерал-губернатора А.Д. Балашова «Обозрение частей гражданского управления по губерниям, и некоторые соображения по сему предмету» и три докладные записки его на имя покойного императора Александра I: «О состоянии, в коем нашел он различ-

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891. С. XVI.

² Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб.: Образование – Культура, 2002. С. 45.

ные части управления»; «О приспособлении губернского управления в Рязани к общему ходу дел»¹.

23 апреля 1827 г., открывая очередное заседание, председатель комитета В.П. Кочубей известил присутствовавших о том, что по высочайшей воле в Комитет приглашен генерал-адъютант А.Д. Балашов. В его присутствии был рассмотрен (читан – П.Н.) письменный отчет генерал-губернатора об управлении вверенного ему округа с 1820 по 1827 гг. и заслушаны его устные пояснения.

По словам А.Д. Балашова, все преобразования осуществлялись «по точной высочайшей воле в большинстве случаев не на основе конкретных инструкций и письменных распоряжений, а с помощью «словесных повелений». Далее Балашов добавил, что он не считал эти нововведения «прочными» и, поэтому, при реорганизации губернского управления, «старался не потрептать ни в каком существенном отношении порядка, на учреждении о губерниях основанных».

Подчеркивая эту мысль, А.Д. Балашов заключал, что ныне можно одним высочайшим указом восстановить полностью прежнее течение дел во всех 5 губерниях, не подавая повода ни к каким затруднениям и беспорядкам².

О своих впечатлениях об участии в работе Комитета 6 декабря в подневных записках А.Д. Балашов записал: «23 апреля, суббота. Вечером приглашен был в Комитет, председательствуемый графом Кочубеем, где и продолжалось заседание с 7 [19:00] часов до 10 [22] с лишком, большею частию в чтении моих отчетных записок, но прочитана едва половина». 29 апреля, пятница. В вечер приглашен был опять в Комитет... и опять чтение бумаг моих продолжалось от 7 часов до 10, и я кончил свой отчет и сдал его в сей комитет. В Комитете хвалили много и отчет, и письма мои и дела, но хвалили люди придворные. Увидим искренность их похвал на деле – членов оного гр[аф] Толстой, кн[язь] Голицын, ген[ерал] Васильчиков, Сперанский производитель дел Дашков»³.

Почему-то А.Д. Балашов написал эти фамилии. Видимо, они положительно оценили отчет и бумаги генерал-губернатора. А.Д. Балашов здесь не упомянул Кочубея. Хотя запись от 28 мая 1827 г. свидетельствует о посещении А.Д. Балашовым вдовствующей императри-

¹ Комитет, высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года утвержденный // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891 г.

² Сборник РИО. Т. 74. С. 139.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 14, 15, 18.

цы, где и обедал по ее приказанию. А затем в Царском Селе посетил графа Кочубея¹.

Нам трудно судить, насколько искренним было заявление А.Д. Балашова о его изначально отрицательном отношении к реорганизации местного управления в 5 губерниях, ему вверенных. Но важно заметить, что перед членами Комитета 6 декабря А.Д. Балашов пытался предстать всего лишь исполнителем покойного монарха. На наш взгляд, столь «смирненное поведение» А.Д. Балашова было связано с политическими соображениями. Наверняка, ощущая прохладное отношение большинства присутствующих членов комитета (особенно В.П. Кочубея и М.М. Сперанского) к своей деятельности и пытаясь смягчить критику в свой адрес, А.Д. Балашов решил в своем выступлении заранее поддержать предполагаемое не в его пользу решение. Такой «прозорливой» позицией докладчика и воспользовался Комитет в своем письменном заключении на высочайшее усмотрение, которое было принято 29 апреля 1827 г. после чтения «бумаг Балашова» в его присутствии. Комитет 6 декабря постановил: на основе всех представленных А.Д. Балашовым бумаг составить краткую выписку и поднести оную через председателя на Высочайшее усмотрение вместе с подлинниками и со всеми находящимися при них приложениями².

4 мая 1827 г. Комитет вынес итоговое решение о разделении страны на 12 округов и сделанных А.Д. Балашовым перемен в губерниях. В первой части вопроса Комитет полагал, что повсеместное существование генерал-губернаторов «едва ли может принести истинную пользу. Твердость, единство и сила управления зависит от совершенства установлений, от хорошего выбора людей, а не от безмерной их власти»³. В этом выводе явно просматривалась позиция председателя Комитета В.П. Кочубея по отношению к проекту покойного императора Александра I о введении областного управления.

Вместе с тем В.П. Кочубей и его коллеги по Комитету допускали существование генерал-губернаторов в обеих столицах, а также в пограничных и некоторых других губерниях (Новороссийский край, Сибирская, Оренбургская, Кавказская, Курляндская, Лифляндская, Эстляндская губернии), где местные обстоятельства требовали некоторых отступлений от общего порядка управления.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 14, 15, 18.

² Сборник РИО. Т. 74. С. 139.

³ Там же. С. 145.

Что же касается второй части вопроса, т.е. «опыта Балашова» то, как и следовало ожидать, Комитет нашел, что его преобразования вряд ли могут принести пользу. «Сие образование не почиталось и самим учредителем за установление прочное»¹. Исходя из этих соображений, Комитет признал, что было бы полезно восстановить во вверенных А.Д. Балашову 5 губерниях порядок, существовавший до 1819 г.

8 июня 1827 г. Николай I, ознакомившись с мнением членов Комитета 6 декабря, повелел его председателю В.П. Кочубею немедленно заготовить рескрипт на имя генерал-адъютанта А.Д. Балашова об уничтожении введенного им образования в губерниях, ему вверенных, «на основании собственного о сем предложения»².

Во исполнение высочайшего повеления В.П. Кочубей уже через 3 дня представил соответствующий рескрипт, который Николай I подписал 12 июня 1827 г.

Отставка А.Д. Балашова с поста генерал-губернатора свидетельствовала о том, что новый император Николай I не без помощи, как нам кажется, своих советников В.П. Кочубея и М.М. Сперанского пришел к заключению, что для окружной системы в середине 1820-х гг. Россия еще не созрела.

Уйдя с поста окружного генерал-губернатора, А.Д. Балашов оставался членом Государственного совета. В 1832 г. он был введен как опытный военный администратор в состав Военного совета, функционировавшего при военном министерстве по заведованию хозяйственной частью. В 1833 г. А.Д. Балашов подал в Государственный совет записку «Мнение о мерах по обеспечению народного продовольствия»³. Эта работа явилась завершением его продолжительной государственной службы.

Завидное в молодости здоровье А.Д. Балашова было глубоко расстроено, необычайная энергия, которая его отличала, уже истощилась, и он в 1834 г. вынужден просить у Николая I «совершенного от службы увольнения». Его уход с государственной службы состоялся 23 сентября 1834 г. Трехлетнее пребывание в отставке А.Д. Балашов посвятил исключительно семейным обязанностям, в первую очередь воспитанию своих сыновей, рано оставшихся без матери.

¹ Сборник РИО. Т. 74. С. 146.

² Там же. С. 144.

³ Архив СПб ИИ РАН .Ф. 16. Оп. 1. Д. 226. Л. 9.

ГЛАВА III.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ В.П. КОЧУБЕЯ И А.Д. БАЛАШОВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

3.1. Граф В.П. Кочубей: «Не было министра в России просвещеннее и способнее к его званию»

Опираясь на различные архивные и литературные источники, попытаемся по отзывам современников реконструировать портрет В.П. Кочубея как одного из наиболее просвещенных, квалифицированных и опытных российских высших государственных деятелей своего времени, практически не имевшего себе равных среди министров Александровской эпохи.

Психологи, рисуя портрет современного руководителя, отмечают необходимость таких качеств, как компетентность; умение действовать силой убеждения, видеть перспективу развития проблемы и творчески ее разрешать, быть интеллектуальным лидером, подбирать и воспитывать кадры; эмоциональная зрелость, т.е. способность сдерживать свои эмоции (чувства), твердость и настойчивость в достижении цели; независимость и самостоятельность в принятии решений; забота о подчиненных; коммуникабельность, умение организовывать свой отдых и т.д.¹

Рассмотрим, в какой степени указанные деловые качества были свойственны В.П. Кочубею. Умение его как руководителя заключалось в том, что он всегда внимательно и углубленно изучал состояние дел на вверенном ему участке путем сравнения фактов и данных, поступающих с мест, тщательно анализировал собственный опыт и только после этого принимал оптимальный вариант решения возникшей проблемы.

Это правило являлось отличительной чертой в административной деятельности министра. Как свидетельствует современник, В.П. Кочубей имел «...опытность, быстрый и верный взгляд на вещи, отделяющий существо их от разносторонностей, способность открывать в самом многочисленном деле простые первоначальные его стихии, дарование сравнивать, сводить, соглашать разномыслие»².

¹ См.: Кузьмин Е.С., Волков И.П., Емельянов Ю.Н. Руководитель и коллектив. Л.: Лениздат, 1974. – 166 с; Труд руководителя. Учебное пособие для руководящих управленческих кадров. М.: Экономика, 1977. – 248 с.; Кричевский Р.Л. Если вы руководитель. Элементы психологии и менеджмента в современной работе. М.: Дело, 1993. – 352 с.

² Цит. по: Великий князь Николай Михайлович. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905. Т. 1. С. 150.

Того же мнения придерживался другой современник — А.Д. Боровков, который, исполняя под началом В.П. Кочубея обязанности помощника статс-секретаря Государственного совета по Военному департаменту, так отзывался о нем: «Он был умен, опытен, проницателен, бегло обнимал дела и особенно искусен был постановлять вопросы ясно и определенно, ловко схватывая в деле точки, от которых зависит решение»¹.

Становление молодого В.П. Кочубея как государственного деятеля пришлось на 90-е гг. XVIII в., а в историю следующего века он вошел уже как лидер нового поколения высших административных деятелей, выступающий активным сторонником внедрения новых форм управления с учетом западноевропейского опыта. Тяга к нововведениям, преобразованиям сопровождала В.П. Кочубея на протяжении всей его жизни. Однако наиболее продуктивно в роли руководителя-новатора В.П. Кочубей выступил в первое пятилетие своего пребывания на посту министра внутренних дел. Практически все современники связывают с его именем сам государственный акт учреждения министерств в России, а также все основные нововведения, исходившие от руководства МВД в период первых лет либеральных преобразований Александра I. Обратимся к некоторым из них.

В своем дневнике чиновник Министерства иностранных дел П.Г. Дивов, будучи ярким защитником старины и, следовательно, непримиримым противником В.П. Кочубея, отмечал, что образование министерств являлось «произведением легкомысленности и честолюбия молодых людей, окружавших царя» Александра I в первые годы его правления, что Кочубей, встав во главе МВД и страдая честолюбием, был, тем не менее, трудолюбив, но, к несчастью, не зная своего отечества и «удивляясь премудрости иностранной, истребил весь древний порядок и главный есть виновник многосложности, которая потом внедрилась в управление государством»². Спустя годы, 21 июня 1831 г. П.Г. Дивов, характеризуя преобразовательско-реформаторскую деятельность В.П. Кочубея, сделал еще одну запись в дневнике: «Проникнутый либеральными идеями, он был их главным сторонником как в предшествовавшее, так и в настоящее царствование. По его инициативе изменился весь прежний государственный строй, были уничтожены коллегии и созданы министерства, ко-

¹ Боровков Александр Дмитриевич и его автобиографические записки. СПб., 1899. С. 88.

² Дивов П.Г. Из дневника // Русская старина. 1899. Т. 100. № 10. С. 82–83.

торые ему удалось отстоять неприкосновенными при восшествии на престол ныне царствующего императора»¹.

Далее автор дневника сетовал на то, что в ходе государственных преобразований начала XIX в. не удалось восстановить коллегии, которые, по его мнению, «гораздо целесообразнее и более подходят к духу народа», нежели министерства. При этом защитник коллегиальности, сам того не замечая, своими рассуждениями косвенно подтверждал мудрость и дальновидность В.П. Кочубея как государственного деятеля, сумевшего убедить императора Николая I в целесообразности и жизнеспособности министерств, действовавших, в отличие от коллегий, на основе принципа единоначалия, что значительно повышало эффективность государственного управления.

Следует отметить, что дневник П.Г. Дивова – один из немногих сохранившихся документов, автор которого, описывая происходящие события на протяжении 16 лет своей жизни, оценивал деятельность В.П. Кочубея в самых разных ситуациях. И хотя он писал о В.П. Кочубее с явным негативизмом, осуждая важнейшие из проведенных им преобразований, но, что особенно характерно, признавал его как вполне убежденного и последовательного сторонника либеральных реформ, коренного государственного обновления России. Автор дневника полагал, что Кочубей – «поклонник либеральных идей, которые совершенно не совместимы с переживаемым нами временем...». В более поздних записях за 1828 г. П.Г. Дивов выставял нашего героя чуть ли не революционером, утверждая, что он – «сторонник мысли о необходимости низвергнуть весь прежний строй»².

Такие заявления, как известно, не имели под собой оснований, так как в годы царствования Николая I жизнь В.П. Кочубея протекала «без увлечений либеральными преобразованиями и была насыщена лишь «повседневной служебной деятельностью»³. Но, с другой стороны, важно то, что П.Г. Дивов, как и другие современники, отмечал, что В.П. Кочубей был «трудолюбив», «опытен в делах», и «отсюда имел большое влияние на императора»⁴.

На упомянутые выше деловые качества В.П. Кочубея-администратора указывали также и его подчиненные. Так, губернатор князь И.М. Долгоруков вспоминал впоследствии об исключительном усердии и трудолюбии министра в исполнении своих обя-

¹ Дивов П.Г. Из дневника // Русская старина. 1899. Т. 100. № 12. С. 541.

² Дивов П.Г. Из дневника // Русская старина. 1899. Т. 100. № 12. С. 519.

³ Энциклопедический словарь Русского биографического института Гранат. М., 1913. С. 325.

⁴ Дивов П.Г. Из дневника // Русская старина. 1899. Т. 100. № 10. С. 83; Т. 12. С. 540; 1898. Т. 93. № 3. С.503.

занностей: «Он не играл службой, а исправлял ее со всей возможной деятельностью; не кичился своим титулом, но всю его тягость нес и разделял с нами ношу, неослабно»¹. Ф.П. Лубяновский, служивший секретарем у министра внутренних дел в 1802–1807 гг., в своих воспоминаниях также отмечал, что В.П. Кочубей «в труде не щадил себя»².

Успех дела в конечном итоге в значительной степени определяют кадры. Поэтому, как считают специалисты в области управления, важнейшей задачей руководителя любого ранга является его участие в подборе и расстановке кадров. Подавляющее большинство современников и исследователей данной проблематики, по-разному характеризуя В.П. Кочубея как государственного деятеля, единодушно признают в нем столь редкое и в то же время крайне необходимое руководителю качество – умение правильно распознавать и оценивать людей и употреблять их в интересах службы.

В числе тех, кто первым по-настоящему оценил это достоинство В.П. Кочубея, был его младший современник – барон М.А. Корф. Повествуя о том, что в одно время с В.П. Кочубеем будущее светило российской бюрократии М.М. Сперанский также служил в МВД, М.А. Корф пишет: «Кочубей, к числу достоинств которого принадлежало и необыкновенное искусство в выборе людей, тотчас сумел открыть эту жемчужину и привлечь ее в свое ведомство»³.

Благодаря высоким организаторским и интеллектуальным способностям В.П. Кочубея уже на первом году существования МВД ему удалось в основном сформировать центральный аппарат, в состав которого вошли люди, имевшие серьезное образование и накопившие значительный управленческий опыт. Для В.П. Кочубея важно было, прежде всего, укомплектовать должности управляющих экспедициями людьми, обладающими высоким профессионализмом, безупречными нравственными качествами, хорошей репутацией в обществе.

Так, по настоянию министра в 1803 г. произошло назначение статских советников К.И. Габлица и барона Б.Б. Кампенгаузена управляющими экспедициями (первой – государственного хозяйства и третьей – государственной медицинской управы соответственно). В их лице В.П. Кочубей получил высокообразованных, эрудированных и опытных специалистов, детально знавших свое дело и являв-

¹ Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874. С. 337–338.

² Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М., 1872. С. 221.

³ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1861. Т. 1. С. 95.

шихся образцом безупречного исполнения служебного долга для своих подчиненных.

Среди управляющих экспедициями заметно выделялся своим почтенным возрастом и «большим запасом опытности» Карл Иванович Габлиц (1752–1821). Этот опытный администратор, ученый и хозяйственник был известен среди сослуживцев как «муж совета» (т.е. как знающий и эрудированный эксперт) и пользовался в этом плане большим спросом¹. Будучи студентом Московского университета, молодой К.И. Габлиц в составе научной экспедиции, возглавляемой академиком С.Г. Гмелиным, в 1769–1773 гг. совершил научную экспедицию по Волге, Каспийскому и Азовскому морям, занимаясь ботаническими исследованиями. В 1774 г. он самостоятельно обследовал Гилянские горы, представив Академии наук их описание и собранные коллекции. Через два года он был назначен директором Астраханской конторы. В 1781–1782 гг. К.И. Габлиц участвует в экспедиции адмирала графа М.И. Войновича по исследованию побережья Каспийского моря, с целью поиска места, удобного для строительства порта. По результатам работы экспедиции К.И. Габлиц составил журнал проведенных исследований и наблюдений. На следующий год после присоединения к России Крыма князь Г.А. Потемкин поручил К.И. Габлицу составить «физическое описание» этого края. Успешно справившись с этим поручением, К.И. Габлиц стал быстро продвигаться по служебной лестнице. В 1785 г. он уже советник Таврической уголовной палаты, в 1786 г. директор Таврической экономии. В мае 1787 г. К.И. Габлиц, во время приезда Екатерины II в Крым, в числе других был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени. Через год его назначают таврическим вице-губернатором; в этой должности он трудился до 1797 г. В эти же годы, интересуясь успехами в разведении садов и винограда в Крыму, в освоении пустых земель, В.П. Кочубей, служивший чрезвычайным посланником и уполномоченным министром в Константинополе, знакомится с К.И. Габлицем.

С учреждением Павлом I «Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства» (указ от 4 марта 1797 г.) статский советник К.И. Габлиц назначается одним из четырех ее членов. После этого он состоит при генерал-прокуроре по хозяйственной части. В результате присоединения в 1803 г. указанной экспедиции к МВД В.П. Кочубей приглашает К.И. Габлица на должность ее управляющего. Одновременно, как крупный специа-

¹ См.: Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. С. 221.

лист, К.И. Габлиц остается директором государственных лесов. В 1808 г., ссылаясь на болезнь, он уходит из МВД, назначается сенатором и продолжает состоять членом Комитета по делам Таврической губернии. Скончался К.И. Габлиц в 1821 г. Как ученый-естествоиспытатель, он написал ряд работ, посвященных изучению природы Крыма¹.

Не меньшей ученостью и опытностью славился другой немец, управлявший третьей экспедицией (государственной медицинской управы) Бальтазар Бальтазарович Кампенгаузен (1772–1823). Потомок старинного баронского рода появился на свет в Риге, в семье местного вице-губернатора. Маленький и щеделушный Б.Б. Кампенгаузен, благодаря своим природным способностям и исключительному трудолюбию, прослушав в 1789–1791 гг. курс лекций в немецких университетах (Лейпцигском, Виттенбергском и Геттингенском) и зарекомендовав себя знатоком истории, экономики, права и медицины, стал уверенно и быстро продвигаться по службе. С 1792 по 1796 гг. он служил в русских посольствах в Польше и Швеции. С 1797 г. занимал должность управляющего коммерческим училищем, в 1800 г. получил придворный чин камергера и был назначен членом Медицинской коллегии. В 1802 г. Б.Б. Кампенгаузен утверждается разработчиком плана учреждения в Петербурге медико-хирургического института. В 1802–1803 гг., согласно повелению Александра I, он ревизовал состояние торговли в морских портах юга России, затем осуществлял карантинные мероприятия в Одессе и населенных пунктах Белоруссии. Здесь же он получил известие о своем скором назначении на новую должность – в составе недавно образованного ведомства МВД. Возвращаясь из Одессы в Петербург, он проверял состояние медицинской части в тех губерниях, через которые пролегал его обратный путь. Управляющим третьей экспедицией МВД Б.Б. Кампенгаузен находился, однако, недолго. Правда, все эти годы (1803–1805) он активно занимался вопросами организации медицинской службы в России. Не без помощи В.П. Кочубея и М.М. Сперанского в 1805 г. он становится градоначальником в Таганроге.

¹ См.: Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб., 1785; Он же. Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей. СПб., 1803. Подробнее о К.И. Габлице см.: Вешняков В. Экспедиция государственного хозяйства (1797–1803) // Русская старина. 1901. Т. 108. № 10. С. 202–203; Санкт-Петербургские ведомости. 1787. 15 июня. С. 643; Сын отечества. 1821. Т. 73. № 43–44.

1 января 1810 г. Б.Б. Кампенгаузен, в чине тайного советника, становится государственным казначеем, а через год – сенатором и членом Государственного совета. В 1811 г. его назначают первым российским государственным контролером. Находясь на этом посту вплоть до самой своей кончины, он сделал многое для упорядочения расходования денежных средств. Благодаря обширным познаниям, честности, «неутомимости в трудах» ему удалось завоевать поддержку и высокую оценку своей службы со стороны императора Александра I. Этому в немалой степени содействовал граф А.А. Аракчеев, который, как видно из личной переписки, ссуживал деньги у своего подчиненного. В этом кроется одна из причин того, что в июне 1823 г. уже совершенно больного Б.Б. Кампенгаузена неожиданно назначают временно управлять МВД вместо ушедшего в отпуск В.П. Кочубея. Об этом барон Б.Б. Кампенгаузен в письме к графу Аракчееву от 12 августа 1821 г. писал: «Я ... сделался ... для службы уже неспособным, ... мне необходимо ... взять себе покой и удалиться от всех дел, а без того и двух лет не проживу»¹. В августе 1823 г. во время быстрой езды карета министра опрокинулась, и Б.Б. Кампенгаузен получил серьезные увечья, в результате которых 11 сентября 1823 г. скончался.

Отношение В.П. Кочубея к своему бывшему подчиненному и преемнику было неоднозначным. Министр высоко ценил деловые качества Б.Б. Кампенгаузена и немало сделал в его продвижении по службе, даже в состоявшемся назначении на пост временно исполняющего обязанности управляющего МВД. Однако затем Виктор Павлович горько каялся в том, что не рассмотрел в бароне мелочного и тщеславного человека. Об этом он признавался в одном из писем, адресованных М.М. Сперанскому: «Кстати, при исповеди ошибок моих – кто бы мог подумать, чтобы я сделал столь грубую в спокойном Кампенгаузене? Двадцать почти лет я делал ему добро... а сей подлый человек, месяц спустя распрощавшись со мною самым дружеским образом и изъясняясь сильно о благородности своей и пр., подал Его Величеству записку, в которой написал: «После весьма слабого прежнего управления нужно принять самые строгие меры» и пр., но подлец ошибся: сие не понравилось, хотя вероятно, и было приятно покровителю его [Аракчееву] ... Вот каковы люди!»²

¹ Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). СПб., 1883. С. 322.

² Письмо В.П. Кочубея М.М. Сперанскому от 18 января 1825 г. // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. С. 319.

Трудно нам сегодня определить, кто из них прав – автор письма или тот, который в глазах министра оказался «подлецом». Б.Б. Кампенгаузен, если заявил в записке на имя государя именно так о положении дел в МВД, поступил безнравственно. Если же он выразил свою озабоченность на предмет принятия кардинальных мер по дальнейшему совершенствованию работы МВД, недавно вновь реорганизованного, то такие усилия можно только приветствовать.

Среди начальников экспедиций МВД несомненно ведущая роль принадлежала М.М. Сперанскому – будущей звезде российской бюрократии. Кроме выдающихся личных способностей, стремительному взлету М.М. Сперанского к вершинам государственной службы способствовало и то, что он оказался в ведомстве, которое возглавлял граф В.П. Кочубей, «один из самых просвещенных и благородных... сановников»¹.

Как известно, карьера будущего светила российской реформаторской мысли и практики началась в канцелярии генерал-прокуроров, последовательно сменявших друг друга: А.Б. Куракина, И.В. Лопухина, А.А. Беклешова и П.Х. Оболянинова. До поступления М.М. Сперанского на службу в МВД все предыдущие начальники относились к нему только как способному чиновнику, который мастерски, посредством составления бумаг, выгодно представлял их в глазах императора. За это М.М. Сперанский получал, естественно, согласно их протекции, значительные поощрения и довольно быстро рос по службе.

Но, по признанию самого М.М. Сперанского, если вдруг он допускал промах или некорректно отзывался о своем начальнике в кругу коллег (из-за этого впоследствии он оказался в ссылке – П.Н.), то к нему проявлялась излишняя придирчивость, граничащая с оскорблением. Особой грубостью по отношению к подчиненным отличался генерал-прокурор П.Х. Оболянинов, нередко доводивший их до слез. Жалуясь в очередной раз своему тогдашнему приятелю, будущему сенатору В.К. Безродному на тяжелую службу у генерал-прокурора П.Х. Оболянинова, Михаил Михайлович Сперанский рассказывал: «Помилуйте, хоть бы сейчас броситься в пруд. Работаю день и ночь, от Петра Хрисанфовича слышу одни ругательства; сейчас... Бог знает за что, разбранил меня в пух и обещал запрятать в казематы на семь сажен под землю. Этого вынести нельзя!»²

¹ Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность М.М. Сперанского. Киев, 1872. С. 11.

² Цит. по: Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 1. С. 63–64.

Совершенно иное отношение к себе и своей работе встретил молодой М.М. Сперанский в ведомстве В.П. Кочубея. После ухода из МВД в октябре 1807 г. М.М. Сперанский в письме, адресованному уже бывшему своему начальнику, чистосердечно признавался: «Первое движение мое сего утра есть принести Вашему сиятельству мою истинную и душевную благодарность. С лишком пять лет исполнилось, как я вступил под начальство ваше; во все сие время я видел непрерывные опыты милости и доверенности вашей; во всё сие время не имел я даже тени какого-либо правильного огорчения – счастье, коим люди в моем роде службы редко похвалиться могут. Напоследок, как милостиво вы со мною начали, так же милостиво теперь и окончили. Чувство благодарности моей и приверженности пребудет во мне всегда неизгладимо»¹.

Эти слова искренней признательности графу В.П. Кочубею написаны Михаилом Михайловичем Сперанским в первые дни пребывания на новом посту, который вознесет его в качестве ближайшего советника императора Александра I на вершину государственной службы. Столь высокая оценка деловых и моральных качеств В.П. Кочубея как руководителя, исходящая из уст его бывшего подчиненного, человека незаурядного ума, выдающихся способностей и энциклопедической образованности, вполне справедлива.

С первых дней службы между В.П. Кочубеем и М.М. Сперанским сложились не только деловые, но и вполне дружеские отношения. Глава МВД увидел в подчиненном способного, трудолюбивого исполнителя, единомышленника в преобразовательной реформаторской деятельности. Современники полагали, что Александр I, командировав М.М. Сперанского в МВД, обязал В.П. Кочубея вместе с его талантливым подчиненным в короткий срок выработать оптимальную организационную структуру ведомства, уточнить его функции и задачи, чтобы оно стало затем «служить образцом для других министерств»².

Действительно, В.П. Кочубей с помощью М.М. Сперанского достаточно успешно выполнил это поручение императора Александра I, при этом продемонстрировав глубокие и значительные познания молодого чиновника, своего подчиненного, в деле государственного управления.

¹ Корф М.А. Указ соч. Т. 1. С. 101.

² Булгарин Ф.В. Воспоминания: В 6 ч. СПб., 1846–1849. Ч. 5. С. 311.

Удачно подобранные министром В.П. Кочубеем управляющие экспедициями сумели укомплектовать не менее способными чиновниками остальные структурные подразделения департамента МВД.

Что же представлял собой административный аппарат – корпус чиновников, служивших в департаменте МВД в первое пятилетие деятельности министра В.П. Кочубея? Рассмотрим его социальный портрет на примере послужных списков 76 чиновников Экспедиции государственного хозяйства (первой экспедиции), которая по степени важности задач, выполняемых в интересах экономики страны, занимала определяющее место среди всех структурных частей МВД¹. Кстати, в указанный период В.П. Кочубей уделял именно ей наибольшее внимание.

Почти каждый третий чиновник первой экспедиции был дворянином; 67,1 процентов служащих этой экспедиции составляли выходцы из непривилегированных сословий: обер-офицерские дети (28,9 процентов), представители духовенства (17,1 процентов), мещан (9,2 процентов), купечества (2,6 процента), крестьян (1,3 процента), прочих (8,9 процентов – сюда отнесены, главным образом, иностранцы, сословная принадлежность которых в послужных списках не указывалась).

Все это наглядно свидетельствует о том, что даже низшее звено чиновного аппарата МВД комплектовалось в основном за счет представителей господствующего класса и сословий, преданно служивших самодержавному строю (обер-офицерские дети, духовенство). Здесь уместно заметить, что 23,7 процента чиновников экспедиции являлись бывшими военными. Это еще раз подтверждает значительное влияние армии на гражданское управление, наглядно иллюстрирует специфику службы в МВД, представляющем собой, во многих отношениях, военизированное ведомство.

Анализ имеющихся данных показывает, что служащие экспедиции распределялись на три основные группы. Руководящее ядро экспедиции составляли чиновники с 5-го по 7-й класс. Это начальники отделений, их советники, столоначальники и их старшие помощники (в чине статских и коллежских советников). В общей сложности, таковых было 13 человек (17,1 процента). Другую группу, превосходящую по численности первую вдвое (26 человек, 34,2 процента), составляли чиновники 8-го и 9-го класса (коллежские асессоры и титу-

¹ Все данные, характеризующие социальный портрет 76 служащих Экспедиции государственного хозяйства департамента МВД по состоянию на 1 января 1805 г., получены автором на основе анализа их послужных списков, хранящихся в РГИА (Ф. 1349. 1805 г. Оп. 4. Д. 20. Л. 1–130).

лярные советники), которые занимали должности служащих среднего звена. Это некоторые столоначальники, их старшие и младшие помощники, а также журналисты отделений. И, наконец, третья группа, самая многочисленная (37 человек, 48,7 процентов), состояла из 26 служащих, имевших классный чин (5 человек – 10-го класса, 16 человек – 12-го, 2 человека – 13-го и 3 человека – 14-го класса; то есть сюда входили коллежские, губернские и провинциальные секретари, а также коллежские регистраторы). Это недавно назначенные помощники и младшие помощники столоначальников, помощники экзекуторов, часть опытных писарей. И 11 служащих низшего звена, недавно назначенные на должность писаря, писца, канцеляриста, вообще не имели классного чина. В заключение отметим молодость чиновников, средний возраст которых составлял всего 28 лет.

Данные послужных списков по состоянию на 1 декабря 1805 г. показывают, что 94,7 процента служащих на момент поступления на службу в МВД прошли профессиональную подготовку в различных государственных учреждениях. В указанный период первая экспедиция департамента была укомплектована на 44,8 процента за счет чиновников губернских правлений и вошедших в состав МВД Экспедиции государственного хозяйства, Мануфактур-коллегии и Главной соляной конторы.

Более чем на 43 процента вакантные должности были заполнены служащими, пришедшими из других министерств и ведомств. Небольшую долю канцелярских постов (6,6 процентов) занимали бывшие чиновники Правительствующего Сената. Из 76 послужных списков, которыми мы располагаем, видно, что только 4 человека (5,3 процента), поступившие на службу в экспедицию, не имели опыта канцелярской работы.

Таким образом, служащие Экспедиции государственного хозяйства департамента МВД были, с одной стороны, молоды, с другой – достаточно опытные, успев до поступления на службу во вновь образованное министерство пройти через определенные первоначальные этапы бюрократической службы.

Что же касается общеобразовательной подготовки чиновников, то, по тогдашним представлениям, они были достаточно хорошо образованы. Неполные данные позволяют лишь частично представить их образовательный уровень. Однако уже сам факт, что среди данной категории чиновников 15,8 процента имели высшее образование, свидетельствует о тщательном подборе кадров.

Без сомнения, можно утверждать, что чиновники, в послужных списках которых отсутствует запись об образовании, также обладали достаточно высоким образовательным уровнем. Подтверждением тому служат следующие косвенные указания. 18 чиновников до поступления на гражданскую службу являлись военными, из них 15 – служили офицерами в гвардейских частях, и, следовательно, имели хорошее домашнее воспитание и военное образование. Недаром среди них были те, кто занимал должности переводчиков, главных писарей канцелярий военачальников, военных губернаторов и генерал-губернаторов, служил в Коллегии иностранных дел. Например, 7 человек, у которых не указано образование, служили в канцеляриях генерал-прокуроров А.Б. Куракина, А.А. Беклешова, П.Х. Оболянинова, а также в канцелярии Совета, получившего позднее название «Государственного», главным начальником которой являлся Д.П. Трощинский. Кстати, в канцелярии Д.П. Трощинского до поступления в МВД служил также и М.М. Сперанский.

В первом составе чиновников Экспедиции государственного хозяйства МВД начинал службу и будущий министр финансов Егор Францевич Канкрин. Выходец из немецких дворян, Е.Ф. Канкрин, окончив классическую гимназию и университет в Магдебурге, по приглашению своего отца, управляющего солеваренным заводом в Старой Руссе, в 1797 г. прибыл в Россию. Однако только спустя 3 года он был принят на российскую службу. 14 января 1800 г. Е.Ф. Канкрин, в чине коллежского советника, был определен на действительную гражданскую службу к своему отцу, помощником управляющего Старорусским соляным заводом. А в ноябре 1803 г. он уже назначается советником по отделению соляных дел первой экспедиции департамента МВД. В мае 1805 г. он производится в чин статского советника, а в феврале 1811 г. – действительного статского советника. Затем переходит в Военное министерство, возглавив интендантскую службу; вскоре ему жалуются чин генерала от инфантерии. В 1823–1844 гг. занимал пост министра финансов и одновременно сенатора¹.

Данные, полученные в результате анализа послужных списков гражданских чиновников одной из основных по своему значению экспедиций МВД по состоянию на декабрь 1805 г., позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся кадровой политики руководства

¹ РГИА. Ф. 1349. 1805 г. Оп. 4. Д. 20. Л. 109; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 276–277.

министерства по комплектованию служащими центрального аппарата управления.

Канцелярские чиновники управленческого аппарата МВД с точки зрения социального происхождения комплектовались, главным образом, за счет представителей непривилегированных сословий (более 67 процентов). Как известно, для этого многочисленного слоя чиновников, не имевших, как правило, земельной и другой собственности, служба являлась основным источником дохода и средством к существованию. В то же время часть должностей – в основном начальствующего состава – занимали дворяне.

При отборе кандидатов предпочтение отдавалось молодым людям, которые имели основательное образование, хорошо зарекомендовавшим себя уже на начальном этапе своей служебной карьеры, отличавшимся трудолюбием и порядочностью.

Результаты проведенного анализа показывают, что руководство МВД отбирало в министерство в первую очередь тех чиновников, которые были ему известны ранее по совместной службе, либо проявивших определенное усердие в работе, находившихся, например, в составе различных комиссий по ревизии губерний. Среди сотрудников первой экспедиции МВД мы встречаем чиновников бывшей Экспедиции государственного хозяйства, где начальником был в свое время К.И. Габлиц. По его протекции в министерство были приняты чиновники из других ведомств, проявившие исключительное усердие и знание дела во время ревизии Саратовской губернии (1802), в составе комиссии во главе с К.И. Габлицем. Здесь же оказались бывшие сослуживцы М.М. Сперанского по канцелярии генерал-прокурора А.Б. Куракина и т.д.

Даже по далеко не полным данным можно сделать вывод о том, что

В.П. Кочубею и его помощникам удалось довольно успешно решить задачу по комплектованию структурных подразделений департамента МВД людьми образованными, подготовленными, знающими свое дело и стремившимися должным образом проводить в жизнь линию министра. Недаром чиновников «первого призыва» в административном аппарате МВД при В.П. Кочубее современники отмечали как весьма квалифицированных и культурных, а «кочубеевскую канцелярию» считали настоящей школой обучения и воспитания кадров. «Канцелярия его, – вспоминал бывший губернатор князь И.М. Дол-

горуков, — наполнена была людьми опытными в делах, сведущими в познаниях теоретических и ко всякому благосклонными»¹.

Столь высокая оценка деятельности центральной администрации управления МВД явилась результатом грамотной кадровой политики, проводимой министром. При этом следует отметить, что в годы «второго управления» МВД В.П. Кочубей не изменил своим уже установившимся методам и оценочным критериям в подборе лиц для своего управленческого аппарата. Успех министра в решении кадровых вопросов, разумеется, во многом определялся его собственными образованностью, характером, деловыми личными качествами и жизненным опытом.

Свои критерии и требования к кандидатам, желающим работать в системе МВД, он предъявлял во время встреч и бесед с теми, кто намеревался служить под его началом. Во время первого знакомства с кандидатами В.П. Кочубей стремился, прежде всего, выяснить уровень их профессиональной подготовки, а также нравственные качества. При этом, если в ходе первой беседы у министра складывалось положительное мнение о кандидате, то он, через несколько дней повторно беседуя, старался найти подтверждение своему первому положительному впечатлению. Если это случалось, то, выждав некоторое время, министр объявлял кандидату свое решение о зачислении его на службу.

Такого рода профессиональным методическим приемам и оценочным критериям со стороны министра подвергались и чиновники МВД, в особенности руководящего уровня, проходившие проверку на предмет очередного повышения по службе, и другие государственные служащие, которые были подведомственны управлению министра внутренних дел. Наиболее точно и подробно раскрыл содержание «кочубеевской методики» по отбору кадров будущий сенатор Д.Б. Мертваго, который в своих «Записках» ярко и красноречиво описал ситуацию своего назначения на пост таврического губернатора. Дворянство Тавриды, сообщал автор, надеясь, что только он может «истребить укоренившиеся там беспорядки», рекомендовало его на вакантный пост губернатора. Предложение дворянства поддержал Г.Р. Державин, занимавший пост генерал-прокурора, хорошо знавший Д.Б. Мертваго по прежней службе. Осенью 1803 г. друзья посоветовали Д.Б. Мертваго, прежде чем дать свое согласие на замещение губернаторской должности, встретиться с В.П. Кочубеем. Дело в том, что по одной личной причине Д.Б. Мертваго первоначально пытался

¹ Долгоруков И.М. Капище моего сердца... С. 338.

отказаться от нового назначения. Не зная истинных намерений министра, он полагал, что В.П. Кочубей будет препятствовать ему в продвижении по службе. Такое «грустное» будущее своей карьере Д.Б. Мертваго предрекал из-за того, что, по слухам, министр находился «в большом несогласии с Державиным», по протекции которого мемуарист с декабря 1802 г. возглавлял соляное дело в Крыму.

Получив вследствие ходатайства Г.Р. Державина высочайшее позволение, Д.Б. Мертваго приехал в Петербург и встретился с В.П. Кочубеем. Мемуарист представил министру объемистый доклад и «кучу бумаг» с расчетами о путях более эффективной добычи и продажи среди населения крымской соли. Через четыре дня после ознакомления с представленными документами министр назначил ему встречу на восемь часов вечера воскресного дня. В первой ознакомительной беседе участвовали министр, его товарищ (заместитель) П.А. Строганов, управляющий Экспедицией государственного хозяйства К.И. Габлиц и начальник отделения по соляной части. Доклад, подготовленный Д.Б. Мертваго, слушатели встретили с большим пристрастием и множеством вопросов, прозвучавших со стороны министра и других присутствующих. Позже, как вспоминал Д.Б. Мертваго, по мере «жаркого» обсуждения доклада представленные им «доказательства обратили министра» на его сторону. Так закончилось первое знакомство с министром. Далее автор «Записок» рассказывает, что В.П. Кочубей с каждым днем всё с «большим отличием» принимал его у себя дома, приглашая даже на обеды. После нескольких таких встреч министр сам предложил Д.Б. Мертваго пост гражданского губернатора Таврической губернии. При этом было оговорено, что одновременно он будет продолжать исполнять обязанности управляющего соляной экспедицией в Крыму, дополнительно получая за это 2400 рублей. «Я согласился, – пишет автор, – и вскоре был определен»¹.

Выдвиженец министра полностью оправдал его доверие. В течение четырех лет Д.Б. Мертваго самым добросовестным образом исполнял обязанности как губернатора, так и начальника соляной части Таврической губернии. Со своей стороны, В.П. Кочубей, собираясь в отставку, не забыл отметить столь ревностное усердие подчиненного и ходатайствовал о новом повышении его по службе. По ходатайству министра в конце октября 1807 г. последовал указ о назна-

¹ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. М., 1867. С. 163, 172.

чении Д.Б. Мертваго генерал-провиантмейстером Военного ведомства¹.

Назначение Д.Б. Мертваго на губернаторский пост убедительно доказывает умение В.П. Кочубея привлекать на ведущие административные должности одаренных людей, которые разделяли его взгляды и были готовы безупречно выполнять свои обязанности. С другой стороны, секрет умения министра выбирать способных чиновников для занятия влиятельных административных должностей заключался в том, что он детально знал намерения и потребности своих подчиненных и, в меру имеющихся у него возможностей, проявлял постоянную о них заботу. Все это, несомненно, приносило ему широкую популярность и авторитет.

Поощрительная политика В.П. Кочубея

Министр В.П. Кочубей всегда стремился по достоинству оценивать службу своих сотрудников и подчиненных.

Опираясь на результаты, полученные в ходе анализа послужных списков чиновников МВД, нам удалось частично реконструировать систему поощрения некоторых категорий служащих министерства в период, когда его возглавлял В.П. Кочубей.

Наиболее деятельно и разнообразно по видам наград поощрительная политика осуществлялась министром в первое пятилетие существования МВД. При этом, исследуя сохранившиеся послужные списки, можно заключить, что основным видом поощрения в этот период было пожалование очередного чина. Для государственных служащих такой вид поощрения был весьма престижен. Дело в том, что предоставление к получению чина за особые заслуги в качестве награды не требовало строгого соблюдения установленного срока выслуги в предыдущем чине, варьирующегося в пределах от 3 до 8 лет².

Получение очередного чина в виде поощрения открывало чиновнику дорогу к занятию вышестоящей должности раньше установленного срока. По-видимому, именно в этом кроется, на наш взгляд, главный мотив министра, проводившего довольно активную политику чинопроизводства. Так, по имеющимся данным, в 1803–1805 гг. из 73 служащих Экспедиции государственного хозяйства 34 человека

¹ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. С. 274.

² См. подробнее об этом: Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство-СПб, 1999. С. 166–188.

(46,6 процентов) были поощрены тем или иным способом. Из них 30 служащих (88,2 процента) получили очередной чин, 3 человека награждены орденами, 1 человек по высочайшему повелению был произведен в юнкеры и переведен в военную службу. Двое чиновников, кроме пожалования им следующего чина, были еще удостоены денежной премии¹.

Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что награждение чиновников МВД орденами в исследуемый период было весьма ограничено. К награждаемым предъявлялись довольно высокие требования. Возможность получения ордена связывалась с классом чина награждаемого. Так, орден Св. Владимира 3-й степени мог даваться лишь чину не ниже 4-го класса, т.е. лишь коллежскому советнику и выше. При награждении орденами учитывались также выслуга лет и усердие по службе. Гражданские служащие в этот период награждались, как правило, орденами Св. Владимира (3 степеней) и Св. Анны (3 степеней). Статусами обоих орденов предусматривалось награждение лиц за выслугу лет, если их чин соответствовал установленному классу. Таким образом, кавалерами этих орденов могли стать чиновники МВД, занимавшие руководящие должности – управляющие экспедициями (департаментами), правители канцелярии министра, его секретари, начальники отделений и столоначальники. За усердие в службе и особые труды к орденам представлялись также и другие категории служащих МВД. Так, в декабре 1803 г. орденом Св. Анны 2-й степени был награжден главный судья Новороссийской опекунской конторы иностранных колонистов статский советник С.Х. Контениус. Ко дню награждения ему исполнилось 50 лет, из которых последние 18 лет он посвятил службе по освоению юга России². В декабре 1804 г. ордена Св. Анны 2-й степени был удостоен начальник отделения первой экспедиции коллежский советник Н.Д. Жулковский, прослуживший более 17 лет³.

Пользуясь доверием и поддержкой императора, В.П. Кочубей в период своего первого управления министерством также стремился поощрять подчиненных подарками от имени императора. Чаще всего вручались перстни с бриллиантами, золотые табакерки или портсигары, реже – золотые часы. Так, по итогам служебной деятельности за 1806 г. 16 сотрудников департамента МВД были награждены цен-

¹ Подсчитано авт. по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 20. Л. 1–130.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 20. Л. 67.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 20. Л. 11.

ными подарками от имени монарха, в том числе 10 человек получили перстни с бриллиантами, 6 человек – золотые табакерки¹.

Что касается такой награды, как «высочайшее Его императорского величества благоволение», то ею удостаивались, главным образом, представители губернаторского корпуса и других местных административных органов управления, подведомственных МВД. Министр В.П. Кочубей, выступая в качестве ходатая такого вида поощрений, стремился, чтобы губернаторы за усердие в службе могли получать рескрипты с письменным благодарственным обращением императора. При этом в рескрипте могло быть объявлено внеочередное пожалование чина, денежное вознаграждение или увольнение от службы с выражением монаршего благоволения. Об этом с особой теплотой вспоминал бывший владимирский губернатор князь И.М. Долгоруков. Он утверждал, что В.П. Кочубей всячески искал возможность лишний раз обратить внимание государя на начальников губерний. Князь И.М. Долгоруков признавался, что он ежегодно удостаивался счастья получать по несколько рескриптов, подписанных собственноручно Его величеством. Так, однажды, при весьма лестном рескрипте по ходатайству В.П. Кочубея губернатору были пожалованы сверх штата столовые деньги и чин тайного советника².

Несмотря на то что опытный и влиятельный В.П. Кочубей в совершенстве владел техникой поощрения своих подчиненных, в период его второго управления МВД она стала давать определенные сбои. Об этом известно из письма В.П. Кочубея к А.А. Аракчееву от 17 мая 1823 г., в котором Виктор Павлович с горечью заявлял о том, что на протяжении последних 4 лет чиновники его министерства не получали наград, хотя представление на их поощрение было одобрено Комитетом министров в 1821 г. Автор письма отмечал, что сложившаяся ситуация вызывает у подчиненных справедливые жалобы, а его самого ставит «в неприятное положение». В заключение В.П. Кочубей просил ускорить этот вопрос «испрошением высочайшего разрешения»³.

Мы можем только предполагать, что в этом письме В.П. Кочубея речь идет о награждении чиновников МВД орденами, так как из анализа послужных списков видно, что другие виды поощрения они в указанный период получали. Для сотрудников МВД и полиции наиболее «урожайными» на ордена оказались 1816–1817 гг. При ана-

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 234. Л. 296.

² Долгоруков И.М. Капище моего сердца... С. 338.

³ Письмо графа В.П. Кочубея А.А. Аракчееву. 17 мая 1823 г. // Вестник Европы. 1870. Т. 5. № 9–10. С. 111.

лизе послужных списков 90 чиновников Медицинского департамента МВД установлено, что в эти годы ордена получили 15 человек (15,6 процентов), а за период руководства В.П. Кочубея (ноябрь 1819 – декабрь 1822 г.) удостоены ордена лишь 4 чиновника (4,4 процента)¹.

Следовательно, к началу 1820-х гг. этот вид награды стал весьма редким. Чем это было вызвано? Частым отсутствием императора не только в столице, но и в России? Не исключено, что сказывалось и это. Или усилением влияния на ход внутренней жизни страны А.А. Аракчеева, который, по словам Ф.Ф. Вигеля, к этому времени был употреблен императором «как мщение всему русскому народу»?² Может быть, оказывала свое влияние личная неприязнь А.А. Аракчеева к В.П. Кочубею, которая к этому времени появилась не только у «временщика», но и у Александра I? Возможно, планировалось прекратить массовое награждение орденами чиновников с 6-го по 8-й класс, т.е. средней прослойки государственных служащих, которые занимали самостоятельные должности, в основном исполнительного характера.

Вернее всего, на первый план выдвигались политические соображения. Дело в том, что в первой половине XIX в. награждение любым орденом давало его кавалеру потомственное дворянство. Вскоре закон от 30 октября 1826 г. ограничил это право: купцы, удостоенные ордена, стали получать только личное дворянство, а после принятия закона о почетном гражданстве (10 апреля 1832 г.) – только лишь звание потомственного почетного гражданина³.

Оказавшись в трудноразрешимой ситуации с получением орденов и других наград и стремясь ослабить неудовольствие, возникшее в этой связи среди служащих МВД, В.П. Кочубей стал активно раздавать денежные вознаграждения от своего имени. Такой вид награды практиковался и при других министрах, однако денежные премии рассматривались, прежде всего, как средство материальной помощи. Они выдавались, как правило, чиновникам, занимавшим канцелярские или низшие исполнительные должности.

Когда же В.П. Кочубей встал во главе МВД во второй раз, предназначение денежного вознаграждения несколько изменилось. Денежная премия для большинства чиновников министерства становится практически основным видом поощрения. Так, из 35 служащих Медицинского департамента денежные награды получили: в 1820 г. –

¹ Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 18. Л. 1–26; Д. 22. Л. 1–129.

² Вигель Ф.Ф. Записки. С. 212.

³ См.: Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие... С. 78.

21 человек (60 процентов); в 1821 г. – 26 человек (74,3 процента); в 1822 г. из 37 человек – 26 человек (70,3 процента) поощрены деньгами. Следовательно, за 1820–1822 гг. 73 чиновникам лишь одного Медицинского департамента в качестве поощрения была выдана по тем временам значительная сумма денег – 23 160 рублей. Уместно заметить, что годовой оклад столоначальника отделения департамента министерства составлял 1 200 рублей. Размер денежного вознаграждения служебного рвення чиновников определялся с учетом их должности, опыта и результатов службы и равнялся от 100 до 600 рублей, то есть от месячного до полугодового оклада начальника стола.

Завершая анализ поощрительной политики В.П. Кочубея, справедливости ради следует отметить, что во время его министерской деятельности в 1820-е гг. пожалование чинами и назначение на высшестоящие должности служащих МВД осуществлялось точно в срок. Например, за 1820–1822 гг. из 91 чиновника общей канцелярии министра и Медицинского департамента каждый третий служащий получил очередной чин¹. Таким образом, поощрительная политика, проводимая В.П. Кочубеем по отношению к подчиненным, служила важнейшим средством активизации их служебной деятельности, способствовала поддержанию здорового морального климата и высокой исполнительской дисциплины внутри министерства.

Создавая социально-политический портрет В.П. Кочубея, необходимо отметить такое его качество (столь важное для руководителя любого ранга), как доброжелательное отношение к людям и готовность помочь попавшему в беду человеку. Подтверждением тому являются мемуары современников с описаниями поступков, совершенных Виктором Павловичем по велению сердца.

Ф.В. Ростопчин, критически относившийся к В.П. Кочубею, в письме князю П.Д. Цицианову от 15 апреля 1804 г. вынужден был признать, что хотя «В.П. Кочубей ... и не довольно Россию знает, чтобы быть внутренним министром, но сердце и душу имеет благородную, следовательно, полезен и государю, и государству»².

Спустя 9 месяцев после письма Ф.В. Ростопчина «благородство» министра было проверено несчастным случаем, виновником которого стал кучер В.П. Кочубея. В январский день 1805 г. на одной из улиц Петербурга под колеса быстро мчавшегося экипажа министра случайно попал прохожий. Им оказался крестьянин Иван Андреянов,

¹ Подсчитано автором.

² Цит. по: Бартенев П. Деятельность в XIX в. Исторический сборник М., 1872. Кн. 2. С. 43.

крепостной помещика Ярославской губернии майора Герасима Мицкого. В результате наезда кареты крестьянин был серьезно изувечен, и, несмотря на усилия врачей, остался навсегда калекой, полностью потеряв трудоспособность. Посоветовавшись со своей женой, графиней Марией Васильевной, министр в письме к ярославскому губернатору князю М.Н. Голицыну подробно изложил свой план материальной помощи крестьянину, ставшему калекой по вине его кучера.

«Милостивый государь мой, князь Михаил Николаевич, – писал министр ярославскому губернатору 13 января 1805 г. – Честь имею препроводить... к Вашему сиятельству тысячу рублей, прося Вас... внести сии деньги в Ярославский приказ общественного призрения. Я представляю сумму сию в пользу ... крестьянина Ивана Андреянова с тем, чтобы он ежегодно получал узаконенные с той суммы проценты до смерти своей; а по смерти его, я представляю себе право... сделать о сих деньгах такое распоряжение, какое за благо признаю...»¹. С местным руководством было оговорено, что потерпевший Иван Андреянов из внесенного капитала ежегодно в качестве пенсии будет получать проценты в размере 50 рублей.

В.П. Кочубей ошибался, думая пережить калеку: крестьянин Иван Андреянов пережил своего патрона и ровно 33 года получал так называемую «кочубеевскую пенсию». 19 декабря 1838 г. Андреянов скончался, а его сын Василий Андреянов попытался стать кочубеевским пенсионером. Но ему отказали на том основании, что несчастье случилось не с ним, а с его отцом. Возник вопрос, как поступить с капиталом Кочубея в дальнейшем. По волеизъявлению жены покойного Виктора Павловича министр внутренних дел Л.А. Перовский совместно с местной администрацией решил учредить «Кочубеевскую премию». Было решено, что внесенный покойным князем В.П. Кочубеем капитал в размере 1 000 рублей и причитавшиеся с него проценты со дня смерти крестьянина Ивана Андреянова (с 19 декабря 1838 г.) и до 1 января 1843 г. впредь именовать «Кочубеевский». Ежегодно, начиная с 1843 г., в день ангела жертвователя (11 ноября) за счет процентов, получаемых с указанной суммы, награждать «Кочубеевской премией» одного из беднейших помещичьих крестьян Ярославской губернии. Кандидатом на премию мог стать лишь тот, кто отличался справедливостью и честностью, примерным попечительством о родителях и семействе своем, а также точным исполнением христианских заповедей.

¹ Русский архив. 1876. Кн. 3. № 9–12. С. 339.

Несмотря на строгие критерии, изложенные в «Положении», разработанном МВД, «Кочубеевская премия» выдавалась ежегодно в течение 17 лет, вплоть до 1860 г. После упразднения Приказа общественного призрения капитал, назначенный для «Кочубеевской премии», был использован по указанию руководства МВД для устройства Ярославского ремесленного училища¹.

Занимая высшие посты в государстве, В.П. Кочубей продолжал заботиться о бывших своих подчиненных. До начала XIX в. чиновникам при поступлении на службу не требовалось документально подтверждать факт своего образования. Но указ, данный Сенату, 24 января 1803 г., озаглавленный «Об устройствах училищ»², предупреждал, что через 5 лет лица, не представившие свидетельства об окончании учебных заведений, не будут определяться в должности. Это требование получило правовое закрепление в указе от 6 августа 1809 г.³, который предписывал чиновникам, начиная от 8-го класса (коллежский советник), представить свидетельство об университетском образовании. Если у кого-то из чиновников указанного класса не имелось университетского образования, то необходимо было держать экзамены перед испытательной комиссией любого университета. Каждый кандидат был обязан сдать экзамены по русскому языку, одному иностранному, естествознанию, арифметике, геометрии, физике, всеобщей и русской истории, римскому, гражданскому и уголовному праву. Помимо сдачи перечисленных экзаменов, для получения чина статского советника необходимо было иметь 10-летний стаж службы, в том числе, чтобы кандидат не менее 2 лет прослужил в должности начальника экспедиции, правителя канцелярии или советника прокурора.

Такие жесткие требования, изложенные в указе, сделали его крайне непопулярным среди чиновников и вызвали многочисленные случаи его нарушения. Нередко при назначении на должности, соответствовавшие обозначенному в указе классу, его просто стремились обойти.

На эту стезю вынужден был встать и глава МВД В.П. Кочубей. Это произошло при следующих обстоятельствах. Однажды он решил достойно отметить усердие своего подчиненного А.М. Фадеева, исправлявшего с 1818 г. должность старшего члена Екатеринославской конторы иностранных поселенцев⁴. В.П. Кочубей узнал о его добро-

¹ Там же. С. 344.

² ПСЗ-I. Т. 27. № 20597. С. 437–442.

³ ПСЗ-I. Т. 30. № 23771. С. 1054–1057.

⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867. Одесса, 1897. Ч. 1. С. 59.

совестной службе из представления главного попечителя колонистов южного края России генерал-лейтенанта И.Н. Инзова, который ходатайствовал перед министром о награждении А.М. Фадеева орденом Св. Владимира 4-й степени. Затем А.М. Фадеев посещал министра во время пребывания его в Феодосии, а весной 1824 г. сопровождал его в иностранные колонии на юге России. Во время этой поездки министр увидел в лице А.М. Фадеева прекрасно образованного и знающего свое дело чиновника. В качестве поощрения Виктор Павлович решил произвести его в очередной чин. Дело в том, что А.М. Фадеев, не желая сдавать экзамен, предусмотренный указом 6 августа 1809 г., вынужден был находиться в чине титулярного советника 15 лет¹.

В результате близкого знакомства А.М. Фадеев сумел произвести на министра самое благоприятное впечатление. В.П. Кочубей, даже находясь с июня 1823 г. в отпуске, свои планы в отношении присвоения Фадееву чина без экзамена довольно настойчиво стал проводить в жизнь. 24 января 1824 г. В.П. Кочубей сообщил своему преемнику В.С. Ланскому о том, что, зная А.М. Фадеева уже более 3 лет, он «в нем увидел сведущего, усердного чиновника, соединяющего в себе отличную деятельность с весьма хорошими нравственными качествами». Далее он сообщал, что не всякий чиновник может быть способен служить с пользою по колониальной части, так как она требует знания иностранных языков, хорошей ориентации в вопросах хозяйствования, проявлений «кротости» и терпения. Поэтому, заключал В.П. Кочубей, в настоящем чине, соединенном с отличными способностями и усердием, А.М. Фадеев заслуживает в полной мере изъятия из общего правила о производстве в чин коллежского асессора по экзамену².

Добившись включения фамилии А.М. Фадеева в список чиновников министерства на поощрение со стороны императора, В.П. Кочубей, воспользовавшись случаем, высказал свое положительное мнение о нем в письме Александру I. Оставляя Крым после 8-месячного пребывания, связанного с лечением младшей дочери, 1 мая 1824 г. В.П. Кочубей направил письмо императору. В нем он поведал о своих самых благоприятных впечатлениях от посещения иностранных колоний Екатеринославской губернии, которые в результате «благотворной руки Вашего величества» находятся в «лучшем состоянии». Далее, подробно описав устройство колоний, их быт

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Приложение к Ч. 1. С. 208.

² Там же. С. 210.

и состояние хозяйства, В.П. Кочубей как бы мимоходом рассказал государю о стесненных условиях жизни экстраординарного члена Попечительного комитета южных колоний С.Х. Контениуса. «Я встретил там, – пишет министр, – этого почтенного старца, отягощённого бременем 76 лет и своей немощностью и все еще занимающегося с неутомимой ревностью. Горестно я был поражен состоянием бедности, в которой он находится. Он не имеет даже пристойного экипажа. Ездит на службу в старой коляске, совершенно неудобной и разбитой ...». В.П. Кочубей напоминал в этом письме о том, что объявленное в 1823 г. повеление государя о выделение 25 процентов доходов от аренды в пользу С.Х. Контениуса Министерством финансов до сих пор не исполнено. Министр просил императора об ускорении решения данного вопроса, выделении в виде ежегодного пенсионного или столового содержания 2 000 рублей старику, а также средств для приобретения приличного экипажа, «чтобы облегчить остатки дней сего верного слуги Вашего величества».

Здесь же В.П. Кочубей не забыл упомянуть о том, что С.Х. Контениус очень хвалил своего помощника А.М. Фадеева, уверяя, что он может с честью заменить его по «колониальной службе». «Я нахожу действительно, – пишет министр, – что этот молодой человек имеет много достоинств и познаний, необходимых к тому, чтобы усердно управлять этой частью. Я думаю, – заключал министр, – ... если бы его подвинули вперед, не затрудняясь производством, он мог бы быть полезным службе Вашего величества даже в должностях высших и важнейших»¹.

Просьба В.П. Кочубея была вскоре удовлетворена. Указом императора статскому советнику С.Х. Контениусу были пожалованы 2 000 рублей столовых, а титулярный советник А.М. Фадеев без экзамена произведен в чин коллежского асессора (8-й класс). Предсказание министра о будущей судьбе А.М. Фадеева подтвердило время: он впоследствии стал саратовским губернатором, служил долгое время на Кавказе в канцелярии наместника края, генерал-фельдмаршала светлейшего князя М.С. Воронцова.

С добротой соседствовало еще одно достоинство В.П. Кочубея – стремление в любых, даже самых сложных, условиях защищать своих подчиненных. Будучи министром, ему приходилось чаще всего «улаживать» взаимоотношения между генерал-губернаторами и гражданскими губернаторами, которые в силу разных причин нередко пере-

¹ Письмо В.П. Кочубея государю Александру Павловичу от 1 мая 1824 г. // Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Приложение к Ч. 1. С. 211–212.

растали в настоящие конфликты. Порой генерал-губернаторы подвергали преследованиям подчиненных им губернаторов. Известны, например, гонения со стороны сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля на губернаторов А.М. Корнилова и В.С. Хвостова.

В.П. Кочубей, обладая особым чутьем на поиск деловых людей, обладал умением наиболее целесообразно расставлять кадры с учетом их деловых качеств и интересов службы. В этом плане заслуживает внимания назначение В.С. Хвостова томским гражданским губернатором. В феврале 1803 г. по инициативе МВД Тобольская губерния была разделена на 2 губернии – Тобольскую и Томскую¹. По рекомендации министра В.П. Кочубея на новую должность гражданского губернатора Томской губернии был назначен действительный статский советник В.С. Хвостов. Зная его с 1794 г., министр поручил ему не только сформировать и укомплектовать сотрудниками административные органы управления, но и обустроить новую губернию.

Для решения столь ответственной задачи В.С. Хвостову при содействии министра внутренних дел были выделены денежные средства, кроме того – позволено отобрать 70 чиновников, изъявивших готовность трудиться на новом месте службы. В 1804 г. В.С. Хвостов доложил об исполнении поставленной задачи; вскоре начали свою деятельность местные органы власти. На обустройство их помещений и рабочих мест было истрачено 4 120 рублей. Для развития Томской губернии и роста численности населения в течение 3 лет на ее землях были размещены 3 200 семейств, переселившихся из центральных районов страны.

В руководстве МВД за губернатором В.С. Хвостовым утвердилось мнение как о хорошем организаторе и заботливом руководителе губернии. Но однажды губернатор допустил оплошность в соблюдении субординации во взаимоотношениях с начальством. Инициативный и творчески мыслящий губернатор В.С. Хвостов в 1806 г. без ведома нового генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля поднес напрямую министру В.П. Кочубею свои предложения о перспективах развития края. Через В.П. Кочубея содержание программы В.С. Хвостова о перспективах освоения Сибири стало известно императору, который выразил автору монаршее благоволение и наградил орденом Св. Владимира 3-й степени².

¹ Чечулин Н.Д. Князь В.П. Кочубей // Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903. С. 376.

² См.: Записки Василия Семеновича Хвостова // Русский архив. 1868. № 1–12. С. 599.

Вскоре В.П. Кочубей ушел в отставку, а честолубивый и мстительный генерал-губернатор И.Б. Пестель стал притеснять своего «самостоятельного» губернатора, дело дошло до суда. В 1808 г. В.С. Хвостов был вынужден уйти в отставку. Полностью он был оправдан только в 1820 г., после вмешательства М.М. Сперанского и В.П. Кочубея¹. Благодаря их настойчивости решением Сената от суда были освобождены томский губернатор В.С. Хвостов и тобольский губернатор А.М. Корнилов².

В течение 1805 г. непросто складывались служебные отношения между недавно назначенным гражданским губернатором Таврической губернии Д.Б. Мертваго и херсонским военным губернатором генералом от инфантерии А.Г. Розенбергом. Боевой генерал проявлял явное пренебрежение к гражданскому губернатору и не удостоивал его службу своим вниманием. Д.Б. Мертваго, не выдержав недружелюбного отношения к себе со стороны военного губернатора, попросил министра освободить его от должности. В.П. Кочубею не хотелось увольнять знающего и инициативного подчиненного со столь ответственного поста, который до этого больше года был вакантным из-за отсутствия достойного кандидата. Чтобы положить конец конфликту, возникшему между первыми лицами губернии, В.П. Кочубею пришлось просить помощи у Александра I. Хотя военные губернаторы, как правило, пользовались доверием императора, последний в данном случае встал на сторону министра. Он велел В.П. Кочубею письменно уведомить генерала А.Г. Розенберга о том, что его отношение к гражданскому губернатору вызывает неудовольствие Его императорского величества.

Насколько эта мера оказалась действенной, рассказывает в своих воспоминаниях сам Д.Б. Мертваго. «В ответ на мою просьбу, — пишет он, — В.П. Кочубей прислал благосклонный отзыв, уведомляющий о том, что по велению государя было сообщено А.Г. Розенбергу, дабы он был со мною снисходительнее и дружнее и чтобы поприлежнее смотрел за... канцеляриею. Мне советовал министр искать его благорасположение, говоря, что лета и прежняя служба дают ему право на пожертвования с моей стороны»³. Однако Д.Б. Мертваго не пришлось воспользоваться советами министра, так как вскоре А.Г. Розенберг вышел в отставку. Вместо него должность херсонско-

¹ См.: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 313, 499.

² Подробнее об этом см.: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 495–502.

³ Записки Д.Б. Мертваго. М., 1867. С. 193.

го военного губернатора занял Э.О. де Ришелье, с которым министр поддерживал самые тесные деловые отношения.

Расскажем еще об одном случае из жизни В.П. Кочубея, который свидетельствует о его человеколюбии, готовности помочь людям, попавшим в беду. Для В.П. Кочубея, только что назначенного на пост председателя Государственного совета, весьма неприятным событием стало крушение военного фрегата «Вестовой», на борту которого находились его люди с имуществом, следовавшие в Ревель. Лето 1827 г. В.П. Кочубей вместе с семейством решил провести в Ревеле. Начальник морского штаба вице-адмирал А.В. Моллер в письме к графу В.П. Кочубею от 29 апреля 1827 г. сообщал о том, что по повелению государя для него приготовлен 44-пушечный фрегат «Вестовой» под командою капитан-лейтенанта П.Б. Домогацкого. Фрегат находится в Кронштадте и готов к выходу в море «по первому ... назначению»¹. Командир фрегата «Вестовой», получив ответственное задание по доставке людей и имущества В.П. Кочубея в Ревель, стал готовиться к выходу в море. Корабль был обеспечен вооружением, боеприпасами, провизией для 4-месячного автономного плавания. Команда насчитывала 351 человек: офицеров – 6, мичманов – 6, прочих – 5 человек, нижних чинов – 334 человека².

18 июня 1827 г. на корабль поднялся В.П. Кочубей и члены его семьи. Здесь уже разместился его экипаж с людьми и имуществом. Вечером, с наступлением благоприятной погоды, «Вестовой» вышел из порта, но, пройдя дальнюю брант-вахту, из-за сильного встречного ветра встал на якорь. Только 20 июня, воспользовавшись установившейся на короткое время безветренной погодой, командир вылавировал корабль «Вестовой» за вехи и ушел в открытое море. На шестой день пребывания в бушующем море (24 июня) по распоряжению В.П. Кочубея командир «Вестового» в 14.00 повернул фрегат в обратный путь. На следующий день корабль благополучно возвратился в порт и вновь стал на Кронштадтском рейде. В тот же день Николаю I было донесено о вынужденном возвращении «Вестового» на базу, на рапорте начальника Морского штаба А.В. Моллера оставлена пометка: «Его императорское величество изволил читать»³. Разыгравшаяся буря внесла значительные коррективы в план морской поездки В.П. Кочубея. Сойдя на берег, Виктор Павлович условился с командиром фрегата в случае благоприятной погоды имущество и экипаж

¹ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 350. Л. 2.

² РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 350. Л. 9.

³ Там же. Л. 20–20 об.

с людьми отправить морем; сам же граф с семейством решил добираться до Ревеля сухим путем.

Капитан-лейтенант П.Б. Домогацкий, стремясь быстрее выполнить поручение председателя Государственного совета, 28 июня вывел свой фрегат в море. Плавание началось в условиях вновь усилившегося встречного ветра, затруднявшего управление судном из-за низкой видимости и наката высоких волн. Затем началась буря, которая заставила командира уйти из открытого моря и прижаться к берегу, чтобы продолжить плыть по заданному курсу. Вечером 2 июля 1827 г. фрегат «Вестовой» потерпел крушение, сев на мель в 28 верстах от Ревеля. Экипаж «Вестового», а также людей В.П. Кочубея с его имуществом разместили на лайбе и доставили в Ревель. Фрегат спасти не удалось. Его пришлось разобрать.

Пока велось следствие по делу о гибели фрегата «Вестовой», его командир капитан-лейтенант Петр Борисович Домогацкий с 20 июля находился под арестом. Во второй половине августа 1827 г. состоялось заседание военного суда под председательством контр-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, который по повелению Николая I специально выезжал в Ревель для тщательного расследования причин гибели «Вестового». Военный суд в ходе своих заседаний констатировал, что если бы командир Домогацкий руководствовался пеленгом кошкарского маяка и острова Врангеля, тогда он мог бы избежать опасности. В противном случае он обязан был повернуть фрегат от мелей в море, но по самонадеянности ни того, ни другого не сделал, вследствие чего подверг корабль крушению.

1 сентября 1827 г. был вынесен приговор: на основании Морского устава капитан-лейтенанта П.Б. Домогацкого лишить всех чинов и разжаловать в матросы до «отличной выслуги». Другие офицеры, несшие службу вместе с командиром, в частности штурман и вахтенный, к суду не привлекались. Аудиториатский департамент Морского штаба, изучив решение суда, сделал следующее заключение: П.Б. Домогацкого к производству не представлять и команды на море не поручать впредь, до «отличной выслуги». Заключение предстояло утвердить в военном департаменте Государственного совета, заседание которого было назначено на июнь 1828 г.

Граф В.П. Кочубей очень тяжело переживал, узнав о суровом наказании бывшего командира «Вестового». Он считал, что П.Б. Домогацкий несет суровую кару из-за него. Переживания графа В.П. Кочубея хорошо переданы в воспоминаниях А.Д. Боровкова, служившего в то время в канцелярии военного министра, одновре-

менно исполнявшего обязанности помощника статс-секретаря по военному департаменту Государственного совета. Он писал, что летом 1828 г. император Николай I, отправляясь в Турецкий поход, учредил особый комитет, уполномоченный высшей властью решать все вопросы по военной части, не представляя предварительно на утверждение государя. Председателем комитета был назначен граф П.А. Толстой (он же являлся председателем военного департамента Государственного совета), членами – граф К.И. Опперман, граф П.В. Голенищев-Кутузов и генерал от инфантерии А.Я. Сукин. Делопроизводство в комитете было возложено на А.Д. Боровкова¹.

Однажды, как пишет А.Д. Боровков, граф В.П. Кочубей призвал его и просил защитить капитан-лейтенанта П.Б. Домогацкого, осужденного за то, что посадил на мель фрегат, отправленный в Ревель с его экипажем. При этом он с чувством говорил: «Мне было бы неприятно, если бы кто пострадал из-за меня. Когда бы государь был здесь, я лично бы умолял его о помиловании». А.Д. Боровков обещал «употребить все ... силы» для этого, но указал на то, что решение зависело от П.А. Толстого: «На устах князя (в то время еще графа – П.Н.), – пишет мемуарист, – мелькнула улыбка»².

Помощник статс-секретаря А.Д. Боровков сдержал слово, данное председателю Государственного совета В.П. Кочубею. В своих воспоминаниях он утверждал, что государь по возвращении из армии остался доволен всеми решениями комитета, объявившего 498 высочайших повелений³. В их числе было рассмотрено и дело П.Б. Домогацкого, по которому 23 июня 1828 г. на заседании военного департамента Государственного совета было принято решение, облегчающее степень наказания виновника крушения фрегата.

Мнение военного департамента Государственного совета, подписанное всеми членами особого комитета и делопроизводителем А.Д. Боровковым, а также доклад Аудиториатского департамента Морского штаба по делу о бывшем командире фрегата «Вестовой» П.Б. Домогацком, поступили на рассмотрение Временной верховной комиссии, которая в отсутствие императора в России исполняла его обязанности.

Исследовав поступившие документы по делу бывшего командира фрегата «Вестовой», члены Временной верховной комиссии единодушно согласились с мнением военного департамента Государ-

¹ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 435.

² Цит. по: Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб., 1910. С. 116.

³ Там же.

ственного совета. В записке на имя государя они изложили следующее свое мнение: «рассмотрев журнал по сему делу военного департамента и доклад Аудиториатского департамента Морского штаба и видя из приговоров как военного суда, так и Аудиториатского департамента и Адмиралтейского совета, что преступление П.Б. Домогацкого произошло от самонадеянности и по неумышленной ошибке и соглашаясь с заключением военного департамента, участь Домогацкого подвергает милосердному Вашего императорского величества воззрению. Подписались: граф В.П. Кочубей, граф П.А. Толстой, князь А.Н. Голицын»¹. Возвратившийся в августе 1828 г. в Петербург Николай I на записке Временной верховной комиссии, полученной вместе с другими документами, наложил собственноручную резолюцию: «Представить Домогацкому определиться на службу на основании манифеста 1826 года августа 22, то есть: первым офицерским чином, и в таком случае определить на службу в Черноморский флот»².

Комиссия на своем заседании 18 августа 1828 г., руководствуясь высочайшей собственноручной резолюцией, последовавшей на ее «Записке», повелела морскому министру призвать П.Б. Домогацкого и «спросить, желает ли он воспользоваться сим Высочайшим дозволением и в случае согласия его учинить во исполнение воли Его Императорского Величества надлежащее распоряжение»³. Этим заключением комиссии во главе с председателем Государственного совета В.П. Кочубеем была поставлена последняя точка в судебном деле капитан-лейтенанта П.Б. Домогацкого. Участливое отношение В.П. Кочубея к судьбе командира фрегата, потерпевшего крушение, лишний раз подтверждает душевность графа, его доброту и заботу о тех, кто в силу непредвиденных обстоятельств оказался в трудной житейской ситуации.

Обладая высокой человеческой и управленческой культурой, В.П. Кочубей умел слушать людей; примеров этому можно обнаружить достаточно в воспоминаниях его современников. Слушая своего собеседника, В.П. Кочубей старался сосредоточиться на главной его мысли: «Он любил говорить о делах губернии, — вспоминал князь И.М. Долгоруков, — расспрашивал обо всем, что до нее касалось, не сбивался в посторонние материи, но, очертя круг своего разговора, всегда находился в той губернии, о которой давался ему отчет»⁴. В.П. Кочубей никогда не прерывал собеседника; очень часто собе-

¹ РГА ВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 53. Л. 6, 7.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Долгоруков И.М. Капище моего сердца... С. 338.

седники в ходе доверительной беседы с ним полностью раскрывались — этому способствовало искреннее внимание и интерес министра к делу и к говорящему.

В этой связи вызывает особый интерес наблюдение, оставленное в воспоминаниях графа М.Д. Бутурлина, который, будучи дальним родственником жены В.П. Кочубея, в 1824 г. постоянно встречался с его жившей в Одессе семьей. Хотя мемуарист далеко не отличался наблюдательностью, но, как вспоминал он много лет спустя, его поразило в графе Викторе Павловиче «...внимание, с которым он выслушивал всякие мнения, дельные и недельные, всех собеседников обо всяком предмете, не исключая семнадцатилетней чепухи, когда я совался вставить свое слово в эти, не под стать мне, разговоры»¹.

Даже Ф.Ф. Вигель, крайне скупой на похвалы, в своих «Записках» очень тепло вспоминал о беседах с В.П. Кочубеем, которые состоялись в Одессе по инициативе самого графа. «Меня граф Кочубей позвал к себе в кабинет, — сообщает Ф.Ф. Вигель, — и тотчас посадил. Одаренный удивительной памятью, говорил он со мной о китайском посольстве, с участием вспоминал об отце моем (бывшем пензенском губернаторе — П.Н.) и с любопытством расспрашивал о Бессарабии ... Прощаясь, объявил он мне, что с такого-то по такой-то час он не занят делом и ... в это время он всегда меня охотно примет. Мне едва верилось. Маленькое самолюбие заставило меня еще раза два воспользоваться его дозволением или приглашением, и я не имел причины в том раскаиваться. Не знаю, чему обязан я за его хорошее расположение. Разве добрым словом за меня, замолвленным ему Блудовым»².

И здесь, как всегда, Ф.Ф. Вигель остается двуличным и язвительным. Он не рассказывает потомкам о том, что первый министр внутренних дел России обладал тем, чего не было у самого автора воспоминаний, а именно человеколюбием и доступностью, умением слушать своего собеседника, в ходе личного общения с ним приносить ему самые приятные впечатления и моральное удовлетворение. «После всякой такой беседы, — вспоминал князь И.М. Долгоруков, — я выходил от него сугубо доволен его обращением»³.

В числе личностных качеств В.П. Кочубея как результат высокой культуры хотелось бы отметить его привычку никогда не перебивать других. Естественно, он очень сердился, когда ему мешали вы-

¹ Записки графа М.Д. Бутурлина (1824–1827) // Русский архив. 1897. Кн. 1. №. 2. С. 22.

² Вигель Ф.Ф. Записки. С. 498–499.

³ Долгоруков И.М. Капище моего сердца... С. 338.

сказать свое мнение по обсуждаемому вопросу. Интересен случай из воспоминаний В.И. Панаева. В августе 1831 г. был создан особый комитет по рассмотрению вопроса о присоединении свободных башкирских земель к государственным. Председателем комитета был назначен В.П. Кочубей, членами – П.М. Волконский, П.А. Толстой, М.М. Сперанский, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, Н.П. Новосильцев. Управление делами комитета было поручено начальнику канцелярии Министерства императорского двора и уделов В.И. Панаеву.

На одном из заседаний комитета по башкирским делам, как вспоминал В.И. Панаев, его председатель В.П. Кочубей начал со свойственным ему красноречием развивать какую-то мысль. Неожиданно Д.В. Дашков (министр юстиции – П.Н.) его перебил и начал «говорить свое, а как он очень иногда заикался, то речь его позадлилась. Когда же кончил, то, обращаясь к председателю, сказал: „Не угодно ли, Ваше сиятельство, продолжать?“ – „Продолжать? – возразил князь. – Я потерял нить моих мыслей и не имею такого горла, чтобы перекричать вас“»¹.

Говоря о нравственных и деловых качествах министра В.П. Кочубея, необходимо подчеркнуть еще одно достоинство: его обязательность в выполнении данного слова. По отзывам современников, В.П. Кочубей, даже будучи больным (а в последние годы жизни это случалось довольно часто), стремился не срывать запланированных заседаний. В.И. Панаев вспоминал: «В 1834 г., ровно через два года, ... башкирский комитет неожиданно возобновился. Хотя князь был тогда болен, но прислал за мною и, лежа в постели, объяснился на счет заседания, назначаемого им через два дня. Я никак не ожидал, достанет ли у него на это сил. Но он превозмог себя, и в назначенное утро я нашел его уже в другой комнате, близ спальни, в сюртуке, но не на креслах, а лежащего на кушетке, придвинутой к столу заседаний. Он был худ, бледен и грустен, и когда дочь его графиня Н.В. Строганова, прежде прибытия членов, подошла к нему с выражением участия, он пожал ее руку, и две слезы выкатились у него из глаз. Я едва удержался, чтобы не заплакать от этой сцены»².

С уверенностью можно утверждать, что хронические болезни и семейные трагедии не позволили В.П. Кочубею в полной мере использовать свои дарования и опыт на службе Отечеству, хотя, как утверждал современник, «всё соединилось в этом человеке: и образо-

¹ Панаев В.И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. № 3–4. С. 173.

² Панаев В.И. Воспоминания. С. 177.

вание, и опытность, способность писать, и дар слова, чтобы быть где угодно первенствующим министром»¹.

3.2. Портрет министра полиции А.Д. Балашова: «Одарен был всеми достоинствами и качествами администратора»

Написание портрета первого министра полиции А.Д. Балашова, на наш взгляд, уместно будет начать с четверостишия некоего Ю. Лахмана. Хотя оно и не очень ловко с художественной точки зрения, но написано с чувством, и главные свойства министра полиции в нем весьма четко охвачены.

«Монарха своего се ревностный служитель!
Супруг, родитель, брат – семейством в образец,
Щит для невинности и истины блюститель;
Несчастливым покров, а сиротам отец!»²

Первый и, как оказалось, единственный биограф министра полиции России в дореволюционное время столичный цензор Д.И. Мацкевич в 1847 году писал:

«Десять лет минуло с тех пор, как Россия лишилась одного из знаменитых своих сановников, государственного мужа, который, начав служебное поприще в блистательный век Екатерины Великой, доблестно подвизался на нем в последующие царствования, и заслугами, оказанными отечеству, приобщил имя свое к славным именам, долженствующим украшать страницы нашей Истории»³.

Далее биограф сетует на то, что во многих иностранных сочинениях встречаются суждения о А.Д. Балашове, но они «не всегда беспристрастны» и относятся преимущественно ко времени участия его в Отечественной войне 1812 г. при Александре I для исполнения дипломатических поручений. Что же касается русских писателей, то они не приступали еще к изложению жизни А.Д. Балашова, «занимавшего высокое место в ряду государственных деятелей царствования Александра Благословенного»⁴.

В ожидании подробной биографии А.Д. Балашова автор предложил «беглый очерк о его жизни»⁵.

¹ Там же. С. 163.

² Ю. Лахман. К портрету А.Д. Балашова // Улей. СПб, 1811. №1.

³ Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашова. СПб, 1847. С.1.

⁴ Там же. С. 1–2.

⁵ Там же. С. 2.

И лишь спустя более 60 лет после очерка Д.И. Мацкевича, появились исследования жизни и государственной деятельности первого министра полиции России А.Д. Балашова¹.

В данном разделе основное внимание уделяется деловым и личностным качествам первого министра полиции – генерал-адъютанта А.Д. Балашова. И если для написания портрета графа В.П. Кочубея нам удалось привлечь нужное число публикаций и архивных документов, то, составляя портрет А.Д. Балашова, мы ощутили явный информационный «голод» для получения правдивых сведений о его служебных, деловых и личных качествах. Это объясняется, на наш взгляд, в немалой степени участием А.Д. Балашова в кампании клеветы против М.М. Сперанского, а затем в его отставке и ссылке. Именно это и определило характер воспоминаний о А.Д. Балашове В.П. Кочубея, М.А. Корфа, М.П. Погодина, В.И. Семевского, Ф.Ф. Вигеля, И.М. Долгорукова, которые крайне негативно и односторонне оценивают его деловые и нравственные качества.

Располагая имеющимися архивными и литературными источниками, попытаемся реконструировать портрет А.Д. Балашова, показав его личные и деловые качества, стиль работы с подчиненными в сравнении с чертами облика графа В.П. Кочубея, с подачи которого началась стремительная служебная карьера Александра Дмитриевича на полицейском поприще.

Отношение министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова к М.М. Сперанскому

Известно, что министр внутренних дел В.П. Кочубей сыграл положительную роль в жизни реформатора. Он открыл и взрастил М.М. Сперанского, слава которого стала национальным достоянием России.

Министр полиции А.Д. Балашов, наоборот, оказался недоброжелателем М.М. Сперанского. Хотя после ухода В.П. Кочубея в 1807 г. в отставку, своей стремительной карьерой министр полиции был обязан протекции государственного секретаря М.М. Сперанского. Но, испытывая своеобразную признательность к своему покровителю в назначении на пост министра полиции, А.Д. Балашов вместе с дру-

¹ Министерство полиции царской России // МВД России. Энциклопедия, М., 2002. С. 299–300; Борисов А. Три века российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. М.: Рипол Классик, 2016. – 608с; Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России. СПб, 2016. Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашов. 1770–1837. СПб: Петрополис, 2016. – 264с.

гими сыграл роковую роль по устранению М.М. Сперанского от власти и отправке его в ссылку.

Что толкнуло А.Д. Балашова на столь неблагоприятный поступок? Как показало наше исследование¹, министр полиции А.Д. Балашов, присоединился к уже сложившемуся заговору против М.М. Сперанского, стремясь укрепить свое пошатнувшееся влияние на Александра I. Задуманная государственная интрига против М.М. Сперанского возглавлялась самим императором, который, по признанию современника Я.И. де Санглена, направлял «весь ход драмы»². Что же касается участия А.Д. Балашова в высылке М.М. Сперанского, то он по долгу службы был обязан лишь привести в исполнение приговор над государственным секретарем, уже вынесенный государем.

К участию в кампании клеветы против М.М. Сперанского министра полиции, возможно, вынуждали сложившиеся политические обстоятельства накануне вторжения войск Наполеона в Россию. Однако неприглядная история интриги против М.М. Сперанского во многом, как нам представляется, отрицательно сказалась на дальнейшей государственной службе А.Д. Балашова и весьма критическом отношении к нему современников.

Дело В.П. Кочубея продолжил министр полиции

По инициативе министра В.П. Кочубея было положено начало статистической службы в России. Спустя 2 недели после учреждения в 1802 г. МВД граф В.П. Кочубей 19 сентября циркуляром потребовал от губернаторов прислать в Министерство данные, чтобы «иметь полное представление о каждой губернии» в настоящее время, а затем постоянно уведомлять об изменениях в положении той или другой отрасли управления³.

Настоятельно требовалось представить: карту губернии и планы городов, сведения о населении по каждому сословию, об их податях и повинностях, об урожаях за последние 10 лет, о состоянии сельских хлебных магазинов, о фабрично-заводских и промышленных предприятиях, о городских доходах, о публичных зданиях, их строительстве и ремонте. Сведения по текущим делам и происшествиям предусматривалось доносить 2 раза в месяц, а другие данные —

¹ А.Д. Балашов и М.М. Сперанский // Николаенко П.Д. А.Д. Балашов — первый министр полиции России. СПб., 2016. С. 81–101.

² Санглен де Я.И. Записки. 1793–1831. М.: Кучково поле, 2016. С. 156.

³ Циркулярное письмо министра внутренних дел В.П. Кочубея губернаторам от 19 сентября 1802 г. О порядке отчетности // Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 1. С. 30.

в 6-недельный срок. По линии службы полиции следовало представлять сведения лишь в случае нарушения общего спокойствия и повиновения закону.

Как уже отмечалось, при первом министре внутренних дел в России зарождается государственная статистика. Мы встречаем уже обобщенные статистические данные «Общества дворян» в докладах и отчетах В.П. Кочубея, касающихся деятельности МВД, а также в материалах, публикуемых в Санкт-Петербургском журнале¹.

Дело по сбору статистических данных, начатое В.П. Кочубеем, продолжил министр полиции А.Д. Балашов. По его инициативе в 1810 г. в ходе коренной реорганизации министерской системы статистическая часть вошла в состав Министерства полиции. 20 марта 1811 г. министр полиции А.Д. Балашов поручил сотрудникам министерства – статскому советнику Астафьеву и профессору К.Ф. Герману пополнить имевшиеся статистические сведения и составить подробный план устройства статистической части. Указанным чиновникам 22 августа 1811 г. министр полиции направил предписание «по статистической части», в котором излагались задачи по ее реорганизации. Предлагалось службу статистики разделить на ученую часть и исполнительную, на последнюю возложив:

- 1)составление предписаний начальникам губерний;
- 2)рассмотрение неудобств и препятствий, которые губернаторы встретят в исполнении требований по предметам статистики;
- 3)сочинение инструкций и наставлений чиновникам, которых предполагалось направлять по губерниям для сбора статистических сведений на тех основных началах, кои признавались необходимыми в ученой статистической части;
- 4)рассмотрение затруднений, которые встретили бы эти чиновники;
- 5)заготовление всех бумаг по статистической переписке.

На ученую часть генерал-адъютант А.Д. Балашов возложил:

- 1)составление плана для устройства статистической части;
- 2)извлечение сведений из отчетов начальников губерний и чиновников министерства, отправлявшихся в губернии;
- 3)составление замечаний на каждый отчет или «статистическое сведение».

Генерал-адъютант А.Д. Балашов продолжал ведать статистической частью Министерства полиции и после назначения его в марте

¹ В.П. Кочубей – инициатор гласности в деятельности МВД России // Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 239–267.

1812 г. состоящим при Особе Его Величества. 9 августа 1817 г. по инициативе А.Д.Балашова статистическая часть вновь была реформирована. Были учреждены: Ученое Установление, Счетная, Чертежная и Регистратура.

Ученое Установление обязано было составлять статистические описания. Счетная – таблицы и исчисления политической арифметики, равно почитать: исчисления Ученого Установления, ведомости и таблицы, поступающие в Статистическое Отделение; Чертежная – приводит в известность плоскостное содержание всех губерний вообще, внутреннее положение разных делений земли, их пространство и качество в каждой губернии и в уезде, наконец, сводит все частные карты в одну общую на основании особенных правил, преподанных министром. Ученое Установление оставлено при этом в заведовании профессора К.Ф. Германа. Кроме заведующих были определены при Счетной и Чертежной по 4 чиновника, а при Регистратуре – 1; помимо этих служащих, предложено было определить еще несколько чиновников при Ученом Установлении для ведения статистических работ под непосредственным руководством министра. Помимо этих лиц, имелись чиновники, предназначенные для командировок в губернии с целью составления местных статистических описаний. Всем этим лицам устанавливалось за занятия по статистической части жалованье, сверх окладов, получаемых по другим должностям.

Эта часть находилась под начальством профессора К.Ф. Германа, но общее руководство ею осуществлял А.Д. Балашов. В случае его отсутствия ею управлял профессор К.Ф. Герман.

Будучи назначенным 4 ноября 1819 г. генерал-губернатором 5 губерний (Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской), А.Д. Балашов продолжал с Высочайшего соизволения руководить статистической частью: 17 ноября 1819 г. он внес в Комитет Министров записку «О статистическом учреждении». Предлагалось в этом учреждении образовать 3 отделения: Ученое, Счетное и Чертежное под начальством директора. Главное руководство осуществляет государственный сановник, которому присваивается звание Главного Попечителя. При этом учреждении предполагалось образовывать Статистическое Общество из членов действительных и почетных, из комиссионеров и корреспондентов. Обществу разрешалось иметь библиотеку, издавать по статистике журнал и сочинения. На содержание учреждения испрашивалось 60 000 рублей.

Комитет министров, заключив, что Статистическое учреждение не может самостоятельно действовать как отдельное ведомство,

предложил присоединить его к МВД, так как таковое учреждение по роду занятий принадлежит ближе этому ведомству.

Данное постановление Комитета министров получило в том же 1819 г. Высочайшее утверждение. После этого генерал-адъютант А.Д. Балашов отменил все звания, которые он присвоил чиновникам статистической части и предложил им именоваться «своими чинами».

После присоединения Министерства полиции к МВД Статистическое Отделение состояло при Канцелярии Министра внутренних дел. В 1823 г. оно вошло в состав Департамента полиции исполнительной. В 1852 г. Статистическое Отделение было преобразовано в Статистический Комитет. С 1858 г. он стал называться Центральным Статистическим Комитетом¹. Его Земский отдел осуществлял всю организационную работу по отмене крепостного права в 1861 г.²

Первый биограф, отмечая заслуги А.Д. Балашова в создании статистической науки в России, писал: «Его благородной любви к Отчизне мы обязаны собранием драгоценных статистических сведений, возведенных им на степень науки»³.

Участие А.Д. Балашова в Верховном уголовном суде над декаристами

Новый император России, вступивший на престол под залпы орудий на Сенатской площади, на первых порах оказался в чрезвычайно трудном положении. Карательные меры Николая I против декабристов были восприняты частью высшего общества крайне отрицательно. Положение императора усугублялось и тем, что многие из приближенных Александра I заслужили дурную славу, поэтому Николай I, придя к власти, был вынужден отказаться от их услуг.

В числе отстраненных от государственных дел были А.А. Аракчеев, М.Л. Магницкий, Д.П. Рунич – попечители Казанского и Петербургского учебных округов. Новому царю пришлось «унять и сократить» Фотия, имевшего огромное влияние на Александра I.

В это же время молодой государь, как нам кажется, незаслуженно обошел вниманием адмирала Н.С. Мордвинова, не пригласив его

¹ Юбилейный сборник Центрального Статистического Комитета МВД. 1863–1913, СПб: Типография акционерного общества «Слово», 1913. С. 3–4.

² Внук министра полиции Николай Петрович Балашов Высочайшим указом от 17 апреля 1863 г. был награжден «знаком отличия» за участие в работе Земского отдела по введению в действие Положения 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 10. Л. 24 об.

³ Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашова. С. 16.

на государственную службу, приостановил исполнение А.Д. Балашовым должности генерал-губернатора округа, назначенного его старшим братом. Из ближайшего окружения императора Александра I новый царь привлек лишь бывшего главу МВД графа В.П. Кочубея и М.М. Сперанского. Но первый в это время еще находился с семьей за границей, а М.М. Сперанского, несмотря на подозрения в связях с декабристами, Николай I решился призвать на службу. По мнению М.А. Корфа, это произошло «по необходимости, другого способного просто не было»¹.

Молодой император, проверяя его лояльность трону, включил М.М. Сперанского в состав Верховного уголовного суда, поручив разработку всех процедурных вопросов, связанных с судебным процессом по делу декабристов.

Верховный уголовный суд 10 июня 1826 г. избрал Разрядную комиссию в составе 9 человек под председательством графа П.А. Толстого. Вся исполнительная работа в Комиссии была возложена на М.М. Сперанского. Он составил программу занятий Комиссии и подготовил все ее официальные бумаги. Наиболее трудным в моральном плане для Михаила Михайловича явилось определение степеней виновности подсудимых по разрядам (установлено 11 разрядов) и определение им меры наказания. Выполнение этого задания усложнялось еще и тем, что среди подсудимых оказались близкие М.М. Сперанскому люди: Г.С. Батенков, племянники графа В.П. Кочубея – С.Г. Краснокутский, А.М. Миклащевский и др.²

Кроме того, была выделена внеразрядная группа (П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, А.Г. Каховский, С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин).

Донесение Разрядной комиссии легло в основу приговора Верховного уголовного суда³.

Манифестом от 1 июня 1826 г. учреждался Верховный уголовный суд над декабристами в составе: 18 членов Госсвета, 36 – Сената, 3 – от Синода (митрополиты Серафим и Евгений, архиепископ Авраам) и 15 высших военных и гражданских чинов. Суд состоял из 72 человек, особо доверенных и приближенных к царю лиц. Но в работе суда участвовало лишь 69 человек. Члены суда Е.Ф. Канкрин, П.П. Пущин и А.И. Вольнов не участвовали в судебном процес-

¹ Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 562.

² См. подробнее об этом: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 563–567.

³ Восстание декабристов. Документы. Т. 17. М.: Наука, 1980. С. 13–15.

се по личной просьбе, первые из-за наличия родственников в числе подсудимых, третий – по болезни¹.

Следовательно, по причине родственных связей с некоторыми декабристами не мог бы участвовать в судебном процессе и член Государственного Совета граф В.П. Кочубей, который к этому времени по приглашению Николая I и вдовствующей императрицы Марии Федоровны возвратился из-за границы в Россию. Правда, по причине очередного приступа болезни он был вынужден остановиться и несколько недель пролежать на больничной койке в Митаве, что близ Риги (Латвия – П.Н.). Можно с большой долей вероятности предположить, что граф В.П. Кочубей, узнав о причастности к выступлениям декабристов близких ему людей, в частности племянников С.Г. Краснокутского и С.М. Кочубея, подполковника А.М. Миклашевского и его зятя полковника в отставке А.Ф. Бригена, мог просить императора Николая I о смягчении им меры наказания².

Весьма гуманно к декабристам относился и бывший министр полиции, который являлся членом Государственного совета был включен в состав Верховного уголовного суда³.

На своем заседании 7 июня 1826 г. Верховный уголовный суд избрал путем баллотировки Ревизионную комиссию в составе 9 человек, в том числе А.Д. Балашова.

Необходимость учреждения особой Ревизионной комиссии объяснялась тем, что «по множеству подсудимых [120 человек] не было возможности призывать их в суд лично для передопросов»⁴.

Члены Комиссии в течение 8–9 июня опросили 120 подсудимых. Каждому из них было задано всего три вопроса: 1) его ли рукой подписаны показания 2) добровольно ли подписаны 3) были ли даны очные ставки.

Все подсудимые подтверждали собственноручным подписанием прежние их показания.

В связи с этим произошел курьезный случай с подсудимым Н.В. Басаргиным, с которым разбирался А.Д. Балашов. Подсудимый не хотел подписывать свое дело, не найдя в нём своей бумаги, в которой он оправдывался в отношении одного из показаний на него. Тогда А.Д. Балашов сказал ему: «Вы этим только повредите себе, без подписи дела вас нельзя будет судить, но вы останетесь в крепо-

¹ Там же. С. 260.

² Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 567–570.

³ Восстание декабристов. Документы. Т. 17. С. 259.

⁴ Там же. С. 187.

сти; а лучше ли это сами рассудите? Впрочем, мне кажется, – продолжал А.Д. Балашов, – можно вас удовлетворить. Подпишите дело и пришлите от себя объяснение – оно будет приложено к прочим вашим бумагам. Я вам ручаюсь в том. Я согласился, – вспоминал Н.В. Басаргин, – и подписал, присовокупив, что прилагается моё объяснение. Оно действительно было приложено». Эпизод с подписанием Н.В. Басаргиным своего следственного дела подтверждает не только добросовестное, но и чисто человеческое отношение А.Д. Балашова к переживаниям декабристов. О внимательном отношении к нуждам подсудимых со стороны А.Д. Балашова вспоминает декабрист Н.И. Лорер. «Каждые 10 дней приезжали нас осматривать генерал-адъютанты, и, несмотря на наше дурное содержание, мы все терпели и жалоб им не приносили. Один из генерал-адъютантов, [А.Д.] Балашов, сделал нам большую пользу. На другой же день его приезда заметна была перемена в обращении с нами и в самом содержании. Говорят, он доложил государю всю истину, сказав, что находит нас всех уставшими, опустившимися, заросшими и желающими наискорейшего суда, какого бы ни было. Во избежание всего этого Балашов предложил нам ежедневно по рюмке водки, зелёного лука и выбрить нас. С каким удовольствием на другой день выпил я свою порцию водки и заел с зелёным луком»¹.

Проявление А.Д. Балашовым заботы об улучшении содержания и питания подсудимых некоторые исследователи сводят лишь к чисто административной мере – «сохранить объективность и руководствоваться нормами закона». На наш взгляд, такие утверждения не совсем верны и расходятся с оценочными суждениями самих декабристов, к примеру, того же Н.И. Лорера. В своих воспоминаниях он пишет, что подсудимых посещали многие генерал-адъютанты, но бытовые условия их содержания не менялись в лучшую сторону, особенно питание. И лишь после посещения А.Д. Балашова их содержание заметно улучшилось.

Здесь, как мы видим, А.Д. Балашов проявил чисто человеческое отношение к подсудимым, но для этого ему необходимо было проявить гражданскую смелость, чтобы донести государю об увиденном бедственном положении подсудимых и вызвать у него в какой-то мере чувство сострадания к «государственным преступникам». Гуманную сторону поступка А.Д. Балашова в данном вопросе, к сожалению, исследователи стремятся не замечать или преднаме-

¹ Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом // Мемуары декабристов. М.: Правда, 1988. С. 373.

ренно умалчивают. И наконец, небезынтересно будет знать, какую позицию занимал А.Д. Балашов в ходе определения меры наказания подсудным на заседаниях Верховного уголовного суда.

Анализируя протоколы заседаний Верховного уголовного суда, нам удалось установить позицию члена суда А.Д. Балашова по определению меры наказания подсудным по всем 11 разрядам,

а также пятерым, находящимся вне разрядов. На заседании Верховного уголовного Суда от 29 июня 1826 г. присутствовало 68 его членов, из которых 36 человек утвердили число разрядов (11) преступлений, а 32 члена, в том числе и А.Д. Балашов, не участвовали в голосовании по данному вопросу. Отсутствует фамилия А.Д. Балашова среди голосующих при определении меры наказания тем, кто не вошел в число общих разрядов, то есть пятеро декабристов (П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, П.Г. Каховский, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин), а также подсудным за преступление по 1-му разряду, которым предусматривалась смертная казнь. И только при рассмотрении определения вида наказания за преступление со 2-го по 11-й разряды мы встречаем участие А.Д. Балашова в голосовании, и, как правило, в числе тех, кто выступал за смягчение меры наказания.

Так за преступление по 2-му разряду 39 членов полагали смертную казнь, а А.Д. Балашов в числе 21 члена – политическую смерть с вечною ссылкой в каторгу¹. При определении наказания по 3-му разряду 24 члена полагали всем виновным смертную казнь, а А.Д. Балашов в числе 8 членов выступал за лишение чинов и дворянства со ссылкой на каторгу сроком на 15 лет и потом на поселение. За преступления по 4-му разряду А.Д. Балашов впервые оказался в группе членов суда с большим числом голосов (17), которая полагала виновным временные каторжные работы от 10 до 20 лет, а потом на поселение. Другие же члены (19) выступали за различные виды смертной казни путем отсечения головы, расстрела, повешения. 15 членов требовали политической смерти с отсылкой в работу. За преступления по 5-му разряду А.Д. Балашов в числе 18 членов проголосовал за временную ссылку на каторжные работы от 2 до 15 лет, а потом на поселение. За преступления по 6-му разряду А.Д. Балашов в числе 16 членов выступал за временную ссылку в каторжную работу от 3 до 10 лет, а потом на поселение. По 7-му разряду А.Д. Балашов вместе с 15 членами полагал лишить чинов и дворянства, сослать в каторжную работу от 2 до 5 лет, а потом на посе-

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. 17. С. 143–145.

ление. 8 членов суда предлагали виновным по данному разряду смертную казнь, а член суда П. Батюшков требовал для подсудных вечного заточения. За преступления по 8-му разряду 25 членов, в том числе А.Д. Балашов, полагали лишить чинов и дворянства и сослать на поселение. За преступления по 9-му разряду А.Д. Балашов оказался в числе 16 членов, выступавших за лишение чинов и дворянства и вместо ссылки в Сибирь (предлагали 17 членов) разжаловать в рядовые без выслуги. В итоге проголосовали за решение группы в составе 17 членов. Зато за преступление по 10-му и 11-му разрядам прошло решение суда в составе 21 членов и 24 членов, куда входил А.Д. Балашов; полагали за преступления по 10-му разряду лишить чинов и дворянства и записать в солдаты до выслуги; по 11-му разряду лишить только чинов и написать в солдаты с выслугою¹.

Приведённые данные результатов голосования по определению видов наказания подсудимых по всем 11 разрядам позволяют заключить следующее. Первое: Александр Дмитриевич Балашов как член Верховного уголовного суда воздержался вообще от голосования о вынесении декабристам такого вида наказания как расстрел не только тем, кто оказался вне разрядной системы, но и отнесенным к разрядам, которым грозила смертная казнь. Второе: А.Д. Балашов при голосовании оказывался среди тех, кто выступал за смягчение меры наказания декабристам.

В заключение заметим, что Николай I всё же смягчил наказание декабристам, которое было определено приговором Верховного уголовного суда. Смертной казни преданы только 5 руководителей заговора (вместо 36 осужденных по проекту приговора). Были сокращены сроки каторжных работ, а также сроки ссылки.

На наш взгляд, в смягчении меры наказания декабристам определённая заслуга принадлежит В.П. Кочубею и А.Д. Балашову.

В числе тех, кто лояльно относился к декабристам, был А.Х. Бенкендорф. Декабрист Н.И. Лорер, характеризуя поведение членов Верховного уголовного суда, особенно тепло пишет о А.Х. Бенкендорфе, который «вел себя благороднее всех»². «Бывало, — вспоминает декабрист, — при подобной глупости [задавал вопрос Н.И. Лореру член суда А.И. Чернышев: „ ... сознайтесь, что вы все это почерпнули из вредных книг... я, вот видите, во всю свою жизнь ничего больше не читал, как святцы, зато ношу три звезды“ ... [П.Н.] потупит глаза и молчит, а когда Чернышев начнёт страшать, кричать,

¹ Восстание декабристов. Документы. Т. 17. С. 142–151.

² Лорер Н.И. Записки моего времени ... С. 378.

то даже часто его останавливал, говоря: „дайте ему образумиться, подумать“»¹. А при казни пятерых декабристов А.Х. Бенкендорф, чтобы «не видеть этого зрелища, лежал ничком на шее своей лошади»².

Таким образом, даже представители правоохранительных ведомств по отношению к государственным преступникам, как именовавала Верховная власть декабристов, проявляли чисто человеческое отношение и по мере возможности заботились об улучшении их содержания.

Министры В.П. Кочубей и А.Д. Балашов в судьбе А.С. Пушкина

Весной 1828 г. в столице стала распространяться в рукописном виде поэма неизвестного автора под названием «Гавриилиада»³. В конце мая митрополит Серафим возбудил дело в отношении этого «богохульного сочинения», считая возможным его автором А.С. Пушкина.

Николай I поручил рассмотреть это дело особой Комиссии в составе председателя графа П.А. Толстого и членов: графа В.П. Кочубея и князя А.Н. Голицына.

Комиссия, которая назвала А.С. Пушкина возможным автором «Гавриилиады», в своем постановлении от 25 мая 1828 г. определила следующее: «Санкт-Петербургскому генерал-губернатору призвать Пушкина к себе и спросить: а) им ли написана поэма „Гавриилиада“? (которая развращает людей в понятиях православия); б) в котором году?; в) имел ли он у себя оную, чтобы он вручил ему свой экземпляр; г) обязать Пушкина подпискою впредь подобных богохульных сочинений не писать – под опасением строгого наказания»⁴.

Исполняя предписание Комиссии, военный генерал-губернатор столицы П.В. Голенищев-Кутузов первый раз допросил А.С. Пушкина между 2 и 5 августа. На вопрос генерал-губернатора «Им ли была написана поэма „Гавриилиада“?» поэт ответил отрицательно. Как и следовало ожидать, односложный ответ для императора был недостаточным, и он потребовал более точных сведений. 19 августа 1828 г. А.С. Пушкин был вновь вызван к допросу и снова ответил уклончиво. В объяснении он писал, что рукопись ходила между офи-

¹ Лорер Н.И. Записки моего времени... С. 378.

² Там же.

³ «Гавриилиада» – поэма А.С. Пушкина, пародийно-романтически обыгрывающая сюжет Евангелия о Благовещении; главный персонаж – архангел Гавриил // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гавриилиада>.

⁴ Старина и новизна. СПб., 1903. Кн. 6. С. 3.

церами Гусарского полка, но от кого именно он «достал оную», он «никак не упомнит», свой же список он сжег, вероятно, в 20-м году». Далее поэт добавил: «Осмелюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений... нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня произведение столь жалкое и постыдное»¹.

Император Николай I, знакомясь с показаниями поэта, приказал председателю Комиссии по делу о «Гавриилиаде» графу П.А. Толстому «призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю, но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем»². 16 октября 1828 г. А.С. Пушкин получил, по-видимому, устное сообщение графа П.А. Толстого, что вопрос о «Гавриилиаде» исчерпан. Возвращаясь из армии, царь 31 декабря 1828 г. учредил на деле о поэме помету: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено»³.

Дело на Пушкина было передано на рассмотрение и принятие решения в Государственный совет. Но до этого в 1827 г. в Сенате рассматривалось еще одно дело на А.С. Пушкина под названием «О стихах из элегии „Андрей Шенье“». В результате А.С. Пушкин оказался под полицейским надзором.

В 1828 г. по делу о «Гавриилиаде» в отношении А.С. Пушкина, в силу амнистии по Манифесту 22 августа 1826 г. (коронация Николая I), Сенат постановил: «избавя его (Пушкина) от суда, обязать подпиской, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику под опасением строгого по законам взыскания».

Доклад Сената 11 июня 1828 г. был заслушан в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета. Журнал заседаний его был подписан 3 членами: Н.С. Мордвиновым, А.Д. Балашовым, А.Н. Олениным. Бывшему Петербургскому военному губернатору и министру полиции А.Д. Балашову, несомненно, А.С. Пушкин был известен в юношеские годы своей благонадежностью.

И если Государственный совет изменил в сторону ужесточения (установить секретное слежение за поэтом), то А.Д. Балашов, Н.С. Мордвинов, и А.Н. Оленин, подписавшие журнал департамента,

¹ Цит. по: Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 665.

² Цит. по: Николаенко П.Д. Указ. соч. С. 665.

³ Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1976. С. 59.

не сочли нужным усугублять приговор, вынесенный Сенатом относительно А.С. Пушкина.

Председатель Государственного совета В.П. Кочубей после решения общего собрания в отношении А.С. Пушкина в секретном письме статс-секретарю совета В.Р. Марченко писал, что «Государственный Совет положил иметь за сочинителем Пушкиным секретный надзор. Не считая приличным упоминать о сем в высочайшем повелении, которое по заведенному порядку не только будет гласно в правительствующем Сенате, но и передано из одного будет для исполнения в Уголовную палату, – я полагаю касательно Пушкина сообщить высочайше утвержденное положение Государственного Совета отдельно г. главнокомандующему в Санкт-Петербурге и Кронштадте, приложить и выписку из дела о том, что до Пушкина относится»¹.

А.С. Пушкин общался с тещей министра внутренних дел Н.К. Загряжской, супругой В.П. Кочубея Марией Васильевной и их детьми. Поэт вёл переписку и с бывшим министром полиции А.Д. Балашовым. Так, нам удалось установить письменное обращение поэта к А.Д. Балашову, правда, уже по линии чисто хозяйственной. Это было в 1832 г. А.С. Пушкин в 1831–1832 гг. вступил в переписку с А.Д. Балашовым по вопросу купли у него земельного участка для своего друга Павла Воиновича Нащекина, который проживал в Москве, и Александр Сергеевич часто у него останавливался, приезжая в Первопрестольную. 23 января 1832 г. в очередном письме к А.Д. Балашову поэт пишет:

«Милостивейший государь, Александр Дмитриевич.

Еще раз благодарю Ваше высокопревосходительство и **прося извинения за ходатайство** (выделено – П.Н.), коим Вам докучаю, препровождаю к Вам по приказанию Вашему г. Кнерцера, который лучше моего объяснит Вам свои предположения.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга Александр Пушкин. 23 янв. 1832 г. СПб.»².

Неизвестно, состоялась ли купля-продажа земельного участка, но известно другое. Сохранилась переписка Александра Николаевича Веселовского³ с внуком министра полиции Николаем Петровичем

¹ Щеголев П.Е. Пушкин. Исследования, статьи, материалы. Т. 2. М., Л.: Государственное издательство, 1931. С. 126.

² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Л.: Наука, 1979. С. 312.

³ Веселовский Александр Николаевич, председатель Комиссии по изданию сочинений А.С. Пушкина Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1903–1904 гг. // РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1670. Л. 1–4.

Балашовым¹ по вопросу о возможно сохранившихся в их домашнем архиве письмах А.Д. Балашова к поэту. «К сожалению, – писал внук министра, – мы ничего не нашли относящегося до переписки поэта А.С. Пушкина с покойным моим дедом Александром Дмитриевичем Балашевым»².

Таковы некоторые новые сведения, выявленные в архивохранилищах, о роли министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова в судьбе великого русского поэта.

А.Д. Балашов в кругу семьи и близких

Министр полиции А.Д. Балашов был дважды женат. Первой женой его была Наталья Антипатровна Коновницына (177?–1807), двоюродная сестра генерала от инфантерии П.П. Коновницына и свояченица придворного сановника князя Н.И. Салтыкова. Поздравляя 3 февраля 1799 г. Наталью Антипатровну по случаю брачного союза, Н.И. Салтыков обратился к ее жениху со следующими словами: «Я очень рад, что через выбор моей свойственницы буду вас иметь у себя в свойстве и надеюсь, что ... обоюдное сопряжение доставит ей желаемое счастье и вам тоже...»³.

Переписка Н.И. Салтыкова со своей свояченицей продолжалась и в последующие годы. Так, 4 марта 1801 г. Н.И. Салтыков, поздравляя Наталью Антипатровну с благополучным приездом в Ревель, к новому месту службы ее мужа, напоминал: «... охотно всегда готов служить вам»⁴.

Однако в полной мере воспользоваться обещанной помощью Наталье Антипатровне Балашовой не пришлось. Она в 1807 г. скончалась. Генерал А.Д. Балашов, оставшись с двумя малолетними детьми, 6-летним сыном Дмитрием и 3-летней дочерью Анной, продолжал службу обер-полицмейстером в Москве, а затем в Северной столице.

Но на первых порах, по признанию самого А.Д. Балашова, в результате такой семейной трагедии (смерти матери в феврале и жены в марте 1807 г.) его «чувства и рассудок пришли в некоторое замеша-

¹ Балашов Николай Петрович (1840–1931) обер-егермейстер Высочайшего Двора с 1904 по 1917 гг. // Николаенко П.Д. А. Д. Балашов – первый министр полиции России. С. 218–221.

² РГИА. Ф. 892. Оп. 1. Д. 1670. Л. 4.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Д. 143. Л.1–2.

⁴ Там же. Л.3.

тельство... Однако же после некоторого времени я принялся опять за службу...»¹.

В 38 лет А.Д. Балашов по настоянию родных, особенно его сестры Александры, решился на второй брак. Его избранницей стала Елена Петровна Бекетова, самая богатая невеста России. Ее состояние при заключении брака с А.Д. Балашовым составляло 977 000 рублей².

Елена Петровна в браке с А.Д. Балашовым прожила около 15 лет и родила ему сыновей: Петра (1811–1845), Александра (1812–1854), Ивана (1815–1841).

Как свидетельствуют архивные материалы и воспоминания современников, А.Д. Балашов вместе с супругой Еленой Петровной постоянно заботился о качественном образовании и воспитании своих детей. В семейном архиве сохранилась записка А.Д. Балашова о воспитании их сыновей и дневник Елены Петровны Балашовой, в котором ее рукою ведутся подневные записи о порученных заданиях и их ежедневном выполнении 4-летней падчерицей Анной³.

Из архивных документов видно, что отец Александр Дмитриевич непосредственно участвовал в составлении учебной программы и давал наставления учителям для обучения своих детей⁴.

А.Д. Балашов, как известно, в годы борьбы с Наполеоном вынужден был на долгое время оставлять Елену Петровну одну с детьми. Осознавая свою вину в недостаточном внимании к жене и детям во время длительных отлучек из дома, он пытался при первой же возможности восполнить эти изъяды в семейных отношениях. Что же касается Елены Петровны, то нам представляется, что она всегда весьма нежно и заботливо относилась к своему мужу Александру Дмитриевичу. Это можно заключить по организации торжественного праздника с приглашением всех знаменитых людей Рязани по случаю рождения А.Д. Балашова 13 июля 1823 г.⁵

Как нам представляется, Елена Петровна, устраивая этот торжественный вечер по случаю рождения своего любимого мужа, по-видимому, осознавала свою неизлечимую болезнь. Сообщение об усиливавшейся болезни жены застало А.Д. Балашова в Туле, которую в это время посетил император Александр I. Когда государю стало известно о болезни супруги генерал-губернатора, то он повелел

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 217. Л. 54 об.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 231. Л. 1–5.

⁵ Описание праздника в честь А.Д. Балашова см. в данной работе на с. 167–171.

А.Д. Балашову: «Забудь, пожалуй, меня и поезжай в тот же час в Рязань!»¹

Приехав в Рязань, А.Д. Балашов нашел жену уже без памяти. Вскоре она скончалась. 6 сентября 1823 г. супруга генерал-губернатора была похоронена за городом в ее собственном селении².

После смерти второй жены Елены Петровны Александр Дмитриевич, как и после кончины Натальи Антипатровны, не взял своей доли из ее имения (2 000 душ), а все передал детям покойной³. Кроме этого, А.Д. Балашов полученное по наследству сельцо Глазово в Каширском уезде также оставил своим детям⁴.

Отмечая чисто человеческие качества А.Д. Балашова, следует сказать, что он до конца жизни заботился о своих сестрах. По его признанию, в 1835 г. оставшимся в живых сестрам от него была «помощь устроена до конца дней их»⁵.

Недаром первый биограф министра полиции, Д.И. Мацкевич, писал о А.Д. Балашове: «... он был для всех родственников своих источником... добра, любви и участия... Все обращались к нему со своими делами и нуждами, и никому он не отказывал ни в совете, ни в руководстве, ни в действительном пособии»⁶.

Сыновья министра полиции в государственной службе оставили менее заметный след, чем их знаменитый отец.

Дмитрий Александрович Балашов – первенец министра полиции от первого брака его с Натальей Антипатровной Коновницыной. Дмитрий, получивший имя деда по отцовской линии, родился 22 июня 1801 г., скончался 7 февраля 1858 г. в Париже. Произведен из камер-пажей 9 июня 1819 г. прапорщиком в Гвардейский Генеральный штаб. В марте 1822 г. – корнет Кавалергардского полка, в сентябре – поручик. В январе 1823 г. адъютант командира отдельного Литовского корпуса генерал-лейтенанта Федора Филипповича Доврэ. Командующий корпусом своего адъютанта характеризовал как «старательного и бережливого человека». Д.А. Балашов в марте 1835 г. был уволен в отставку по болезни в звании подполковника⁷.

Д.А. Балашов женился на Ольге Христофоровне Дерфельден (1806–1861), которая родила ему трех сыновей.

¹ Братья Булгаковы: письма. М.: Захаров, 2010, С. 332.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 3 об., 7.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 2. об.

⁶ Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашова. С. 14.

⁷ Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. 1801–1825. М.: Три века истории, 2001. С. 371.

В 1838 г. по наследству Дмитрию Александровичу достался дом на Васильевском острове. Ему принадлежал дом на набережной Мойки, 105 и дом на Болотной улице. В 1857 г. за ним числился в Царском Селе по Безымянному переулку еще дом № 1, а также имения в Санкт-Петербургской, Тульской, Ярославской губерниях и Подмосковье¹.

Единственная дочь министра полиции **Анна Александровна** была замужем за адъютантом генерала А.Д. Балашова гвардии штабс-капитаном князем Алексеем Дмитриевичем Волконским (6 ноября 1798 г. – 27 мая 1882 г.). У них была дочь, Екатерина Алексеевна Волконская (1824–1893). Как утверждают некоторые исследователи, ее мать, Анна Александровна, в молодые годы умерла в родах².

Второй сын министра полиции **Петр Александрович Балашов** был женат на дочери графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванского, князя Варшавского и Елизаветы Алексеевны Грибоедовой, двоюродной сестры писателя А.С. Грибоедова.

П.А. Балашов государственную службу начинал в армии. В январе 1828 г. в 17 лет стал унтер-офицером, через 1,5 месяца – подпрапорщиком. Службу начинал, как и отец, в лейб-гвардии Измайловского полка.

Для прохождения стажировки в должности офицера Генерального Штаба П.А. Балашов в августе 1830 г. по высочайшему повелению был направлен в Отдельный Кавказский Корпус, которым командовал генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич. Высочайшим приказом от 23 марта 1833 г. назначен в должность адъютанта генерал-фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича.

За отличия по службе П.А. Балашов 25 июня 1838 г. был произведен в штабс-капитаны, через неделю, 3 июля назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества и откомандирован в Санкт-Петербург к новому месту службы.

После смерти отца Петру Александровичу Балашову принадлежало в 1838 г. 15 907 десятин земли и 4 609 душ крепостных, а также в Москве и Санкт-Петербурге два каменных дома. Он стал крупным собственником заводов металлургической промышленности, которые приносили огромные прибыли владельцу.

Петр Александрович Балашов не отличался крепким здоровьем, как и его супруга, Александра Ивановна, несмотря на ее молодость.

¹ Киселева Т.Ф. Генерал Балашов Александр Дмитриевич: краеведческий очерк. СПб.: Лема, 2012. С. 60.

² Там же. С. 60–61.

Болезни заставили молодую семью уехать в теплые края. Находясь в Италии, они вскоре там умерли и были похоронены на православном кладбище в Риме.

Супруга, Александра Ивановна, скончалась 5 июня 1844 г. Ей было всего 24 года. Ее супруг, Петр Александрович, пережил жену на 7 месяцев и скончался в возрасте 34 лет в Риме 18 января 1845 г.¹ Малолетние сыновья четы Балашовых, Николай и Иван, были взяты на попечение их дядей, Александром Александровичем Балашовым, и его женой, Александрой Васильевной.

Третьим сыном министра полиции был **Александр Александрович Балашов** (1812–1854). Он, как и его старшие братья, Дмитрий и Петр, стал военным, но в чине капитана ушел в отставку.

В 1837 г. после смерти отца он стал владельцем имения Шапки. Его супругой была Александра Васильевна (1820–1880), дочь Василия Левашова, участника Отечественной войны 1812 г., будущего председателя Государственного совета и Комитета министров.

В Петербурге Александр Александрович Балашов имел свой дом № 18 по Гагаринской (Кутузовской) набережной Невы. В семье А.А. и А.В. Балашовых было трое детей: дочь Елена (скончалась в младенчестве) и два сына — Петр и Александр.

Четвертый, младший сын министра полиции, Иван Александрович Балашов (1816–1841) в звании штабс-ротмистра Кавалергардского полка служил адъютантом военного министра Александра Ивановича Чернышова, который с его отцом, А.Д. Балашовым участвовал в Заграничном походе русской армии в 1813–1814 гг.

В 1841 г. адъютант военного министра Иван Александрович Балашов был командирован на Кавказ, где 8 мая 1841 г. был убит при рекогносцировке переправы через реку Сулак. Ему было всего 25 лет².

Балашовы были владельцами имения Шапки до 1884 г. Продав имение, они продолжали оказывать материальную помощь народному образованию в Шапкинской волости³.

В Шапкинской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (не сохранилась) в родовой усыпальнице нашли «свой последней приют»:

министр полиции Балашов Александр Дмитриевич, родился 13 июля 1770 г., умер 8 мая 1837 г.;

¹ Киселева Т.Ф. Генерал Балашов Александр Дмитриевич. С. 82; Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России. СПб., 2009. С. 215.

² Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. С. 96–97.

³ См. подробнее об этом: Киселева Т.Ф. Генерал Балашов Александр Дмитриевич. С. 89.

Балашова Александра Ивановна, родж. Княжна Варшавская, графиня Паскевич-Эриванская, жена камергера, умерла 5 июня 1845 г. в Риме¹;

Балашов Александр Александрович, родился 7 апреля 1813 г., умер во Флоренции 2 апреля 1854 г.;

Балашов Иван Александрович, штабс-ротмистр Кавалергардского Ее Величества полка, родился 18 июня 1815 г., убит при селении Ахталп на Кавказе 9 мая 1841 г.;

Балашов Петр Александрович, камергер, родился 13 января 1811 г., умер в Риме 18 января 1845 г.

Краеведы Т.Ф. Киселева и О.Ю. Маврина, подчеркивая тесную привязанность и любовь к Шапкам их бывших владельцев, напоминают, что из семейства Балашовых все умершие в других местах были перезахоронены под своды Покровской церкви. Последним перезахоронили Александра Александровича Балашова, останки которого были перевезены в село Покровское в 1856 г.²

3.3. Характеристика министров В.П. Кочубея, А.Д. Балашова в воспоминаниях современников

Князь И.М. Долгоруков о А.Д. Балашове, В.П. Кочубее и других министрах³

«Он (А.Д. Балашов) в тот же день зазвал меня к себе обедать, и как в это утро, так и на обедах своих всегда оказывал мне особенную вежливость. Если б верить всем его словам, то казалось, что лучше губернатора в России нет меня и что я непременно над злодеями моими восторжествую, но Балашов никогда не говаривал ни с кем так, как думал, язык его свободно произносил все и входил в противоречие с сердцем. Балашов из числа тех скрытых эгоистов, кои, кроме себя, ничего не любят, ни о чем не пекутся, как о возвышении своем, и охотно погубят чистейшую правду, лишь бы удержать за собой место. Будучи посредственный гражданский чиновник и самый плохой министр, он славился особым искусством в науке шпионства, собирал вести, составлял из них сказки, действовал ими

¹ Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1886. С. 44.

² См. подробнее: Киселева Т., Маврина О. Хроника храма Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках. Историко-краеведческие записки. СПб.: Нестор-история, 2017. С. 20–21.

³ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 2. СПб.: Наука, 2005. 726 с.

на воображение государя и казался оттого нужным, что никто заступить его место не в состоянии.

Вот что такое был Балашов. Он жил пышно, и по утрам собирались к нему челобитчики сотнями. Приступ его был горд с ними, и хотя он уклончивым притворялся, но сквозь всей личины заметить можно было, что он считает себя лучше всех тех, кои до него имеют нужду. На обеды к нему в назначенные дни съезжалось очень много гостей, из которых с каждым он урывками говорил так, чтоб никто не успевал связать из слов его удовлетворительного для себя отзыва. Ни у какого министра до него не были так унижены в передней гражданские губернаторы. Да на это была и естественная причина, к которой я, ездивши к нему через два дни в третий, имел время присмотреться. Балашов был военный губернатор петербургский и вместе министр полиции, следовательно, имел при себе военный штат. Все эти господа султанские щеголи не уступали нигде и никакому чину штатскому ни шага, ни места, и выходило, что по утрам оступит Балашова все христолюбивое воинство и затеснит нашу братью шитых воевод.

Кто у притолки, кто за печкой; выйдет Балашов, и всякий из нас пробивается плечами сквозь адъютантов да ординарцев, чтоб удостоиться лицезрения его превосходительства. Велика милость, бывало, когда он сам разглядит кого-нибудь в толпе усачей и изволит подзвать к себе. Таков был прием министра полиции в назначенное для публичной аудиенции утро. Я не был довольно короток, чтоб удостоиться узнать его в приватном с ним быту».

И.М. Долгоруков о других министрах

«История знаменитого попа (напился и чтобы его от публики во время массового гуляния губернатор распорядился отправить его в полицейский участок) обязывала меня видетсья и с князем [А.Н.] Голицыным, обер-прокурором Синода, который важнейшую играл ролю при дворе, был наушник и приятель государев. Беседа моя с ним... ничего мне не помогла. Он выслушивал меня, но из сухости его разговора видел я, что он наполнен дурных предубеждений насчет сего случая и глядит на него с точки зрения, для меня не выгодной. Тщетно было бы переуверить его; он искал мне вреда, потому что это было угодно государю, и рассудок его никакого силлогизма не принимал в мою пользу. Надлежало мне пострадать за попа, так вещали оракулы наших питонисс ворожей светских... Итак, посетив-

ши раза два князя Голицына и видя, что он мне не друг, перестал его беспокоить. Неудобно было ездить на поклон и к министру юстиции, это было для меня тяжелее. Я не забывал еще, что Иван Иванович Дмитриев всегда был в службе меня моложе, что, сержантом будучи, когда я уже служил офицером¹, в одном и том же полку... Память живо представляла мне оказываемые мною услуги его родному брату, которые по подчиненности его могли даже назваться и благодеяниями, а теперь надобно было мне стоять у него в передней, дожидаться в толпе секретарей его выхода, ловить гордый взор его и радоваться каждому приветливому слову. Это казалось мне несносно, но нужда... на все отваживается. Я поехал к нему, был гордо принят, с большими насмешками. Господин министр, валяясь на софе, в утреннем платье, обнюхивал свежий померанец, глядел на меня с улыбкой и кидал каленные стрелы в мою душу. После этого раза я перестал было к нему ездить, меня принудили возобновить посещения... Видясь с ним часто, узнал я из откровенной его мне исповеди, что он оскорбился жалобой моей на Сенат, как на такое место, которое действует под его надзирательным оком, что всякий поступок его или несправедливость падает на лицо министра юстиции и что ему будто бы досадно было видеть, что старый его однополчанин и приятель, забыв прежние с ним связи, мимо его пожаловался на подлежащее ему место стороннему министру, то есть Балашову, который хотя ему и двоюродный зять по жене своей, однако ... мог сим воспользоваться у трона в предосуждение тому министру, который допускает и не оглашает прежде всех беспорядков доверенного его надзору места...

В числе знатных господ, имевших некоторое ко мне отношение, по делам ли служебным, или старым связям, назову я еще министра внутренних дел... **[О.П.] Козодавлев** зывал меня на пиры свои, принимал всегда ласково, оказывал ко мне уважение и с сыном моим, который служил при нем, обращался так, что я со стороны его не мог быть чем-либо недоволен. Министр финансов, то есть г. **[Д.А.] Гурьев**, отблагодаря меня на приватной у себя аудиенции за успехи дела соляного, ... вошел в длинное рассуждение о раскладах рекрут коронных. Я долго с ним толковал о сем предмете, изъяснял мои идеи и не знаю, понял ли он меня, но я никак не понял того, как он, сбившись с этой материи, попал на другой след и, рассказавши мне целую историю о каком-то мнении его, опровергаемом в совете, совсем запутал беседу, и я молча выбрался из этого лабиринта. Один только этот раз я с ним виделся, слушал его и говорил с ним, но если бы все

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем... Т. 2. С. 231, 232.

аудиенции министров с начальником губерний не более имели пользы для управляемых народов, как сколько истекло из данной мне аудиенции его великим и толстым превосходительством, украшенным при широком челе ужасными бакенбардами и многими на спине и на брюхе орденами, то бы беда была жить на свете.

Граф [В.П.] Кочубей, присутствуя в одном совете [Государственный совет] и не заправляя никакой особенной частью, был всегда ровен в обхождении со всеми, принимал меня и неоднократно с милостивым вниманием жалел о моих хлопотах и о притеснении меня. Он всегда был министр, барин, достойный и приятный человек, такого мнения о нем останусь навсегда.

Совет, лишась государственного секретаря [М.М. Сперанского, отправлен в ссылку – П.Н.], явился в публике, как дитя без мамы.

Князь Дмитрий Иванович Лобанов, генерал от инфантерии, коротенький витязь, известный по проломленной своей голове на каком-то штурме, который быв с разных мест и отовсюда за негодность выгоняем, но без огласки, наконец ныне занимался, по монаршему соизволению, формированием резервных полков по окрестным губерниям...»¹

Министр полиции А.Д. Балашов в воспоминаниях М.А. Дмитриева²

Служебная карьера Балашова складывалась довольно неровно и прихотливо. Стремление к заманчивым карьерным перспективам привело его на должность полицмейстера Московского. В этом качестве Балашов прослужил 3 года, общение с московским губернатором А.А. Беклешовым оказало заметное влияние на весь дальнейший ход его службы.

«Ирина Ивановна была вторая жена Петра Афанасьевича Бекедова. От отца она получила в наследство две тысячи душ и заводы, что приносило ей ежегодного чистого дохода до 400 тыс. ассигнациями.³

У Ирины Ивановны было еще две дочери: Катерина Ивановна (1771– 1827) за сенатором [Сергеем Сергеевичем] Кушниковым (1765–1839), племянник Карамзина – сын родной сестры [историка], бывшей замужем за С.С. Кушниковым, помещиком Чебоксарского

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем ... СПб., 2005. Т. 2. С. 231–234, 245, 265.

² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 752 с.

³ Там же. С. 57.

уезда Казанской губернии, адъютант Суворова (1799–1800), Петербургский губернатор, сенатор с 1807 г., член Государственного совета с 1827 г.¹

Елена Петровна Бекетова была замужем за министром полиции [А.Д.] Балашовым.

Дядя (т.е. Иван Иванович Дмитриев) был сенатором с 1806 г. по 1810 г. Перед Новым годом он получил официальное письмо от [А.Д.] Балашова (который был женат на двоюродной его сестре). Он писал к нему о желании государя, чтобы он приехал в Петербург к Новому году, в другом письме, считая, что тот не приедет в указанный срок, то лучше в первые дни после Нового года².

Министр И.И. Дмитриев просился в отставку, а Александр I за границей. Тот пишет Балашову, который был при его особе в чужих краях, исходатайствовать ему бессрочный отпуск. Государь уволил только на 4 месяца, потом еще на 2, далее не согласился и Дмитриев возвратился на министерство.³

Отзывы современников о Балашове были различными: от хвалебных восклицаний до унижительных названий.

«В эти же годы я видел и другого зятя Бекетовой – Балашова, возвратившегося вместе с Государем из чужих краев.

Он был мал ростом, коренаст, с брюшком и выдававшейся вперед грудью, как все военные небольшого роста. Он был чрезвычайно умен; он умел говорить интересно даже о погоде, потому что у него не было слова без мысли. Говорил он громко и красноречиво; после Карамзина я не находил человека красноречивее Балашова»⁴.

Он с поручениями Государя изъездил всю Европу, был при всех дворах, всеми королями был принимаем как любимец русского императора, получал от них и ленты и золотые табакерки. И все эти подарки сгорели в его петербургском доме.

«Так, я помню его рассказы о свидании своем в Риме с королем испанским: и его, и королеву, обнаружившую свой перевес над ним и в этом положении, и знаменитого князя Мира он представлял в легкой, но смешной карикатуре.

Все полагали тогда Балашова первым любимцем Александра I. Но после я узнал из рассказов графа Григория Владимировича Орло-

¹ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 532.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 110.

ва¹, который в Париже был тоже при Государе, что фавёр Балашова и тогда уже колебался и что все эти поручения к королям доказывали, что Государь искал случая отдалить Балашова»².

О коронации Николая Павловича.

«Коронация назначена была 22 [августа 1826 г.] в Кремле были построены места для зрителей, некоторые [в]пускались по билетам, а за местами весь Кремль был полон народом.

От собора до собора было разостлано красное сукно для шествия Государя; по сторонам стояла гвардия ... Двор был в полном составе.

... Корону, скипетр и державу подает Императору митрополит; но возлагает он их на себя сам»³.

«После коронации начались представления. Мы по нашей придворной службе были при всех этих представлениях и стояли по правую сторону трона, у подножия которого, стоя принимали поклоны Император и Императрица.

... Из вельмож один, всегда величественный, подошел к Государю с такой робкой (чуть не сказал рабской) и с такой благоговейной физиономией, которая как будто хотела возбудить жалость»⁴.

«Кочубей, потомок знаменитого гетмана [ошибка автора – знаменитого генерального судьи – П.Н.] шел прямо, смело и гордо; а Сперанский по натуре своего поповского происхождения, еще от дверей вытянул шею. Я подумал, глядя на него: кажется, можно бы было привыкнуть ему к придворному паркету а натура все-таки взяла свое!»⁵

О правлении Николая I.

«После 30-летнего царствования Государя, которого при жизни называли в глаза великим и мудрым, не остается ни одного государственного человека, ни одного генерала.

После Александра [Павловича] оставались, по крайней мере, Кочубей, Канкрин, Сперанский при нем были Кутузов, Барклай, Баг-

¹ Орлов Григорий Владимирович (умер в 1826 г.) граф, сенатор, меценат, издатель переводов басен Крылова на французский и итальянский языки. См. подробнее о нем: Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 327.

² В январе 1814 г. готовился стать генерал-губернатором Парижа, но это назначение не состоялось. С этого времени по начало 1818 г. А.Д. Балашов редко виделся с императором, так как выполнял важные дипломатические поручения. Это дало современникам повод говорить об охлаждении Александра I к Балашову.

³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 246–247.

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. С. 250.

рацион и другие. При нем начали карьеру Паскевич, Дашков. Россия осталась после него страшною врагам и уважаемою кабинетами.

После Николая – одним словом, убит дух, убиты доходы, убиты таланты... Жалкое наследство принял Александр II! Что предстоит ему? Найти людей, которых нет, сотворить генералов, создать финансы, восстановить состояние дворянства, облегчить подати, поднять цены на хлеб и вывести из нищеты земледельцев! Шутка!

И когда же ему предстоит эта задача? Когда враги разоряют и унижают Россию.

Желаю, по крайней мере, одного, чтобы замолчала перед ним проклятая лесть, которая кадила отцу его чтоб она не заразила чадом его простую душу, желаю еще, чтоб не было вокруг его проклятых любимцев, которые одни имели право и которые стоя стеною вокруг него, закрывали от него истину»¹.

Е.Ф. Комаровский об отъезде Александра I из армии

«[А.С.] Шишков и [А.Д.] Балашов, с которыми я жил вместе, сказывали мне, что решено сделать воззвание к Москве и ко всей России, чтобы собрать добровольное ополчение, что они насилу могли убедить графа [А.А.] Аракчеева, чтобы он упросил государя оставить армию, а самому императору ехать в Москву, где присутствие его величества произведет большое действие в сию критическую минуту. Когда Шишков и Балашов предлагали графу Аракчееву, что необходимо нужно государю, в теперешнем его положении, оставить армию и ехать в Москву, и что сие одно средство, чтобы спасти отечество, – граф Аракчеев возразил на сие:

– Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии.

Они ему отвечали:

– Конечно, ибо если Наполеон атакует нашу армию и разобьет ее, что тогда будет с государем? А если он победит Барклая, то беда еще не велика.

Сие заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии. Можно сказать, что душа и чувства графа Аракчеева, совершенного царедворца, были чужды любви к отечеству. С нами жил также генерал-адъютант Винцегероде; он просился с несколькими гусарами сделать поиски на неприятеля, но тоже ничего не открыл. Император следовал с армиею до Полоцка, но еще

¹ Там же. С. 502.

из лагеря под Дриссой послан был генерал-адъютант князь Трубецкой с воззванием в Москву. Государь, на другой день по прибытии в Полоцк, изволил отправиться в Москву. В свите его величества находились: обер-гофмаршал граф Толстой, граф Аракчеев, князь П.М. Волконский, А.С. Шишков, А.Д. Балашов и я. Главную свою квартиру император поручил генерал-адъютанту П.В. Кутузову¹.

История отъезда Александра I из Дрисского лагеря в Москву в начале июля 1812 г. подробно рассказана в мемуарах А.С. Шишкова, который пишет, что мысль обратиться к государю с просьбой оставить армию принадлежала ему. А.С. Шишковым же было сочинено письмо, подписанное А.Д. Балашовым и А.А. Аракчеевым и переданное последним императору².

В.П. Кочубей, находясь в Великих Луках, узнав из случайных источников об отъезде императора из армии и не получив при этом приглашения его сопровождать, с нескрываемой обидой обращается к А.А. Аракчееву с просьбой испросить «дозволения» у его величества «отлучиться в Санкт-Петербург». Причину своего отъезда он обосновывает тем, что «при общем всех удалении, я не считал правильным отбыть из такого места, в коем пребывание мое не может иметь никакой цели». Кроме этого, приезд в столицу ему необходим, чтобы сделать «небольшую операцию на правом глазу»³.

В конце письма В.П. Кочубей заявил о своей позиции в отношении инициативы «нового триумvirата», положительно оценив его действия, направленные на то, чтобы убедить Александра I в целесообразности оставить армию и уехать в столицу. «Сближение его (императора – П.Н.) к центру государства, – писал Кочубей, – утешит столько всех, сколько, напротив, разные неудобства, с первым его пребыванием (при войсках) сопряженные, могли быть прискорбны всем тем, кои и ему и отечеству своему всех благ желают»⁴.

Просьба Кочубея была удовлетворена государем, и он вместе с графом Н.П. Румянцевым 24 июля 1812 г. прибыл в Санкт-Петербург.

¹ Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. С. 385.

² См.: Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 139–149.

³ См. Письмо В.П. Кочубея графу А.А. Аракчееву от 11 мая 1812 г. // Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 47–48.

⁴ Там же. С. 48.

Характеристика графа В.П. Кочубея в воспоминаниях А.М. Фадеева¹

А.М. Фадеев приводит выписку из письма 1802 г. «одного значительного административного лица (по нашему предположению, речь идет о Ф.В. Ростопчине, который не без ехидства оценивал министерскую реформу в письмах наместнику Кавказа П.Д. Цицианову – П.Н.), в которой говорится: «Из наших новых столбов мы только на двух опираемся (видимо, здесь подразумевались Воронцов и Кочубей – П.Н.) прочие или худо построены, или недоложены. Еще хуже – есть некоторые безобразны. Судите, какая польза целому зданию! Противно смотреть, и не хотелось бы их видеть, но они, как назло, всегда впервые в глазах, часто смеюсь сим карикатурам, но иногда бешенство берет, когда видишь, как они искажают все строение. Говорят, что скоро министром будет Мордвинов; дай только Бог, чтобы опыты его исправили: он больно затейлив»².

Будучи управляющим Конторой иностранных поселений на юге Украины, А.М. Фадеев в 1822 г. по указанию своего начальника генерала И.Н. Инзова выехал в Петербург решать вопросы в МВД касательно возвращения в южный край колонистов.

«Тогда управлял МВД князь (неточно: граф – П.Н.) В.П. Кочубей, замечательный государственный человек. В нем было то большое достоинство, что он терпеливо выслушивал всех даже и возражения от кого бы то ни было. Заученных отговорочных фраз, как я встречал у других министров впоследствии, фраз, которые дела не объясняют, а только говорят, чтобы скорее отделаться от призванных ими чиновников, у него не было»³.

«Я [А.М. Фадеев] имел случай сделаться ему ближе известным в 1823 году, когда он по болезни своей дочери приезжал в Крым и провел зиму в Феодосии. Мы с И.Н. Инзовым, объезжая иностранные поселения, заехали тогда в Феодосию, где прожили более трех недель и каждый день обедали и проводили вечера у князя [графа] Кочубея. Там много слышал рассказов, суждений и личных мнений князя, всегда здравых, правильных, показывавших большое знание им России. Весной 1824 г. я его сопровождал при посещении им Молочанских колоний и затем, по его приглашению, гостил у него в Крыму, где он в то время проживал в имении Бороздина «Саблях»

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2 ч. Одесса, 1897.

² Там же. С. 14–15.

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. С. 67.

между Симферополем и Бахчисараем; а осенью того же года был у него в прекрасном его имении Диканьке.

О Кочубее судили различно. Все почти отдавали должную справедливость его неоспоримым, высоким дарованиям, как государственного деятеля, но многие также указывали на его темные стороны как человека, говорили, что он большой эгоист, и что своекорыстен; говорили, будто он всегда продавал свое вино откупщикам, а испанскую шерсть суконным фабрикантам дороже обыкновенных цен потому, что они нуждались в его покровительстве; что он обременял подчиненные ему лица поручениями по собственным делам и прочее, и прочее.

Может быть, была здесь и доля правды, но нет людей без слабостей, а князь Кочубей покрывал их своими обширными познаниями, благотворною деятельностью и высшими административными способностями»¹.

А.М. Фадеев с 1815 г. служил в управлении Новороссийскими колониями, а с 1818 г. уже третий год управлял в должности старшего члена Екатеринославской конторы иностранных поселенцев.

Главный попечитель колонистов южного края России генерал-лейтенант И.Н. Инзов 31 августа 1821 г. обратился к министру внутренних дел В.П. Кочубею с просьбой наградить титулярного советника А.М. Фадеева за отличную деятельность исходатайствовать в вознаграждение за его по всей справедливости, достойное служение в поощрение к дальнейшему таковому ему Всемиловейшее награждение орденом Св. Владимира 4-й степени.

Не желая сдавать экзамена, установленного в то время для производства чиновников в чины 5-го и 8-го классов, А.М. Фадеев 15 лет пробыл в чине титулярного советника. Начальники его, в том числе потом и В. П. Кочубей, старались доставить ему чин помимо закона, в чем наконец и успели – как видно из дальнейшей переписки². В 1822 г. из Белоруссии прибыло в Новороссийский край для поселения более 1 000 еврейских семейств, при этом А.М. Фадеев изыскал деньги, не требуя их от казны, – 150 000 рублей на их прокормление³.

24 января 1824 г. В.П. Кочубей пишет и.о. министра внутренних дел В.С. Ланскому, наверное, из Феодосии: «Я получил от вас письмо, в котором вы пишете о просьбе главного попечителя о колониях южного края России г.л. Инзова о поощрении титулярного советника

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. С. 68.

² Там же. С. 208. Приложение к Ч. 1.

³ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. С. 209, 210. Приложение к Ч. 1.

Фадеева. С улучшением своего здоровья я непременно весной (1824 г.) буду лично в колониях, чтобы изучить их состояние. А пока уведомляю вас о Фадееве, которого знаю с 3-го года в Петербурге и здесь уже в Крыму. В нем увидел сведущего, усердного чиновника, соединяющего в себе отличную деятельность с весьма хорошими нравственными качествами. Не всякий чиновник может быть способен с пользою служить по колониальной части; она требует познания языков, сведения в части хозяйственной, кротости, терпения, достоинства, кои по всем замечаниям Фадеев соединяет в себе. Мне кажется, что Фадеев по долговременному нахождению его в настоящем чине соединенному с отличными способностями и усердием... заслуживает в полной мере изъятия из общего правила о производстве в чины коллежских асессоров по экзаменам, – изъятия, оказанные в недавнем времени чиновникам, служащим по канцелярии Новороссийского генерал-губернатора и Одесского градоначальника.

Гр. В. Кочубей.

24.01.1824».¹

Извлечение из письма, писанного на французском языке графом В.П. Кочубеем к Государю Александру Павловичу от 1 мая 1824 г.

«Оставляя Крым, я осмеливаюсь представить Вам, Государь, сверх вышеписанного, то, что я видел во время моей поездки в Днепровский и Мелитопольский уезды.

Невзирая на то, что я был уже предварен с хорошей стороны о состоянии немецких колоний Молочанского округа, я был очень приятно удивлен, найдя это дело благотворной руки Вашего Величества, гораздо в лучшем состоянии нежели я когда-либо воображал. Там находятся теперь 38 колоний менонистов (немецких) при виде благосостояния и устройства коих я почитал себя как бы перенесенным в один из лучших округов берегов Рейна. Повсюду я видел весьма хорошие дома, окруженные прекрасными садами, наполненными фруктовыми деревьями, и экономическими строениями, отличающимися чистотою, порядком и самым наивозможно лучшим распределением. Дорогою я видел всюду превосходные стада рогатого скота, лошадей и овец хорошей породы. Суконная фабрика, удостоившаяся посещения Вашего Величества в 1818 году, с того времени значительно поправилась и улучшилась. В местах, кои в то время не находились на Вашем пути, Государь, я заметил овчарню, построенную на

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. С. 210.

немецкий образец, в которой находится ныне около трех тысяч мериносов, распространяющих и улучшающих ежегодно состояние сельских стад. В одном месте на берегу Молочной, я нашел плантацию фруктовых деревьев, коих находится теперь до 30 тысяч, и которая может содействовать распространению насаждения деревьев...

Двадцать две колонии немецких колонистов уступают, правда, значительно, менонистским колониям в отношении достаточного состояния; но польза их в умножении произведений здешнего края и в улучшении многих отраслей хозяйства очевидна, как равно и различие все еще весьма разительное, которое существует в устройстве их домов, заведений и садов, в сравнении с бедственным положением в этой части края их соседей, как русских, так и ногайцев...

Я встретил там Контениуса, это[го] почтенного старца, отягчённого бременем семидесяти шести лет и немощей, и все еще занимающегося с неутомимою ревностью. Горестно я был поражен состоянием бедности, в которой он находится. Для своих поездок, единственно посвященных общественной пользе, он не имеет даже пристойного экипажа, а ездит в старой коляске, совершенно неудобной и разбитой. Повеление Вашего Величества, объявленное мною министерству финансов в прошедшем году (1823 – П.Н.) об обращении доходов четверти от аренды, ему пожалованной, в его пользу, еще доньше не проведено в исполнение. Между тем исполнение этого распоряжения или пожалование равномерное 2000 рублей в виде ежегодного пенсионна или столового содержания с присовокуплением к тому, нескольких тысяч рублей, дабы доставить ему средства приобрести ему приличный экипаж многого бы облегчили остатки дней сего верного слуги Вашего Величества».

Далее граф В.П. Кочубей сообщает императору, что Контениус очень хвалит своего помощника г. Фадеева. Он уверяет, что после него Фадеев может с честью заменить его по колониальной службе. «Я нахожу действительно, – свидетельствует В.П. Кочубей, – что этот молодой человек имеет много способностей, усердия к делу и познаний, необходимых к тому, чтобы хорошо управлять этой честью; и думаю, что если бы его подвинули вперед, не затрудняясь производством, он мог бы быть полезным службе Вашего Величества даже в должностях высших и важнейших»¹.

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. С. 211, 212

«Милостивый государь мой, Андрей Михайлович! Получив последнюю почтою копию с указов о пожаловании г. Контениусу по 2000 руб. столовых, я спешу поздравить и Вас с наградой (производством в следующий чин), которою к сожалению моему, не могли Вы так долго воспользоваться, единственно по препятствиям, правилами в экзаменах полагаемым. Не знаю, где находится ныне г. Контениус, я прошу покорно прилагаемое при сем письмо к нему доставить.

Имею честь, и проч.

Граф В. Кочубей.

Диканька. 1.09.1824»¹.

***Воспоминания Д.И. Ростиславова о деятельности
генерал-губернатора А.Д. Балашова***

Ростиславов Дмитрий Иванович (1809–1877) – писатель. Сын сельского священника, воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, Д.И. Ростиславов занимал в ней до 1852 г. кафедру математики и физики. Последние годы жил в Рязани, занимаясь устройством бесплатных публичных лекций по физике и естественной истории (1859–1866). Написал несколько руководств, отличающихся ясностью и доступностью изложения.

Забота А.Д. Балашова об устройстве вверенных ему губерний

«В то время, как мы, в каникулы 1824 г., жили в домах отцов своих, в Рязани случились два замечательных происшествия: смерть архиепископа Сергия и потом трехдневное пребывание императора Александра I в Рязани. Но при описании этих событий, особенно последнего, нужно будет говорить о двух тогдашних рязанских знаменитостях – о генерал-губернаторе [А.Д.] Балашове и рязанском помещике [Г.В.] Рюмине. Вместе с тем нахожу нужным тут же, кстати, сказать о других рязанских гражданах, как мирских, так и духовных особах, чтобы потом уже не отвлекаться от других предметов эпизодами. В этом случае мои заметки будут относиться не к одному 1824 г., а ко всему семилетнему моему житию в Рязани; в иных же случаях, особенно говоря о духовенстве, я коснусь и давно минувших лет. Но предварительно нахожу нужным поговорить о двух тогдашних рязан-

¹ Там же. С. 213.

ских знаменитостях — о генерал-губернаторе Балашове и рязанском помещике Рюмине. Обе эти знаменитости были тогда, когда носилась молва, в некотором смысле соперниками. Один из них был человеком близким к императору, даже его любимцем, и имел громадную в пяти губерниях власть.

Другой тоже пользовался расположением государя, официальной власти не имел, но его громадное состояние и умение жить давали ему возможность иметь обширное влияние на Рязань. Для Балашова, как тогда говорили, [император] Александр приезжал в Рязань, но квартировал по собственному выбору даже против желания Балашова, у Рюмина.

Генерал от инфантерии Александр, кажется, Дмитриевич Балашов был обер-полицеймейстером в Петербурге в 1812 г.¹ И участвовал в интриге, посредствовал которой Сперанский, должен был отправиться из столицы в ссылку. После он был сколько-то времени министром полиции и потом, не припомню уже, в каком-то году [4 ноября 1819 г. — П.Н.] сделался рязанским генерал-губернатором. Кажется, эту перемену не следует считать чем-то вроде немилости императора к нему. Вместо звания министра полиции Балашов, получив под названием генерал-губернатора в управление 5 губерний: Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую и Воронежскую, явился порядочным царьком, который по числу подданных был сильнее каждого из членов тогдашнего германского союза, исключая австрийского императора и прусского короля, его в шутку, а иногда и в насмешку, и называли рязанским царьком.

О том, как этот знаменитый любимец Александра I жил и действовал в Рязани, я, конечно, много слышал, и даже видал, будучи учеником в Рязани, но гораздо более узнал от бывшего рязанского купца Андрея Михайловича Шенна и бывшего председателя рязанской палаты уголовного суда Евграфа Ивановича Строилова. Первый при Балашове был богатым и предприимчивым купцом. Он очень нравился генерал-губернатору ловким исполнением казенных подрядов, пользовался расположением у него самого и приближенных его.

У Шенна — другая его фамилия была Гладкой — я жил на квартире около четырех лет, когда он уже был чуть не столетним стариком и жил уже очень не богато, если не бедно, любил вспоминать про то время, когда при Балашове он играл роль значительного лица в Ря-

¹ Мемуарист ошибается, в 1812 г. А.Д. Балашов был уже министром полиции, военным губернатором столицы — П.Н.

зани, у которого в гостях бывали и губернаторы. С Стромиловым я познакомился по рекомендации моего батюшки, тотчас по переселении моем в Рязань в 1825 г.

Я пользовался его расположением до самой его смерти в 1868 году. Он, как почти постоянный житель и служака Рязани, тоже хорошо знал Балашова, хотя ему, кажется, не был известен.

Не знаю, почему Балашову вздумалось поселиться в Рязани, которая и тогда, как ныне, была хуже Орла, Тулы, Воронежа и Калуги. Поселившись в Рязани, он жил, как знаменитый русский вельможа и администратор. Занимал он на лучшей улице города огромный дом; у подъезда его квартиры всегда стоял военный караул из двух солдат. Куда бы он ни ехал по городу, его провожал конный жандарм, а в торжественных случаях, например, в так называемые царские дни, при проезде его в собор к молебну, галопировали сзади его экипажа два жандарма и ехал в дрожках или в санях полицеймейстер. Нечего уже говорить о том, что рязанские жители, из уважения ли к генерал-губернатору, или из боязни попасть в полицию за мнимое неуважение к власти, снимали свои шапки и кланялись его превосходительству.

Нечего о том говорить, что к нему ежедневно являлись с рапортами и докладами разного рода чиновники. Но во все праздники было у него в квартире нечто вроде больших и малых придворных выходов. Покойный Штенн мне рассказывал, что часу в 12-м после обедни обыкновенно все более или менее значительные лица, не только из чиновников, но из помещиков и купцов, считали нужным являться в приемную залу генерал-губернатора. Тут они дожидались появления рязанского принца, иногда часик и более. Наконец он выходил, все выстраивались и кланялись. Начинался обход; с тем милостиво разговаривали, тому протягивали руку, иному отвечали на поклон, тоже чем-то похожим на поклон, мимо другого проходили посматривши только, а то, и вовсе не взглянувши на него. Не обходилось и без более заметных выражений неудовольствия начальства; делались выговоры, замечания за те или другие неисправности. Если кто не очень усердно являлся на эти выходы, то ему напоминалось, что его как-то давно уже не видно. Результатом всего этого было то, что наибольшая часть лиц, имевших право и вместе обязанность являться к этому двору старались угодить вкусу начальника и являлись, если не каждый праздник, то не осмеливались пропускать многие кряду праздники. В высокоторжественные же праздники, Пасху, Новый год и т.п., эти сходбища были уже очень многочисленны. Только не знаю, почему и когда, а сходбища эти бывали и до обедни, и после неё. Мы,

мальчишки, нарочно, бывало, хаживали в Соборную улицу, чтобы видеть, как за генерал-губернатором, мчавшемся в сопровождении двух жандармов в собор на молебну, мчались с одинаковой быстротою на разных дрожки, кареты, коляски, сани и проч., в которых сидели разные чиновники с штыками воротниками.

По окончании обедни иногда тот же поезд мчался к дому генерал-губернатора. Самого его высокопревосходительства карета, запряженная четвернею лошадей цугом, вскоре тоже отправлялась.

Управляя пятью губерниями, посылая множество предписаний и получая ещё гораздо более разных донесений, Балашов должен был иметь большую канцелярию при себе. Она помещалась в особом здании, которое в прежние времена служило квартирою для губернаторов. В ней подобно тому, как в министерских канцеляриях, правителем дел был чиновная особа, какой-то Кавелин, то время, как я учился уже в Рязани, едва ли не действительный статский советник, по крайней мере, квартиру ему служил очень большой дом. Охотников поступить в состав канцелярии было очень много; для этого приезжали даже из Петербурга, так называемые, матушкины детки; для рязанских жителей считалось за честь попасть в число ее деятелей, но, кажется, состав чиновников ее вообще был хороший. Службой этой интересовались не только потому, что она доставляла лучше содержание, нежели губернские присутственные места, но и потому, что генерал-губернатор любил ее чиновникам, как лицам известным, если не ему самому, то его правителю дел, раздавать места в присутственных местах не только губернских, но и уездных. Рассказывали про остроту одного господина, который был чуть ли не во всех городах Рязанской губернии. На предложенной ему вопрос, что он видел в них особенного, он отвечал: „Я везде встретил только бывших чиновников генерал-губернаторских“.

Независимо от канцелярских были при Балашове чиновники по особым поручениям и какие-то экстраординарные чиновники, которых нельзя встретить по губернским местам. Так, например, в Рязани существовал обер-полицмейстер, которому подчинялись уездные городничие, не знаю только одни ли рязанские или всех вообще пяти губерний; или уже не в каждой ли губернии было по обер-полицмейстеру. Были и другие какие-то экстраординарные чиновники. Это сделалось известным при императоре Николае. Скоро по воцарении его, Балашова, как члена Государственного Совета, вытребовали в Петербург, и кажется, без него-то производил ревизию по генерал-губернаторству какой-то сенатор, который и донес, между про-

чим, что генерал-губернатор превысил свою власть, устанавливает сам собою новые должности, к числу которых, разумеется, причислена была и должность обер-полицмейстера.

Отъезжая в Петербург, Балашов разделил свою канцелярию на две части, одну оставил в Рязани, а другую взял с собою в Петербург. Но вскоре генерал-губернаторство было уничтожено, и в Рязани опять воцарились губернаторы, не заменяемые уже ярким светилом губернатор генерал-губернатора.

Сам по себе был, кажется, в Рязани честным человеком. Будучи еще обер-полицмейстером в Петербурге, он нажил хорошее состояние; в Рязани уже можно было быть и казаться честным. Но приближенные его, по крайней мере не все, причислялись к числу бессребрянников. Шенн мне рассказывал характеристический анекдот про обер-полицмейстера, милостью которого, по всей вероятности, не совсем бескорыстного, он пользовался. Один городничий сделал какой-то важный промах и должен был явиться в Рязань для объяснений к обер-полицеймейстеру. Но прежде, нежели предстать перед своего грозного судью, он счел за лучшее предрасположить в свою пользу приличною взяткою и для совета явился к Шенну. На общем совете они положили попробовать смягчить разгневанного судью подобающим его чести приношением.

Шенн отправился для переговоров. Явившись к обер-полицмейстеру, он сказал: «А ведь такая-то птичка (разумея под этим названием виновного городничего) прилетела сюда, да не знает, как к вам явится, с одним ли крылушком или с двумя» (под крылушком подразумевалась сотня рублей). — „Ну, вот еще, отвечал обер-полицмейстер, как же можно птичке летать с одним крылышком. У какой же ты птицы нашёл только одно крыло?“

Этот чиновный зоолог нашел лучшим, чтобы крылушки были принесены к нему не самою птичкою, а Шенном. Церемония исполнена, явившемуся после того городничему сделано было на словах приличное внушение, и потом он отпущен с миром в богоспасаемый свой город для вознаграждения понесенных им убытков в качестве птички. Разумеется, и мой любезный хозяин Шенн не остался без вознаграждения за свои праведные переговоры.

Балашов старался улучшить по своим понятиям вверенные его управлению губернии. В Рязани улучшения его главным образом коснулось улиц. До него они не были вымощены, исключая двух или трех улиц; тротуаров, или вовсе не было или они так устраивались, что прогулки по ним не отличались удобствами. От этого и происхо-

дило, что в прежнее время на немощеных улицах, по которым, впрочем, ходило и ездило много народа, не было почти возможности ни пройти, ни проехать. Мне самому случалось видеть, как кареты, съехавшие с Соборной улицы на Семинарскую, немощеную, проехавши несколько десятков саженей, останавливались, хотя бывали запряжены даже четырьмя лошадьми. Несмотря на неутомимую деятельность кучерских и фореиторских кнутов, лошади отказывались далее двигаться. Тогда долговязые лакеи отворяли дверцы кареты, выносили барынь на мостовую или тротуары Соборной улицы, а на выручку кареты из грязи в помощь лошадям приглашались люди и приносили веревки и после усердной общей работы и еще более усердного крика вытаскивали кое-как карету.

В этом отношении Балашов действительно сделал много хорошего для Рязани. Конечно, и до сих пор около трети улиц еще не имеют мостовых; но почти все вымощенные улицы сделаны такими при Балашове; при нем также чуть не везде тоже были устроены и тротуары. Конечно, они не отличались совершенным, так сказать, безгрязием в дурную погоду, но всё-таки можно было по большей части их пройти, не опасаясь завязнуть в грязи или оставить в ней сапоги. Чтобы облегчить устройство мостовых для города, Балашов своею властью установил особую пошлину со всех въезжающих в Рязань, разумеется, крестьян. Из них каждый у заставы должен был дать не менее трёх небольших булыжников; или заплатить сколько-то копеек. Поэтому в то время у застав Московской и Астраханской, где стояли мытари, собиравшие пошлину, стояли порядочные кучи булыжника. Велики ли кучи составлялись из грошей, я не знаю, их не выставляли напоказ, а укладывали по карманам.

Несмотря на слишком явную пользу, доставляемую тротуарами, домохозяева рязанские были очень недовольны распоряжениями генерал-губернатора. Не только тротуары, но и мостовые едва ли тогда не устраивались на счет домохозяев, по крайней мере семинария, несмотря на все хлопоты, должна была на свои, а не на городские деньги вымостить улицу против своего дома и двора. Но если устраивались мостовые против домов частных владельцев на городской счёт, то всё-таки деньги для этого, как небывалый прежде расход, занимались из кармана домовладельцев под видом особой пошлыны. Потом введено было освещение города фонарями по многим улицам; опять нужны были деньги. И, наконец, на более видных улиц[ах], следовало мести ежедневно и тротуары, и мостовую, для чего следовало нанимать дворника. Очевидное дело: опять страдал карман городских

домовладельцев. Но сюда присоединилась новая беда. Балашов старался истребить мошенничество и кулачество в торговле, приказывал смотреть за весами, мерами затем, чтобы купцы не стесняли крестьян, торговавших со своих возов в базарные дни и пр.

Рязанским купцам-кулакам надобно было или отказаться от своих мошеннических и кулацких преданий, или тратить деньги на подкуп полиции. Но и последнее не всегда помогало. Генерал-губернатор, подобно Гарунь-Аль-Рашиду любил ходить по городу и рынку в партикулярном платье и часто сам имел случай видеть купеческие проделки; тут разумеется, доставалось уже и полиции, которая старалась выместить это на купцах. Словом сказать, рязанским домовладельцам и торговцам-купцам не нравился и генерал-губернатор по многим причинам. Иногда даже вслух ругали его.

Однажды какой-то мещанин нашел возможность высказать ему очень колкую остроту, которую с удовольствием повторяли жители Рязани. При Балашове выстроили новый в Рязани острог, наподобие какого-то рыцарского замка с четырьмя башнями по углам, с высокою оградой кругом двора, с железными воротами. Балашов в партикулярном платье осматривая работы, увидел толпу зевак и, подошедши к ней, сказал: „Ну, что, ребята, каков домик?“ – «Хорош», – отвечали ребята, действительно не узнавшие генерал-губернатора, или только показавшие вид, что не узнают его. Но он продолжал: „И знаете ли, ведь этот дом строится для вас, ребята?“

Тогда мещанин, который тогда говорил, только притворился незнающим генерал-губернатора, отвечал ему с улыбкою: „Э, барин, полно шутить над нами, куда нам в таком доме жить? Хоть бы твоей милости посчастливилось в нем пожить“.

Балашов, разумеется, не продолжал более разговора.

Но особенно Рязань должна быть благодарна ему за улучшение пожарной команды, которая, конечно, существовала и до него, но очень мало помогала во время пожаров. Балашов, как бывший Петербургский обер-полицеймейстер действительно устроил ее очень хорошо; при нём ни одному пожару не позволили истребить много домов.

Не одни купцы-кулаки и домовладельцы рязанские не любили Балашова; чиновники высшие и средние едва ли не более горожан его ненавидели. Губернатор, председатели, советники палат и прочая губернская чиновная знать принуждены были находиться под постоянным надзором его высокопревосходительства, вечно быть, по пословице, в струнку, постоянно ожидать, что вот по жалобе какого-

либо мужика или мещанина придется давать неприятные объяснения пред высшею властью насчёт замедления или неправильного решения какого-либо дела. Менее важные чиновники могли испытывать подобного рода неприятности, притом не от одной высшей власти, но и от ближайшего своего начальства. Кроме того, не будь в Рязани генерал-губернатора, каждый из менее важных чиновников мог лелеять себя надеждою получить более выгодную должность или в губернской администрации, или где-либо в уездном городе сделаться хоть секретарем уездного суда. А тут, при генерал-губернаторе, канцелярия его была неистощимым рассадником, из которого добывали преимущественно чиновников, для занятия ими менее важных должностей.

Деревенское народонаселение было, подобно городскому, очень недовольно генерал-губернатором и имело поводы считать его свои жалобы на него справедливыми. Балашову хотелось исправить хоть так называемые большие дороги по вверенным ему губерниям. Дороги были действительно в дурном положении: в грязное время во многих местах почти не было проезда; мосты через ручьи и речки сгнили, а на болотах, которых так много в Мещоре, мостовины в осенние и особенно весеннее время были на плаву. Мой дядя Василий Мартынович, возвратившись в 1818 году из семинарии в Тулу к Пасхе, рассказывал, что он с его товарищами переправлялись в так называемом Сороковом (сороковерстное пространство между деревнями Власколово и Ершово, покрытое в то время сплошным лесом) по болотам следующим образом: мостовины стояли на плаву, мелкие из них большую частью опускались в воду, когда на них становился человек, но в разных расстояниях между ними находились довольно толстые бревна, способные выдержать человека. И поэтому семинаристы в одиночку бежали по менее тонким мостовинам, чтобы как можно менее на них находиться и потом уже для отдыха останавливались на толстых.

Само собою, и лёгкие мостовины нередко погружались, прежде нежели ступивший на неё успевал сойти с нее, а иногда и толстые бревна повертывались или даже погружались от тяжести в двух-трех человек; результатом этого было то, что семинаристы опускались в воду до пояса. Кроме того, верстовые столбы, это привилегия наших больших дорог, поставленные едва ли еще при Екатерине, погнили и только кое-где были видны, остатки давно минувших лет. Наконец сами версты в очень многих местах почему-то состояли из 700, а не из 500 сажений.

Улучшения Балашова начались с того, что все дороги в ночь были измерены, измерение это произведено было не везде с большой точностью. Мой батюшка однажды спрашивал рязанского знакомого исправника, отчего это по, так называемому Сороковому бору версты не везде равны?

— Эх, батюшка, — отвечал исправник, измеряли мы дорогу в жаркое время; часто надобно было отдыхать; до этого мы и избирали места посуше, потенистее, где можно было с удовольствием расположиться; вот тут в благодарность и ставили верстовой столб. Ну, а иногда следовало бы его поставить прямо в болото; разумеется, тут он скоро бы сгнил; вот мы и искали для него местечко посуше. Но всё-таки, так или иначе, верстовые столбы были расставлены.

Затем ширину дороги назначили в 30, если не более сажений, хотя по некоторым из них иногда нужно было пройти несколько вёрст, чтобы встретиться с кем-нибудь; простор полный! По ту и другую сторону дороги рыли канавы не менее аршины глубины, не только в низменных или ровных местах, но даже и на буграх, где вода и без того не могла задержаться. Затем около канавки на обеих сторонах неё земля шириною до 1½—2 сажений поднималась над прочею дорогу на четверть аршина или немного более, в виде, так сказать, небольшой террасы, для составления которой землю брали с остального пространства дороги (земля из канавы укладывалось нешироким возвышением в роде вала, на внешней стороне дороги) и старались придать ему форму такую же, какую имеют городские мостовые из булыжника, т.е. середина дороги должна была иметь небольшую высоту, и от середины террасами в ту и в другую сторону дороги должна была понижаться и давать воде возможность стекать. Самые террасы усаживались двумя рядами деревьев, берез или ветель, кажется, в расстоянии друг от друга на две сажени.

Деревья посадили: ветла, конечно, не церемонна. Она легко принимается, если какая-либо ветвь и даже кол, покрытый корою воткнулся в землю; но для берёзы нужно выбрать время, да еще прибавить хоть небольшое умение. А так как насаждатели-крестьяне не отличались особенным искусством в этом отношении, то и насаждения их не принялись; даже и те, которые принялись, были поломаны, обгрызаны и вырыты домашними животными, пасшимися на полях, где лежали дороги.

В следующий год нужно было вновь приниматься за насаждение и для сбережения их от животных приказано каждое дерево огораживать круглым плетнем из ивовых прутьев; такие плетни, представ-

лявшие собой форму опрокинутого усеченного конуса, назывались в народе кошолками. Деревья под защитой их начали приниматься, но появившиеся их ветви стали встречать препятствия своему росту в стенках кошолок; и потому, кажется, года через два велено было кошолки отбросить прочь, а около каждого дерева вбить по четыре кола, скрепить их внизу и вверху связками из березовых или ивовых прутьев.

Все описанные работы могли бы назваться легкими, если бы их производили крестьяне ближайших деревень к той или другой части дороги. Но премудрая наша администрация, опекающая нас с незапамятных времен и до сего дня, разделила дороги каждого уезда по всем крестьянам его так, что разве некоторые счастливицы-деревни имели доставшиеся участки на своих полях или недалеко от себя. Нет, надобно было крестьянам ехать на свои участки даже за 20–30 верст и более. Живи они вблизи своего участка, они могли бы отделивая его, ночевать, обедать и ужинать дома, а нужные деревья даром брать из своих лесов. А теперь надобно было отправляться за 20–30 и более верст, платить за ночлег или останавливаться цыганским табором посередине дороги, запастись съестными припасами и потом самые деревья добывать в соседних деревнях за большую или меньшую плату. Это было в первый год, на следующий затруднения увеличились, потому что понадобились уже не одни деревья, но и кошолки; потом еще года два нужно было опять приезжать и покупать по четыре кола для каждого дерева.

А между тем, если его высокопревосходительство сам лично увидит или узнает от своих доверенных чиновников и знакомых, что аллеи по террасам плохо разрастаются, что лентяи-мужики не умеют защитить деревья от овец и свиней или уровнять по ватерпасу дорогу, а исправники плохо смотрят за этим общепольным и крайне необходимым делом. И вот шлются выговоры исправникам; эти принимают-ся распекают заседателей (становых приставов тогда ещё не было), и в конце концов отвечает мужицкий карман, мужицкое лицо, мужицкие волосы и мужицкие задние мягкие части или спины; расход березовых, ивовых прутьев увеличивается.

Но улучшение дорог повлекло за собой для крестьян и другие тягости, кроме описанных мною. По дорогам нужно было устроить мосты, конечно в тех местах, где они были нужны их действительно устроили, но даже и там, где в них не было надобности. Словом, мне случалось видеть мосты, по которым почти никогда не ездили, потому что под ними почти тоже никогда не бывало воды; под ними

обыкновенно во время летних жаров овцы и свиньи скрывались, чтобы насладиться их тенью. Причиной такого излишнего усердия было то обстоятельство, что устройство мостов было возложено не на крестьян той или другой деревни, а на деньги, которые следовало набрать с крестьян целого уезда. Планы на мосты составлялись и торги на устройство самих мостов производились в городах чиновниками. Но архитекторы наши издавна отличаются умением составлять сметы вдвое, даже втрое против того, что следует употребить на постройку, а чиновники умеют так производить торги, что подрядчики делают небольшую сбавку против сметы, и затем избытком своих барышей делятся со своими благодетелями; рука руку моет. Например, в Мещоре крестьяне сами плотники, лесу у них было в то время вдоволь; нужно было только срубить деревья и привезти их к известному месту, иногда в 2–3-х верстах и даже менее. Таким образом мост обошелся бы для крестьян только немногими рабочими днями. Но премудрая администрация отдала всё с торгов известным своим любимцам по смешным почти ценам, отчего и происходило, что за мост, который бы обошелся в 100 рублей, платили 1 000, даже 2 000 рублей; за мост, которого постройка не потребовала 10–20 рублей платили 150–200 рублей. Конечно, мужикам не на что было бы за это сердиться, если бы сами чиновники платили свои деньги. Но дело состояло в том, что деньги собирались со всего уезда не чиновниками щедрою рукою отдавались подрядчикам и вместе с тем попадали в карман городских чиновников. Точно таким же образом устраивались станционные дома в тех селениях, где находились почтовые станции. Конечно, дома вышли очень удобны и красивы, даже в настоящее время эти дома в бывшем генерал-губернаторстве Балашова лучше, нежели в других губерниях, кроме домов, устроенных казною на шоссежных дорогах. Но зато чего стоили и дома, и мосты! Шенн, как бывший подрядчик, на множестве таких построек, бывало не мог о них говорить без особого воодушевления. „Вот так было времечко, Дмитрий Иванович, можно было и самому нажить копейку, да и другим услужить. Тысячи так и летели в карман“.

Ныне, когда деревья, посаженные по большим дорогам, разрослись пятидесятилетние деревья и во многих местах составляют почти настоящие тенистые аллеи, ныне многие восхищаются или превозносят Балашова. Но мужик двадцатых годов балашовских губерний не имел поводов приходить от них в восторг. Ему приходилось на несколько дней уезжать из дома за 20–30 и более верст от дома жить там под открытым небом, находить защиту от дождя в своей телеге,

рогоже или зипуне, промокнуть иногда чуть не до костей, схватить лихорадки и ревматизмы, питаться одним хлебом, а когда он выходил, добывать или за деньги, или в виде милостыни в соседнем селении или хлеб или даже сухари у попов, рыть канаву нередко под дождем в грязи.

На следующий год опять отправляется туда же устраивать кошолки и после вбивать и обвязывать колышки; в награду за эти труды получать пощечины, зуботычины, а иногда приходилось лежать и под розгами. Потом из своего же кармана надобно было давать рубли на мосты и на почтовые станции. Хоть и мужик, а он понимал, что дороги могли и не иметь аллей, что и мосты и станции можно было устроить в 10 раз дешевле, что ему можно было отвести участок близ его же деревни, а не посылать чуть не за тридевять земель куда-то.

Но по большим дорогам главная, так сказать, грязь находится не на полях, а в селениях; я очень много помню сел и деревень, которых улицы просыхали, разве только в самое жаркое лето; к числу их принадлежала и Тула – моя родина. Балашов решился было осушить и селения, но неудачно. Для этого он предписал прорыть по улицам близ домов канавы отгородить их от середины улицы балюстрадаю, состоявшей из столбиков, выдававшихся над поверхностью земли на аршин и соединенных между собою двумя брусками вверху и внизу, сверх того приказано было посадить против домов деревья, чтобы и тут образовалось нечто вроде аллей. Смешно было смотреть, что такие каналы и балюстрады устраивались везде и там даже, где селение стояло на косогоре, и потому вода сама собою стекала в низменные места. Но и там, где были вырыты канавы, они только стесняли и ещё больше загрязняли улицы. Например, в Туле духовенство, считая себя привилегированным сословием, не хотело рыть канавы против своих домов. Да и там, где по целому селению прорыты были каналы, для воды не были приготовлены стоки, где-либо за домами или в поле, и потому канавы не только наполнялись, но и переполнялись водою. Бруски между столбиками, да и сами столбики, сперва были поломаны, и проезжие, особенно ночью, попадали в самые канавы, оттуда уже вытащить колеса лошади не могли; нужно было непременно искать пособия у жителей, которые частенько не прочь были продавать подороже свое пособие, не говоря уже вроде следующих: „Эк, тебя, леший, угораздило! Куда тебя черти занесли? Разве ты ослеп? Разве нет дороги?“ и пр. Посаженные же деревья почти нигде не принялись».

«При Балашове жил в Рязани статский советник Гавриил Васильевич Рюмин. В 1824 г. было ему уже за 70 лет. Бросив занятие мелкой торговлей (продажа блинов и пирожков) Рюмин сначала пристроился помощником целовальника. Потом стал целовальником, затем стал агентом торговли у откупщика Мальшина, жившего в Рязани. Скоро сделался сам откупщиком и зачислился в первую купеческую гильдию. Через несколько лет стал советником коммерции, получил чин надворного советника. В 1812 г. на нужды обороны Отечества пожертвовал около миллиона рублей. О нём узнал Император Александр I, полюбил его и был крестным отцом одного или нескольких его детей. И когда Александр I приезжал в Рязань, всегда останавливался в доме Рюмина. Однажды Балашов, будучи недовольным за что-то Рюминым, приготовил квартиру для государя в другом каком-то доме. Но государь, когда его подвезли к отведённой для него квартире, сказал: „Это что такое? Я хочу остановиться у Рюмина“ и велел везти себя туда. Старик на всякий случай приготовился, и император нашёл прежнюю свою квартирку в том же самом виде, в каком заставлял прежде.

Ежегодно в семейные праздники Рюмин на своей даче устраивал фейерверки, которые отличались особенным великолепием при выдаче замуж своих двух дочерей.

Чтобы посоперничать с Рюминым, Балашов устраивал тоже фейерверки в день именин своей жены, но в самой Рязани, можно сказать, в центре ее, на пустой земле близ дома гимназии. Но эти фейерверки, не говоря уже о том, что какая-либо шальная ракета могла произвести пожар в лучших улицах города, были гораздо хуже рюминских, а потом[у] скоро и прекратились по случаю смерти жены генерал-губернатора.

Эта смерть доставила рязанцам возможность видеть самое пышное для города погребение. Не говоря уже о том, что отпевание происходило в соборе, что в погребальной церемонии участвовало все рязанское духовенство под предводительством самого архиерея, погребальное шествие сопровождалось целыми тысячами зевающего народа всех сословий от собора до Московской заставы (могила для покойницы приготовлена было где-то не в Рязани, а в ее имении — П.Н.), не знаю почему, но и у нас в этот день не было класса [занятий]; и мы тоже смотрели с удивлением на балдахин над дрогами, где

стоял гроб, на траурное одеяние лошадей и людей, на горящие факелы.

Соперники скоро навсегда оставили Рязань. Балашов уехал в Петербург, так сказать, членствовать в Государственном Совете. Дошла очередь и до Рюмина, но он отправился тою дорогою, по которой приходится всем людям рано или поздно отправляться»¹.

Воспоминание чиновника М.Н. Макарова о стиле деятельности генерал-губернатора А.Д. Балашова

Одним из немногих свидетельства, показывающих рязанского генерал-губернатора в повседневной обстановке, являются воспоминания его подчиненного М.Н. Макарова².

В 1824 г. он получил должность чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе А.Д. Балашове. Впечатления об этой службе и легли в основу воспоминаний М.Н. Макарова (1785–1847).

«...Расставшись с моею дипломатиею, я уже гулял и погуливал, как мне хотелось и мысли опять – сидеть, сидеть плотно, как сиживалось во время оно, тогда совершенно пропали из головы моей. В 1824 г. поехал в Рязанскую деревню с кредитивом от А.А. Писарева³ с поручением осматривать исторические достопримечательности и хотел начать с Рязани.

Встретившись с губернатором Н.И. Шнейдером⁴ по делам, я объяснил несколько монет греческих и римских, присланных тому из Керчи. Вот это-то самое объяснение, тотчас доставило мне по губернии какую-то классическую известность и эта, хотя и губернская, но классическая известность очень скоро дошла до генерал-губернатора А.Д. Балашева. Он пригласил меня на обед, и после осмотра его мюнц-кабинета⁵, огромной библиотеки и зоологической и минералогической коллекций. Я был завербован вновь на службу, почти только что оставленную мною, довольно по серьезным немо-

¹ [Ростиславов Д.И.] Записки // Русская старина. 1894. Т. 82. № 10–12. С. 53–66, 68, 71.

² М.Н. Макаров и его воспоминания о Рязанском генерал-губернаторе А. Д. Балашове // Труды Рязанского исторического общества. Рязань: Рязанское историческое общество. 1997. Вып. 1. С. 138–150.

³ Писарев Александр Александрович (1780–1848), генерал-лейтенант, попечитель Московского университета (до 1830 г.), председатель Общества любителей российской словесности и член Российской академии. М.Н. Макаров находился с А.А. Писаревым в дальнем родстве по линии матери, урожденной В. Писаревой.

⁴ Шнейдер Николай Иванович, рязанский гражданский губернатор в 1824–1828 гг. Речь идет об античных монетах, найденных в Крыму.

⁵ Мюнц-кабинет – систематизированное собрание монет и медалей, в широком смысле – крупная нумизматическая коллекция.

чам моим. Но эти немочи тут же были все забвенены, археологические изыскания в пяти классических губерниях, вверенных управлению Балашева, спешили вознаградить в любимых утехах моей жизни.

Первая мысль о сооружении памятника Великому князю Дмитрию Донскому принадлежала С.Д. Нечаеву, владельцу Куликовского поля¹. Был составлен проект, утвержденный императором, но не было средств. Я передал генерал-губернатору мои мысли, как поступить в таких началах, и вот, через самое это посредство, поручено мне было распоряжаться программой о повсеместной подписке на памятник. Возникла о том переписка со всеми начальствующими во всех местах и командах, не исключая даже мест пребывающих за границей послов, консулов, поверенных и всех других лиц, службе нашей принадлежащих. Корреспонденция эта текла быстро и вот, очень скоро, собраны были в помощь нашу довольно значительные суммы. Горжусь тем, что я тут действовал неусыпно и тем же вместе предлагал еще поставить какой-нибудь памятник знак в моих сельских дачах, на месте самого первого сражения, выигранного Донским на Воже, без чего Куликовская победа может быть, не имела в своей конечной значительности.

Все это постепенно сближало меня с А.Д. Балашевым, и я был у него от часу больше своим! Ежедневно являюсь к нему три раза в день, то есть: в шесть часов утра за одно с полициею, в десять со всеми чиновниками (уже при просителях, имевших до генерал-губернатора нужды) и в шесть часов на поговорку привычно доброму моему Генералу и всегда слушал его с большим удовольствием, как моего оратора! Много видел он, многое пережил, а потому и многое знал. Его наука была не теория – она не всякому шла к рукам по опыту!

Обыкновенный рассказ Александра Дмитриевича во время его деловых приемов редко касался моего конька исторического: нет, мой генерал-губернатор бывал весь в тайнах своего правления и предпо-

¹ Нечаев Степан Дмитриевич (1792–1860), помещик Данковского уезда, член Союза благоденствия, в 1833–1836 гг. обер-прокурор Синода. Ему принадлежала часть Куликова поля. Он был инициатором раскопок и установления памятника на Куликовом поле, входившем в состав его владений. См.: Нечаев С.Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. Ч. 118. С. 125–129. О нем см.: Мухина С. Л. Безвестные декабристы Черевин П.Д., Нечаев С.Д. // Исторические записки. Т. 96. М.: Наука, 1975. – 392 с.; Мухина С. Л. Современник декабристов С. Д. Нечаев // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 183–187. Об установлении памятного знака на месте битвы на Куликовом поле. См.: Шкурко А.И. Вопросы музеефикации Куликовской битвы // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. – 312 с.; Нечаев С.Д. Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. С. 213.

чтения полицейского, тут у него нередко выходил на сцену даже Фуше с его проказами наполеоновскими; а подле Фуше ставился Талейран¹ с его взглядами на дело высокой полиции дипломатической, а еще полицейские выдумки и розыски англичан, или надумчивость немцев, словом, то тех, то других народов, всякие полезные заметки во всех видах бывалых и настоящих. К этому иногда уноравливались примеры русских дел и действий полицейских. Повторяю: Балашев читал нам такие лекции ежедневно и сколько было тут любопытного?

Не могу сказать того, чтобы все наши полицейские служаки его понимали. Для них я нередко должен был действовать как словарь объяснительный! Зато уж весьма понятен был им контроль бумажный, только что введенный Балашевым: по этой причине у них № за № гнались как курьеры. Здесь уже со стороны чиновников в ответах задержек не было. Не спрашивайте, однако, каких ответов? Иначе я буду отвечать только – но что я отвечать? Медлительность каждого дела обыкновенно ставит на безответного то новый штрих, то отметку словесную. В таком случае безответный не задерживал себя делом номерационным, обыкновенно ограждая медлительность данного решения неполучением каких-нибудь справок.

Я поговорил об этом, не знаю где, и Балашев тот час дал мне знать, что до него дошли мои заметки, „ведь вы справедливы, Михаил Николаевич?.. Но как бы вы улучшили наши контрольные ответы? Отменить контроль пойдет опять медля, а полиции узаконено ли терпеть медлительность, она обязана говорить, мыслить, слушать и действовать в одно и тоже время, ее исполнительность должна быть точна непременно. Высшие распорядители определяются только ценсуровать ее исполнительность и не допускать ее до ошибок!.. С другой стороны, поспешная действенность за течение дел хороша уже тем, что она не дает стать делу, шевелит его, напоминает о нём. У вас по исторической части, кажется, нет контроля, зато, посмотрите как все ваши исторические бумаги едут точно на волах! Николай Михайлович думал опередить других, и у него, без готовых бумаг для сличения и проверок, тоже почтового не было! Без полноты в своей истории – народ младенец, а будь хорошие контрольные алфавиты “при делах архивных: посмотрите, как бы все это хорошо шло?”

Вскоре после этого я подал господину генерал-губернатору мнение о ревизии архивов в подчиненных ему губерниях и получил

¹Фуше Жозеф (1759–1820), министр полиции Наполеона; Талейран Шарль Морис (1754–1838), один из самых выдающихся дипломатов эпохи наполеоновских войн, с этими французскими государственными деятелями А.Д. Балашов встречался, сопровождая императора Александра I в Заграничных походах 1813–1815 гг.

предписание ехать по губерниям округа, занимаясь археологией. Здесь Балашев, отправляя меня, сказал мне – с Богом! и потом домолвил: „Но, посмотрите, если дадут вам веру в том, что вы едите по делам историческим, моё предписание, как полицейского генерала повредит вам. Не верите? Спросите Виадо, спросите Лудлова¹, в их поездках, также, без комедии не обходилось!“ Пророчество Александра Дмитриевича было и мне, как сон в руку. И я в моих вояжах не обошелся без комедий...

По прибытию из вояжа, в котором исследовал я следы древних водных сообщений Рязани с Черниговом по волокам, я рассказал Балашеву: предписание Вашего Высокопревосходительство мне точно было не совсем в пользу (говорил я). Ученая моя поездка толковалась как-то иначе и вот тому доказательства: в А* почти все от меня спрятались, главное лицо в моём предмете Архивариус заболел, в Б* все отреклось даже от известной древности своего города; а в В* представили мне старинный „компанейский“ винный „мерник“ вместо какой-то древнейшей пороховой бочки, хранившейся будто там со времен „Грозного“, я хотел убедить их годом, явно ещё вычерненным на меднике; но „семнадцатое“ столетие, как всем угодно, а у доказчиков моих, тотчас переходило в „шестнадцатое“... Городничий, ожидая меня, как чиновник соглядатая, встретился со мною в самой заставе своего города и в ту же минуту вознаградил меня изготовленной им самим описью древностей в вещах. Не говорю о гвоздях, подковах, скобах медных и железных, ровно, как и о других подобных же знаменитостях, принадлежащих тому или иному веку, Его Высокоблагородие предпочтительнее всего указал мне на вышесказанный медник, очищенный и поставленный на городской гауптвахте под часами. „Рассмотрите его, – добавил мне добрый хозяин города, – сделайте честь с нами откусать и подоле, если поспешите. Г. исправник давно уже заготовил для всего отличную четвёрку, две станции провезёт без перемен“. Я поблагодарил моего хлопотуна, но припомнил ему, что

¹ Полковник Дон Алонзоде Виадо, заведующий по округу путей сообщений, ученый славный Вильгельм Лудлов был офицером по нашей горной части и находился также в штате Балашова, технологию занимался академик Гаммель (после оставивший свои обязанности, а за статистическим отделением наблюдал действительный статский советник Д.А. Кавелин. Де Виадо Алонзо, подполковник корпуса инженеров путей сообщения, испанский офицер на русской службе. Лудлов Вильгельм, горный инженер, в 1806 г. руководил русской экспедицией на Новую Землю; Гаммель Иосиф Христианович (1788–1861), медик, естествоиспытатель, инженер-экономист. С 1813 г. член-корреспондент Академии Наук, с 1829 г. академик по кафедре технологии. Кавелин Дмитрий Александрович (1778–1851) бывший директор Петербургского педагогического института, затем университета (до 1822 г.), отец К.Д. Кавелина). Ежегодно каждый из нас, по своей обязанности, отправлялся в ученый вояж.

моя цель не одни вещи, а и бумаги. Дело изменилось, мне должно было прожить в В* целую неделю.

„Это ещё не совершенно худо», – со значительностью сказал Балашев, –по крайней мере, тут ваш Городничий мог убедить себя, что и старина нужна на что-нибудь правительству“.

Спустя несколько дней после этих забавных моих рассказней, я нашёл Балашева в большом раздумье: он ходил по своему кабинету, но не заметил когда и как я вошел туда. Однако же, после опаматовавшись, извинился в своей невнимательности. „Со мной случилась неприятность! – сказал он. – Я должен был вызвать общего нашего знакомого Н. и поговорить с ним на порядке серьёзно. Мне донесли заверенно, что он слишком хлопочет о процветании на свой капитал“. „Может быть: он точно живет небольшими суммами, которые, как-то удалось накопить ему“, – ответил я. „Прекрасно! – подхватил Генерал-Губернатор. – Но знаете ли, что его манера скопа сумм мне очень не нравится? Впрочем, если только правда? Там мне сказывали! Говорят, что его проценты слишком крупные. Я всё это пересказал ему без обиняков. Но он старался заверить меня, что во всём этом нет никакой правды. Конечно, вольному воля брать у ростовщика деньги и платить за них, что ему угодно. Да он других взглядов: знаете ли Вы, как важны эти росты по отношению к самой политике? У нас нет ещё от этого замечательных бед; но в Париже, при свидании моём с тамошними ‘полицейскими философами’, я убеждён был, что в этих с излишком интересных расчётах заключаются почти все беды частного благоустройства. Люди в том или ином случае – дети; у вас нет желаемой игрушки – денег, вы достаете их за процент неимоверный, думаете сделать ваш оборот, строите лестницу до небес, ошибаетесь; вашему строению ещё нет конца и – вот вам под руку другой процентщик, выскочивший по уговору уже конечно из одного же гнезда с первым, вы опять заняли, всё заложили, потеряли, погибли! Тут же и сам ростовщик едва ли останется в прочном выигрыше, жадность его под конец дробится, теряется и он сам тоже гибнет! А когда теряются задаром люди, тогда верный ущерб благоустройству государственному! Вы наверное хорошо прочли указ Великой Екатерины, он состоялся в 1762 г., а потом на тот же предмет всем должны быть известны и мудрые распоряжение Государя Императора Павла Петровича¹. Не припомните ли, как в его время у одного процентщика про-

¹ Здесь явная ошибка, допущенная то ли А.Д. Балашовым, то ли автором воспоминаний М.Н. Макаровым при указании даты принятия указа 1762 г. Речь идёт, по-видимому, о Манифесте Екатерины II от 3 апреля 1764 г. «О воспреещении брать проценты сверх определенных по указу 1754 г.» (ПСЗ, Т. 26. № 012124), которым подтверждалось установленное в го-

валилось каретное дно от тяжести лежащих в нем мешков с медными деньгами и как эти деньги посыпались? Вот такая забава случилось в Москве на Кузнечном мосту!.. Но слава Богу! Наш здешний знакомый убедил меня честью...”

Известный генерал Н. рекомендовал Балашеву чиновника как отличного служаку. Балашев, по своим видам изыскивая во всяком что-нибудь полезное, безоговорочно зачислил в свой штат рекомендованного и тот же час при своих наставлениях дал ему поручение, как всегда велось у него, для опыта. Дело шло о городе Х. Чиновник, немедленно прибывши туда, по усталости тот же час принялся за обед, „украшенный“ бутылкой пива. Поручение не терпело и такой медлительности; но, вдобавок к тому, с чиновником случайно разделили трапезу еще какие там молодцы. Одна бутылка пошла сменять другую и поручение, хотя и не было через то опущено вполне, замялось, и вследствие того и чиновник со своими ответами прибыл к Генерал-губернатору двумя или тремя часами позднее против ожиданий. „Вы замедлили несколько?“ – встретил его этими словами Балашев. Комиссионер сознался в своей усталости и по простодушию проговорился, что он „для себя успел выпить только стакан пива!“ „Я его никогда не пью, – сказал Балашов, – и потому, может быть, оно никогда не входило в мои рапорты начальству“. Чиновник хотел что-то пересказать в свое оправдание. „Но всё прекрасно! – упредил его начинание, – да я всем докладываю, что пивная часть никогда не касалась моих поручений! Впрочем, скажите мне хотя б о цене бутылки вашего пива?“ Чиновник ответил. „Тут пять копеек лишних против положенного, – подхватил Балашев, – но трактирщику барыш необходим, а вот перевозки и мясо идут у нас ценою не всегда ладно. Пошлю поговорю с полицмейстером!“

Александр Дмитриевич, до тех пор, пока к нему не пригляделись, „в разных его видах“, почти ежедневно сам торговался с продавцами жизненных припасов, покупал их и на рапорте полиции тотчас представлял, где нужно, свои неоспоримые доводы... Утро Балашева начиналось вместе с восходом солнца, это летом, а в осень и зиму со свечами. Его отдых был после обеда полчаса или, много, час, и то он дремал, сидя в кресле!

ды правления Елизаветы Петровны ограничение взимания за долги 6 процентов и наказание за его превышение. Манифестом Екатерины II от 28 июня 1786 г. (ПСЗ, Т. 22. № 16407) ограничение было снижено до 5 процентов. При императоре Павле Петровиче 19 декабря 1800 г. вводится «Устав о банкротах» (ПСЗ, Т. 26. № 19692), который определял механизм взимания процентов со взятого долга (Ч. I. Ст. 101, 102; Ч. II. Ст. 35–38).

Признаюсь, удивлялся и удивлюсь теперь ещё такой необычной деятельности этого моего начальника»¹.

*Об авторитете генерал-губернатора А.Д. Балашова среди
местного дворянства рассказывает Д. Корсаков*²

Автор статьи «Праздник в честь А.Д. Балашова, бывший в Рязани 13 июля 1823 года» Д. Корсаков сообщает читателю о том, что в бумагах его деда Дмитрия Александровича Кавелина³ сохранилась тетрадь из 6 листов почтовой бумаги большого формата с золотым обрезом под заглавием: «Описание праздника 13 июля 1823 года». Спустя 65 лет в 1888 г. Д. Корсаков решил рассказать об этом празднике на страницах журнала «Исторический вестник».

«Праздник, — сообщает автор, — проходил в Рязани в день рождения известного деятеля царствования императора Александра Александра Дмитриевича Балашова, в то время Рязанского, Тамбовского, Воронежского, Орловского и Тульского генерал-губернатора, описан, по всей вероятности, кем-нибудь из чиновников его канцелярии и переписан красивым писарским почерком в ограниченном количестве экземпляров. Они были розданы лицам, занимавшим в Рязани более или менее высокое служебное положение. В числе их получил один экземпляр и мой дед»⁴.

В 1823 г. А.Д. Балашов отправился обозревать вверенные ему губернии и должен был возвратиться в Рязань к 13 июля, то есть ко дню своего рождения. Его жена приготовила к этому времени сюрприз на даче Пустынки, в 4 верстах от Рязани, состоявший в празднике, в котором приняло деятельное участие все лучшее тогдашнее рязанское общество и об описании которого идет речь

¹М.Н. Макаров и его воспоминания о Рязанском генерал-губернаторе А.Д. Балашове // Труды Рязанского исторического общества. Рязань: Рязанское историческое общество. 1997. Вып. 1. С. 138–150.

² Корсаков Д. Праздник в честь А.Д. Балашова, бывший в Рязани 13 июля 1823 года // Исторический вестник. 1888. № 8. С. 365–373.

³ Д.А. Кавелин (28 апреля 1778 – 14 марта 1851). Был назначен в Рязань в 1823 г. старшим чиновником особых поручений при Балашове. Он в 1812 г. при Министре полиции Балашове служил директором Медицинского департамента, с 1817 г. — директор педагогического института и благородного пансиона при нём, а затем и Петербургского университета. Когда началось гонение против профессоров Германа, Арсеньева, Галича и Раупаха, Д.А. Кавелин должен был оставить университет, и его назначили губернатором во Владимир. Но Д.А. Кавелин отказался от этой должности и пошел снова служить под начальством Балашова, к которому был лично расположен.

⁴ Корсаков Д. Праздник в честь А.Д. Балашова, бывший в Рязани 13 июля 1823 года // Исторический вестник. 1888. № 8. С. 365.

в заметке. Это описание весьма интересно в историческом отношении. Оно дает понятие о жизни, быте и забавах русского провинциального дворянства первой четверти XIX в. и указывает на степень культуры этого дворянства, а также на то положение, которое занимали тогда среди него местные правители, облеченные особым доверием государя. Весьма характерно, что тогдашнее рязанское дворянство сочувственно отнеслось к подобной затее и, приняв участие в чисто семейном празднике, тем самым придав ему вид официального чествования генерал-губернатора¹.

Во всех торжествах 13 июля 1823 г. нельзя не видеть подражания тем великолепным празднованиям, которые устраивались в Петербурге и соседних с ним загородных дворцах (Царское Село и Петергоф) в блестящий век Екатерины Второй, а также и в провинциях в честь «величайшей из жен», во время путешествий «Северной Семирамиды» в Москву и отдаленные области ее государства — Казань, Тавриду и Белоруссию. Но подражание это, как всегда, является бледной копией с оригинала, становясь, кроме того, анахронизмом и не заслуженным чествованием такого лица, как Балашов.

Описание праздника передает Корсаков с тетради, сохранившейся у его деда своими словами, оставляя лишь стихи из этого «литературного произведения».

Примерно в течение 10 дней выстроен был на генерал-губернаторской даче Пустынке театр одинаковой величины с публичным театром города Рязани того времени.

Праздник начался в 5:00 пополудни хороводом, в котором участвовало около 50 лиц с хозяйкой во главе. При пении песен хоровод обогнул павильон и направился на лужок близ оранжереи, где в кругу хоровода проплясали по-русски: племянница Балашова — С.П. Папкина и сын его Иван Александрович. Сам виновник торжества и гости, увидав из павильона хоровод, пошли вслед за ним на лужок и любовались танцами.

По окончании хороводных и русских плясок, все участвовавшие продолжая держать друг друга за руки, поздравляли А.Д. Балашова, проходя мимо него к пруду, где из-за острова показалось мачтовая

¹ В нем участвовали: княгиня А.Г. Лобанова-Ростовская, княгиня Н.А. Шаховская, С.П. Папкина, А.С. и В.С. Мосоловы, Варв. Ал., Ел. Ал., Ек. Ал., Евг. Ал. Наумовы, М.Н. Макарова, Н.А. Вердеревская, баронесса В.А. Губерт, Н.И. Князева, С.Г. Кирьякова, баронесса К.К. Фитингоф, дети: княж. Над. Ал., Ек. Ал., Люб. Ал. Лобановы-Ростовские, княж. Ек. Ал. Шаховская, Лид. Ив. Ел. Пейкер, П.П. и А.П. Семеновы, А.Д. Щербачева, П.А., А.А., И.А. Балашова, Ник. Гавр., Ив. Гавр., Конст. Рюмины, Дм. Ив. Князев, кн. Григ. Ник. Чагодаев, Вл. Ст. Мосолов.

шлюпка, украшенная разными флагами. Рулём правил князь А.Ф. Шаховской; гребцами были: братья Рюмины (Н.Г., И.Г., К.Г.), П.Г. Озерской, П.К. Крюковской, И.Ф. Титарев. «Пассажирки»: Н.И. Князева, В.А. и Е.А. Наумова, В.С. Мосолова. И гребцы, и дамы были в английских костюмах и пели в честь генерал-губернатора куплеты на голос народной английской песни. Когда шлюпка стала подплывать к берегу, раздались крики «Ура», сопровождаемые пушечной пальбой. Сойдя на берег, все шли попарно до места, назначенного для «Матлоцкого танца», который танцевали вышеупомянутые «пассажирки» и А.А. Балашов.

За павильоном была раскинута большая палатка, а вокруг неё расставлены между деревьями скамейки. По окончании танца загремел хор песенников, гости расположились в палатке и на скамейках и были угощаемы чаем. Некоторые дамы были в сарафанах и повойниках, унизанных бриллиантами и жемчугом, что дало автору «Описания» повод воскликнуть:

«С одеждой сельской простоты,
На месте с простотою сходным
Мешались моды пестроты
с богатства блеском превосходным».

После чая пошли к лужку, вокруг которого были устроены разные увеселения, как, например, качели, бильбоке, кегли, а среди лужка возвышалась колонна, украшенная медальонами и фамильными вензелями; посредине – вензель А.Д. Балашова, между вензелями его жены и тещи, а прочие 39 медальонов с вензелями детей и ближайших родственников окружали колонну и были соединены гирляндами из цветов. На пьедестале была следующая надпись, сделанная самой хозяйкой: «Нежная привязанность супруги твоей внушила ей желание припомнить тебе сим изображением ту картину, которую Ты рисовал для матери своей, посвящая Ей минуты от службы тебе свободные»¹.

На дощатой площадке, с трёх сторон уставленной лимонными деревьями и другими оранжерейными растениями и цветами, был «групп из детей».

¹ По словам автора «Описания праздника...» Д. Корсакова, А.Д. Балашов, будучи Ревельским военным губернатором, рисовал такую колонну с медальонами для своей матери.

Из-за колонны вышли в венгерских костюмах княгиня А.Г. Лобанова-Ростовская и некоторые другие, раздалась музыка, и начался венгерский танец.

После венгерского танца в построенном театре, скрытом от взора зрителей деревьями, загремел оркестр. Все поспешили туда и заняли места. Шла комедия в одном действии «Два слова или ночь в лесу», переделанная из французского водевиля, а потом опера-водевиль «Ренодаст» в двух действиях на французском языке; музыка была составлена некоторыми из действующих лиц (в комедии «Два слова или ночь в лесу» роли исполнялись: Вольбель, проезжий офицер – князь Шаховской, Лафранц, слуга его – П.Г. Озёрский, трактирщица – А.Д. Денисьева, Роза – княгиня А.Г. Лобанова-Ростовская, разбойники – Г.П. Ржевский, Б.М. Загряжский, И.П. Пелузо и Ф.Ф. Керцели; в «Ренодасте»: комендант – Ф.Ф. Керцели, Ренодаст – Б.М. Загряжский, Сефиза – кн. А.Г. Лобанова-Ростовская, Мартон – князь Н.А. Шаховской, Алин, садовник – Г.П. Ржевский).

За этими пьесами следовал дивертисмент в 3 отделениях под названием «Домашний праздник», составленный из разных танцев. Первое отделение заключалось в следующем: сыновья А.Д. Балашова, одетые пастушками, исполнили па-де-труа. Затем были исполнены: па-де-шаль, па-де-де, с тамбуринами, гавот, в котором участвовали три пастушки и три пастушка, один из них поднес своей даме розан и танцевал с ней особо. По 8 человек танцевали кадрили с гирляндами и кадрили «гулетон» и столько же малолетних детей, к удивлению всех, с ловкостью и без малейшей ошибки танцевали с венками. Далее следовали: танец с птичкой в клеточке, «вилажоаз», тарантелла, триангль, и, наконец, группы из 30 персон с гулетками и гирляндами.

Второе отделение началось гавотом с гирляндами, подражание вестрис. Два гения приносят жертвенник, вокруг которого сыновья Балашова становятся на колени с шалями и венками. Минерва приказывает гению соединить их гирляндами из цветов, что гений и исполняет. С.П. Папкова поёт куплеты своего сочинения и танцует па-де-труа с двумя Балашовыми. Минерва велит им стать к жертвеннику, они становятся, вдруг показываются на транспаранте слова: „Amourfilial“. Минерва держит над жертвенником венок.

В третьем отделении княгиня Н.А. Шаховская поет стихи своего сочинения в честь А.Д. Балашова, а после танцует соло. Из-за деревьев, которые исчезают, являются два купидона и танцуют с С.П. Папковой па-де-труа. По знаку Минервы задний занавес поднимается и,

к удивлению всех, представляется сквозь креп группа из 50 человек, среди которых помещается вензель Балашова. Минерва держит над ним лавровый венок, а нимфы и гении – разные гирлянды. Этим заканчивается дивертисмент. В домашнем празднике участвовали более 50 человек взрослых и детей.

...По окончании спектакля, собрались в среднем павильоне, где начался бал, а затем был ужин. Вечер был тихий и приятный, на деревьях виднелись разноцветные огни, и месяц освещал полным светом возвращавшихся в город гостей.

„Описание праздника“ заканчивается...патетическим эпилогом: „Казалось, как будто ночь соревновала в семь пособиями дня, для успеха праздника и приятности посетителей; если бы не было сему более 200 свидетелей, не помянул бы я об этом удивительном приключении, дабы истина не могла иметь вид вымышления“.

Д. Корсаков»¹.

¹ Корсаков Д. Праздник в честь А.Д. Балашова... // Исторический вестник. 1888. № 8. С. 365–373.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая историческая эпоха выдвигает государственных деятелей, которые в силу своих дарований берут на себя решение исторических задач, поставленных ходом времени. К числу такого рода государственных деятелей России первой трети XIX в., безусловно, относятся князь В.П. Кочубей и генерал А.Д. Балашов, которые оказались в ряду просвещённых реформаторов «дней александровых прекрасного начала».

Сегодня, при оценке сквозь призму времени личностей первых министров внутренних дел и полиции В.П. Кочубея и А.Д. Балашова, перед нами отчётливее и ярче раскрываются образы подлинных патриотов Отечества, талантливых администраторов, выступавших сторонниками реформирования правоохранительной системы России в контексте правительственной политики рассматриваемой эпохи.

Как известно, В.П. Кочубей и А.Д. Балашов занимали важнейшие места в окружении императора Александра I. В.П. Кочубей в качестве ближайшего советника и единомышленника молодого императора выступал в первое десятилетие XIX в., А.Д. Балашов – с 1810 г., заняв пост министра полиции, оказался на первых ролях по осуществлению начинаний Александра I в области государственных преобразований.

На основе анализа внутренней политики России первой трети XIX в. мы убеждаемся в том, что в годы царствования Александра I не было «заигрывания с либерализмом», а проводились действительно необходимые реформы, затронувшие все сферы деятельности российского государства, в том числе и реформирование органов правоохранительной системы.

Для проведения реформаторских преобразований в области правоохранительной деятельности необходимы были новые, способные к этому люди. Молодой император Александр I, приступая к осуществлению централизации управления и дальнейшему совершенствованию деятельности российской полиции, остановил свой выбор именно на кандидатуре В.П. Кочубея в качестве главы вновь образуемого МВД, и можно сделать обоснованный вывод – он не ошибся.

Становление В.П. Кочубея как государственного деятеля совпало с распространением в годы царствований Екатерины II и Павла I идей бюрократической рационализации, усиления роли и влияния чиновничества в управленческой сфере. В отличие от многих вельмож того времени, образованность, просвещенность, ответствен-

ность, коммуникабельность, демократизм, самостоятельность стали ключевыми качествами В.П. Кочубея как министра-реформатора.

При деятельном соучастии выдающегося российского реформатора М.М. Сперанского он учредил и дважды возглавлял МВД. В.П. Кочубею удалось придать деятельности МВД сравнительно широкую гласность, обеспечить «прозрачность» в работе многих его служб, в том числе полиции, по обеспечению порядка и спокойствия в империи.

Почти 10 лет В.П. Кочубей занимал ответственный пост министра внутренних дел России. Под его руководством была разработана и успешно осуществлена концепция функционирования МВД как многопрофильного ведомства, были заложены основные демократические традиции и принципы его деятельности, в частности гласность, получившая в настоящее время закрепление в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г.

При непосредственном участии В.П. Кочубея бывший армейский генерал А.Д. Балашов был принят на службу в МВД на должность московского обер-полицмейстера.

При содействии В.П. Кочубея, в условиях острейшей потребности в опытных и способных управленцах высшего звена, происходит быстрый карьерный взлет А.Д. Балашова на полицейской ниве: с 1804 г. – московский обер-полицмейстер, затем петербургский обер-полицмейстер и одновременно военный губернатор столицы, генерал-адъютант; с 1810 г. – министр полиции и член Государственного совета. А.Д. Балашов, принадлежа к ближайшему окружению Александра I и возглавляя министерство полиции, внес значительный вклад в становление нового ведомства и его развитие накануне Отечественной войны 1812 г. В марте 1812 г. деятельность А.Д. Балашова как министра полиции завершилась. Как можно обоснованно заключить, главной причиной ухода А.Д. Балашова с поста министра полиции послужила неожиданная отставка ближайшего советника императора М.М. Сперанского. В его аресте и отправке в ссылку принимал участие и министр полиции А.Д. Балашов. В этой связи, однако, следует пояснить, что за кампанией организации клеветы против реформатора стоял сам император. С целью укрепления своего пошатнувшегося положения после подписания Тильзитского мира, а также ради сохранения своей общественной поддержки в условиях нарастания военной угрозы со стороны наполеоновской Франции, Александр I принес в жертву не только своих единомышленников – реформаторов первых лет царствования (П.А. Строганов, Н.Н. Ново-

сильцов, В.П. Кочубей), но и государственного секретаря М.М. Сперанского, прибегнув к содействию А.Д. Балашова и других вновь назначенных управленцев¹.

Что касается известной высылки М.М. Сперанского из Санкт-Петербурга, то справедливости ради необходимо отметить, что министр полиции по долгу службы был обязан провести в жизнь решение, по существу уже вынесенное императором. Участие А.Д. Балашова в кампании клеветы против М.М. Сперанского, как представляется, отрицательно сказалось на его дальнейшей государственной службе и привело к критическому отношению к нему современников.

Современные историки по-разному оценивают принадлежность М.М. Сперанского к масонам, его участие в масонских ложах и заслуги министра полиции в его «разоблачении»². Мы полагаем, что мотивы, побудившие М.М. Сперанского вступить в масоны, определялись стремлением правительства Александра I через Министерство полиции использовать в своих интересах масонский фактор, в том числе с целью контроля за масонской деятельностью, для того чтобы избежать зарождения тайной антиправительственной оппозиции³.

В канун Отечественной войны 1812 г. В.П. Кочубей и А.Д. Балашов были включены в свиту Александра I. В.П. Кочубей находился в ближайшем окружении императора лишь в первые месяцы войны и не сопровождал его во время похода русской армии за границу. Оставаясь в Петербурге, он занимался помощью пострадавшим от неприятеля губерниям и организацией правительственной благотворительности.

А.Д. Балашов в период Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов состоял при Александре I, в основном выполняя его дипломатические поручения, способствовавшие росту авторитета России на международной арене. Так, поездка русского министра полиции к Наполеону рассматривалась как важный дипломатический шаг, направленный на то, чтобы показать миролюбие России, ее стремление завершить военные действия, обнажить агрессивные устремления наполеоновской Франции.

¹ См. подробнее об этом: Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России. СПб., 2009. С. 81–101.

² См.: Григорьев А.А., Гасуманов В.И. История государственных резервов России (с IX в. по 1917 г.). СПб.: Питер, 2003. С. 479.

³ См. подробнее об этом: Министерство полиции и русское масонство // Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России. С. 101–126; Николаенко П.Д. Управляющий МВД В.П. Кочубей и закрытие масонских лож в России // Клио. 2012. № 2. С. 125–128.

Основной целью дипломатических поездок А.Д. Балашова во время Заграничных походов русской армии являлось создание оппозиции и подрыв единства в наполеоновских войсках, правительствах и армиях союзников Наполеона. Этому служили, например, поездки А.Д. Балашова в 1814 г. к неаполитанскому королю И. Мюрату, к Вюртембергскому двору, в Англию к принцу регенту. А.Д. Балашов вернулся в Россию только к началу 1818 г.

Важно отметить, что в это время существенным образом изменилось отношение В.П. Кочубея к своему выдвиженцу, его деятельности на министерском посту. Если в первые годы полицейской службы А.Д. Балашова глава МВД к нему относился весьма положительно, поддерживал его, то позднее оставил весьма нелестную характеристику его деятельности как министра полиции, превратившего это ведомство в «министерство шпионства», как писал В.П. Кочубей в своей записке Александру I в 1819 г.¹

Столь резкое неприятие стиля и результатов работы министра полиции было вызвано, не в последнюю очередь, и кампанией травли невинного

М.М. Сперанского, в которой участвовал А.Д. Балашов не столько по заданию императора, но и в личных интересах, пытаясь укрепить свой авторитет в глазах Александра I. В.П. Кочубей же, со своей стороны, помогал своему единомышленнику развернуть его выдающийся талант – сделаться тем М.М. Сперанским, слава которого давно стала национальным достоянием нашей страны.

После окончания войны 1812 г. Александр I приступает к преобразованиям в области местного управления. Полем эксперимента стал особый территориальный округ в составе 5 центральных губерний, возглавляемый генерал-губернатором А.Д. Балашовым. При одобрении Александром I генерал-губернатор организовал губернскую полицию, Губернские и Уездные советы. В 1824 г. Александр I нашел состояние края «отличным», генерал-губернатор был произведен в генералы от инфантерии и пожалован табакеркой с алмазами и портретом государя².

Однако со смертью Александра I и началом николаевского царствования «опыт» А.Д. Балашова был приостановлен. Особый Комитет, созданный 6 декабря 1826 г. под председательством В.П. Кочубея, изучив подготовленные А.Д. Балашовым в ходе данной реформы

¹ Русская старина. 1902. Т. 109. Март. С. 487–488.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 226. Л. 191 об.

документы, признал, что было бы полезным восстановить «прежний сообразный с общими учреждениями в губерниях порядок».

Для А.Д. Балашова при Николае I наступил политический закат, и в 1834 г. он вышел в отставку. Следует признать, что А.Д. Балашов вошел в российскую историю не только как первый министр полиции, генерал-адъютант Александра I, но и как крупный администратор-практик в области реформирования органов местного управления.

В.П. Кочубей в годы правления Николая I достиг вершины власти, возглавив Государственный совет и Комитет министров (правительство), став на некоторое время руководителем всей внутренней политики Российской империи, и получил первый чин в иерархии гражданской службы – государственного канцлера по внутренним делам.

Завершая реконструкцию исторических портретов министров В.П. Кочубея и А.Д. Балашова, необходимо отметить, что крупнейшим администраторам и государственным деятелям России первого ряда, к которым, несомненно, принадлежали В.П. Кочубей и А.Д. Балашов, была свойственна и частная, личная жизнь, но в силу особой публичности первых фигур государства она была сопряжена с серьезными ограничениями и наделена определенным своеобразием. Фактически находясь рядом с императором и под воздействием его, семьи, круга высших сановников, В.П. Кочубею и А.Д. Балашову было исключительно трудно «принадлежать» своей семье, своим пристрастиям и слабостям. Государственная власть всегда носила обременительный характер, что в полной мере отразилось на судьбе наших героев и членов их семей.

Подводя итог, нельзя не заключить, что В.П. Кочубей и А.Д. Балашов всей своей жизнью, своей служебной деятельностью зарекомендовали себя не только выдающимися государственными, но и общественными деятелями, настоящими патриотами своего Отечества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468, 844, 892, 1167, 1263, 1285, 1286, 1640, 1681.
2. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 205, 227, 283.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (3-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии); ф. 1165 (Особенная канцелярия МВД).
4. Архив внешней политики Российской Империи МИД РФ (АВПРИ МИД РФ). Ф. 89.
5. Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 16 (А.Д. Балашов). Оп. 1. Д. 24, 26, 191, 217, 219, 224, 225, 288.
6. Державный архив Полтавской области (Украина) (ДАПО, Украина). Ф. 1071.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 124, 143, 152, 387, 542, 637, 731, 795, 1000, 1165.

Опубликованные источники:

Законодательные акты:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: В 45 т. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.
2. Высочайший рескрипт на имя графа Кочубея, об учреждении Комитета 6 декабря 1826 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891. С. XV.
3. Определение Правительствующего Сената о назначении князя А.Н. Голицына управляющим духовными делами иностранных исповеданий и А.Д. Балашова – министром полиции // Русская старина. 1898. № 3. С. 410.
4. Наказ Министерству Полиции // История полиции России. Исторический очерк и основные документы / под ред. М.В. Курицына. М.: Щит-М, 2001. С. 80–86.

Проекты законов и нормативных документов:

1. Материалы, собранные для Высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. Ч. 1. Материалы исторические и законодательные.

Отд. 1 и 2. Отд. 1. Материалы, почерпнутые из бумаг Высочайше учрежденного 6-го декабря 1826 года Комитета. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1870.

2. Проект учреждения наместничеств 1816 г. // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской Империи / Под общей редакцией В.В. Черкесова: В 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 36–57.

Делопроизводственная документация:

1. Граф Н.С. Мордвинов, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, кн. А.Н. Голицын, А.Д. Балашов и А.П. Ермолов в доносе на них в 1826 году // Русская старина. 1881. Т. 30. № 1. С. 190.

2. Докладная записка графа Кочубея о предметах занятий Комитета // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1891. Т. 74. С. XIX–XX.

3. Кочубей В.П. Записка о положении в Империи и о мерах к прекращению беспорядков и введении лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1894. Т. 90. С. 5–26.

4. Инструкция Александра I генерал-лейтенанту А.Д. Балашову // Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 гг.: В 8 т. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Т. 7. (январь 1813 г. – май 1814 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1970. С. 608–610.

5. Предположение генерал-адъютанта Балашова по предмету распределения полицейского управления // Материалы, собранные для Высочайше учрежденной Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел административный. Ч. 1. Материалы исторические и законодательные. Отд. 1 и 2. Отд. 1. Материалы, почерпнутые из бумаг Высочайше учрежденного 6-го декабря 1826 года Комитета. СПб. 1870. С. 178–180.

Источники личного происхождения:

1. [Балашов А.Д.] Свидание генерала Балашова с Наполеоном // Исторический Вестник. 1883. № 5. С. 424–438.

2. Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1988. – 541 с.

3. Вигель Ф. Ф. Записки. В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. – 608 с.; кн. 2. – 752 с.
4. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. – 463 с.
5. [Де-Санглен Я.И.] Записки Якова Ивановича Де-Санглена // Русская Старина. 1883. Т. 37. № 1. С. 1–46.
6. Долли Фикельмон. Дневник. 1829–1837. Весь пушкинский Петербург. М.: Минувшее, 2009. – 1008 с.
7. Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М.: Наука, 1997. – 390 с.
8. Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... / Вступ. ст. Н.В. Кузнецова, коммент. М.О. Мельцина. Т. 1–2. СПб.: Наука. Т. 1. 2004. – 816 с.; Т. 2. 2005. – 726 с.
9. Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. – 464 с.
10. [Мертваго Д.Б.] Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. М.: Русский архив, 1867. – 336 с.
11. Мертваго Д.Б. Записки (1760–1824). СПб.: Русская симфония: Библиотека Академии Наук, 2006. – 357 с.
12. Письмо графа В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому 3 апреля 1820 г. // В память графа Михаила Михайловича Сперанского (1772–1872). СПб., 1872. С. 293–294.
13. Посылка генерал-адъютанта Балашова к императору Наполеону // Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) / Сост. Н.Ф. Дубровин. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1882. С. 14–31.
14. Ростиславов Д.И. Записки // Русская старина. 1894. Т. 82. № 12. С. 53–71.
15. Санглен де Я.И. Записки. 1793–1831. М.: Кучково поле, 2016. – 256 с.
16. [Шишков А.С.] Записки (1780–1814) // Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова: в 2 т. Т. 1. Берлин: Издание Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. С. 122–380.
17. Шишков А.С. Избранные труды / составитель, авт. вступ. ст. и комментариев д-р ист. наук В.С. Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. – 718 с.

Справочники:

1. Бобринский А.А. Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. – 796 с.
2. Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. 1801–1825. М.: Три века истории, 2001. – 402 с.
3. Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. 1826–1908. М.: Три века истории, 2008. – 438 с.
4. Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 2. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900. – 796 с.
5. Руммель В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. В 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1886. – 608 с.
6. Фрейман О.Р. Пажи за 185 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгам: Типография Акционерного общества, 1897. – 952 с.
7. Юбилейный сборник Центрального Статистического Комитета МВД. 1863–1913. СПб.: Типография акционерного общ-ва «Слово», 1913. – 370 с.

Литература:

1. Адрианов А.С. Министерство внутренних дел: исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901. – 335 с.
2. Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. – 695 с.
3. Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб.: Лики России, 2009. – 912 с.
4. Анучин Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до настоящего времени. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1892. – 238 с.
5. Архив князя Воронцова. М.: Тип. Мамонтова, 1870–1897. Кн. 1–40. Кн. 14. – 528 с.; кн. 18. – 403 с.
6. Балязин В.Н. На службе у Подмосковья. Жуковский: Кучково поле, 2004. – 479 с.

7. Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 1–6. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1869–1871. Т. 1. 1869. – 382 с. Приложение – 146 с.
8. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917. СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 350 с.
9. Борисов А.В. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. – 316 с.
10. Борисов А.В. Министерство полиции царской России // МВД России. Энциклопедия / Под ред. В.Ф. Некрасова. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 299–300.
11. Борисов А. Полиция и милиция России в общественном мнении (начало XVIII в. – октябрь 1917 г.) Историко-социологическое исследование. М.: Академия управления МВД России, 2010. – 112 с.
12. Борисов А. Три века российской полиции / А. Борисов, А. Малыгин, Р. Мулукаев. М.: РИПОЛ Классик, 2016. – 608 с.
13. [Боровков А.Д.] Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1899. – 112 с.
14. Булгарин Ф. Воспоминания Фадея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб.: М.Д. Ольхин, 1847. – Кн. 2. Ч. 3–12. – 413 с.
15. Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел: Ч. 1–3. Ч. 2. Кн. 1. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1863. – 635 с.
16. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. В 5 т. – СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1880–1882. Т. 1. – 530 с.
17. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб.: Публичная б-ка, 1872. Т.1–2. – 855 с.
18. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 / Под ред. Д.И. Раскина: В 4 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2001. – 260 с.
19. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 400 с.
20. Голь Н.М. Первоначальствующие лица. СПб.: Нева, 2000. – 415 с.
21. Государственная канцелярия. 1810–1910. СПб.: Сост. в Гос. канцелярии, 1910. – 455 с. Приложение (1–4) – 78 с.
22. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. – 479 с.

- 23.Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М.: Изд. М.А. Дмитриева, 1866. – 315 с.
- 24.Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 752 с.
- 25.Довнар-Запольский М.В. Зарождение министерств в России. М.: Издательский дом Сытина, 1912. – 83 с.
- 26.Дубровин Н.[Ф.] Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1882. – 691 с.
- 27.Дубровин Н.[Ф.] Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883 г. – 533 с.
- 28.Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. – 252 с.
- 29.Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.) // Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [Научно-педагогические труды]. М.: РГГУ, 2008. – С. 359–456.
- 30.Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1987. – 288 с.
- 31.Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб.: Тип. В.Н. Майкова, 1865. – 111 с.
- 32.Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. – 381 с.
- 33.Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / Под общей редакцией В.В. Черкесова: В 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 576 с.
- 34.Искюль С.Н. Год 1812. СПб.: ЛИК, 2008. – 341 с.
- 35.История полиции России. Исторический очерк и основные документы / Под ред. В.М. Курицына. М.: Щит-М, 2001. – 202 с.
- 36.Карпов В.Ю. Министерство полиции в правовой системе России (1810–1819): дис. ...канд. юрид. наук. М., 2000. – 185 с.
- 37.Киселева Т.Ф. Генерал Балашов Александр Дмитриевич: краеведческий очерк. СПб.: Лема, 2012. – 134 с.
- 38.Киселева Т., Маврина О. Хроника храма Покрова Пресвятой Богородицы в Шапках. Историко-краеведческие записки. СПб.: Нестор-История, 2017. – 288 с.
- 39.Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1866. – 239 с.

40. Корф М.А. Деятели и участники в падении Сперанского // Русская старина. 1902. № 3. С. 471–504.
41. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. Т. 1–2. СПб.: Издательство Императорской Публичной Библиотеки, 1861. – 388 с.
42. Краткий отчет В.П. Кочубея по Министерству внутренних дел с начала учреждения его по 25 ноября 1807 г. // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Величества канцелярии. Выпуск I. СПб., 1876. С. 151–180, 181–214.
43. [Лубяновский Ф.П.] Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. 1777–1834. М.: Тип. Грачева и К., 1872. – 319 с.
44. Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649–1917. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006. – 399 с.
45. Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашова. СПб.: Типография Н. Греча, 1847. – 18 с.
46. Лурье Ф.М. Нечаев. М.: Молодая гвардия, 2001. – 432 с.
47. МВД России. Энциклопедия. М.: Олма-пресс, 2002. – 623 с.
48. Минаева Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников. М.: Собрание, 2009. – 341 с.
49. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. Под общей ред. министра внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиева. М.: Объединенная редакция МВД России. 2004. – 648 с.
50. Министерство внутренних дел России, 1802–2002: исторический очерк: в 2 т. Т. 1. СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 268 с.
51. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. – 235 с.
52. Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах: в 6 т. СПб.: Издание И. Песоцкого. 1845. Т. 6. – 354 с.
53. Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России: монография: СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2009. – 786 с.
54. Николаенко П.Д. Полиция в Отечественной войне 1812 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 4. С. 15–19.
55. Николаенко П.Д. 1812 год. Министр полиции России генерал А.Д. Балашов в ставке Наполеона // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 14–20.

56. Николаенко П.Д. 200 лет на службе России (из истории мало-российского рода Кочубеев): монография СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2014. – 272 с.

57. Николаенко П.Д. А.Д. Балашов – первый министр полиции России: монография. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 324 с.

58. Николаенко П.Д. Роль и место МВД Российской империи в министерской системе управления первой четверти XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. С. 18–23.

59. Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: опыт исторического исследования: в 2 т. Т. I. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. – 580 с.

60. Панаев В.И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. № 3, 4. С. 163–168.

61. Письма графа В.П. Кочубея к М.М. Сперанскому. 1823–1825 гг. (Из бумаг академика А.Ф. Бычкова) // Русская старина. 1902. Т. 112. № 11. – С. 301–322.

62. Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову (1803–1806) // Бартенев П. Девятнадцатый век. Истор. сборник. В 2 кн. М., 1872. Кн. 1. – 113 с.

63. Письмо В.П. Кочубея графу А.А. Аракчееву от 11 мая 1812 г. // Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 47–48.

64. Погодин М.П. Сперанский // Русский архив. 1871. № 6. С. 1097–1252.

65. Пчелов Е.В. Романовы. История династии. М.: Олма-Пресс, 2002. – 494 с.

66. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 456 с.

67. Принцева Г.А. Портреты семьи Балашовых в собрании Отдела истории Русской культуры // Русское искусство в Эрмитаже / Под ред. Г.А. Миролубовой, Э.А. Тарасовой. СПб.: 2003. – С. 166–176.

68. Русский биографический словарь. Т. 2. СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1900. – 796 с.

69. Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество: в 7 т. / Под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Т. 2. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1911. С. 221–246.

- 70.Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770–1837: монография. СПб., 2016. – 264 с.
- 71.Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.). Научное издание. СПб.: Лики России, 2006. – 648 с.
- 72.Соллогуб В.А. Воспоминания. М.: Слово, 1998. – 381 с.
- 73.Толстой Л.Н. Война и мир: Т. 1–2. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. – 759 с.
- 74.Томсинов В.А. Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. – 429 с.
- 75.Томсинов В.А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. – 450 с.
- 76.Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб.: Образование-Культура, 2002. – 615 с.
- 77.Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...». Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. – 298 с.
- 78.Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М.: Высшая школа, 1997. – 254 с.
- 79.Федорченко В.И. Императорский дом: Выдающиеся сановники: В 2 т. Т. 2. Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-Пресс, 2000. – 638 с.
- 80.Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719–1917. СПб.: Лики России, 2007. – 293 с.
- 81.Чарторыйский А.А. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. В 2 т. Пер. с фр. А. Дмитриевой. М., 1912–1913. Т. 1. – 388 с.; Т.2. – 362 с.
- 82.Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений (1802–1917). Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 830 с.
- 83.Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 992 с.
- 84.Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. М.: ЭКСМО, 2008. – 544 с.
- 85.Шишов А.В. Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. Приложения. Документы и воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 446 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

***Письма и записки министра внутренних дел графа
Виктора Павловича Кочубея генерал-лейтенанту
А.Д. Балашову***

Получено 25.08.1805 г.

№ 1

«Милостивый государь мой Александр Дмитриевич!

С особливym удовольствием честь имею уведомить Ваше Превосходительство, что Государь Император изволил пожаловать Вас сего числа кавалером ордена С[в]. Анны первой степени. Знаки его истребовав, доставлю я Вашему Превосходительству с следующею почтою. Между тем примите искреннее поздравление мое с сим отличием и лично удостоверение в совершенном почитании, с коим честь имею быть.

Вашего превосходительства покорный слуга граф В. Кочубей.

С.П.-бург

августа 18, 1805.

Е.П. А.Д. Балашову»¹.

№ 2

«Милостивый государь мой Александр Дмитриевич!

Письмо Ваше я имел честь получить. Отдавая всегда полную справедливость достоинствам Вашим и зная благорасположение к Вам Его Величества, я не счел удобным до Высочайшего сведения содержания отзыва Вашего, ибо Ваше Превосходительство согласится со мною, что в теперешних обстоятельствах, столь трудных, когда каждый должен по всей возможности заплатить дань службе к Отечеству, может быть несколько бы удивило Государя Императора желание Ваше оставить Службу.

Вследствие сего, я и не делая никакого употребления из письма Вашего, имел случай при радостном происшествии рождении Великой Княжны, докладывать Государю Императору о ревностном служении Вашем. Встретя то же благоволение к Вам Его Величества, я

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 1.

приятною обязанностию имею известить Вас, что Государь Император предназначить изволил Вам аренду, о чем и дано будет повеление Г. Министру финансов, которое я к вам доставлю.

Имея таковой новый опыт Монаршей Милости, я уверен, что Ваше Превосходительство и не помыслите оставить настоящий Ваш пост, по крайней мере до того времени, пока теперешний кризис не пройдет. Впрочем, я и то несомненно имею упование, что Его Величество, конечно, употребить изволит Вас впоследствии, образом для вас выгоднейшем и поставить посредством сего Вас в возможность, с большим успехом показать усердие Ваше.

Честь имею быть с совершенным почитанием Вашего Превосходительства

Покорнейший слуга граф В. Кочубей.

№ 2566

Санкт-Петербург

Ноября 16, 1806»¹.

№ 3

«Милостивый Государь мой Александр Дмитриевич!

Письмо Вашего Превосходительства от 10 сего месяца об открытии в Москве комиссии для разбора Иностраннных и о печатных, каких проповед в Московской Публице указ об учреждении Милиции, я имел счастье представить Государю Императору.

Его Императорское величество с особенным удовольствием изволит видеть описываемое Вами, Милостивый Государь.

Честь имею быть с совершенным почтением Вашего превосходительства.

P.S. Снаряды артиллерийские должны быть зделаны, как-то само собою разумеется пять недель после получения образцов, да впрочем и нужды не столь строгим или literalным исполнением не настоять, лишь бы только лишней медлительности не было и работа была хорошо зделана. Сие последнее нужно иметь особенно в виду. Я склоняюсь официально к Губернатору ислагать, что Тимофей Иванович, может быть дней несколько лишних на дороге для некоей его инспекции замешкает.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 3–4.

№ 130

Покорный слуга граф В. Кочубей.

20 декабря 1806»¹.

№ 4

Записка

«Граф Кочубей честь имеет уведомить Его Превосходительство Александра Дмитриевича, что Государь Император высочайше повелеть изволил, чтобы Его Превосходительство завтра, в среду, после парада приехал во Дворец принять по велению Его Величества.

12 февраля.

Вторник [1807].

Его превосходительству Александру Дмитриевичу Балашову»².

№ 5

«Ваше Превосходительство желали иметь учреждения полицейские Франции. Я их у сего в семи небольших книгах препроводить честь имею. Они заключают все распоряжения по весь текущий 1809 год. Книга сия для консультации весьма полезна быть может, ибо нет случая или распорядка полицейского, который бы тут не имел своего правила.

Я прошу, Ваше Превосходительство, когда Вы не будете иметь нужды в сем чтении, мне его возвратить, и верить выражением совершенного моего почтения.

Понедельник, 22 сентября 1809

Гр. В. Кочубей»³.

№ 6

«Согласно прежнему отзыву моему и изустному изъяснению, честь имею препроводить к Вашему Превосходительству, проект известной Вам инструкции прося покорнейше переписать из нее все то, что Вам будет угодно. Вы знаете, что я в сем деле и во всех других есть человек посторонний и безответственный, ибо самого удовольствия разделять ответственность с Вами и еще 13-ю человеками, но Вы, по части Вашей особливо интересованы быть можете, чтобы верное исполнительное место, сколько можно лучше было устроено

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 5–6.

² Там же. Л. 7, 8 об.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 12, 13 об.

и сколько можно лучше действовало; а по сему и инструкция сия подлежит строгой вашей цензуре.

Примите свидетельство совершенного моего почтения и преданности.

25 сентября 1812.

Кочубей»¹.

№ 7

«Ваше Превосходительство так скоро вчера из Комитета ускользнули, так я не мог по желанию моему испросить у Вас позволения сообщить Вам предварительно ту работу, которая Комитетом мне была предоставлена и сообразить с Вами то, что по части Вашей полезно быть может. Быв в делах совершенным инвалидом, я не знаю связей новых и действовать только из сил могу по усердию моему, которое велико и без всякого честолюбия. И на том основании я буду просить Ваше Превосходительство, со мною на счет бумаги моей объясниться, когда она будет готова, а между тем примите уверения истинного моего почтения и преданности.

Сентября 21, 1813.

Гр. В. Кочубей»².

№ 8

«Милостивый Государь мой Александр Дмитриевич.

Ваше Превосходительство изволили мне позволить обращаться иногда к Вам частно, партикулярными отзывами, каковым позволениям мне приятно ныне пользоваться.

Зная участие, какое Вы, Милостивый Государь мой, принимаете в Тульском Гражданском Губернаторе Графе Васильеве и слыша от многих посторонних лиц о похвальной рачительности и деятельности управления его Губернею отличающих, я долгом считаю обратить внимание Ваше на следующее обстоятельство.

С одной стороны, вступают в правительственные места от чужестранных Министров домогательства, а от разных частных особ просьбы на долги Графом Васильевым, заключенные и неуплаченные, кои простираются на нарочитую сумму, с другой стороны, Г. Действительный тайный Советник Голубцов объявляет чрез С. Петербургские ведомости, что он больше ни в какие распоряжения по сему предмету не входит.

¹ Там же. Л. 16.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 14, 15 об.

От пронизательности Вашего Превосходительства, конечно, не укроется, что сии обстоятельства могут дойти до сведения Государя Императора. Вам известен образ мыслей Его Величества по сему предмету и Вы, Милостивый Государь мой, легко можете предугадывать те неприятные следствия, кои навлечет на себя в сем случае Граф Васильев, занимающий звание, которое должно служить примером законности и не укоризненности.

По сему, отнеся все изложенное на благо уважения Вашего Превосходительства, я уверен, что Вы, Милостивый Государь мой, найдете приличнейшие способы к приглашению Графа Васильева привести свои дела в надлежащее устройство и тем устранить все угрожающие ему неприятности.

Примите, Милостивый Государь мой, при сем случае, нелестное уверение того совершенного почтения и искренней преданности с каковыми имею честь быть.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга граф В. Кочубей.

С. Петербург

10 марта 1821»¹.

№ 9

«Милостивый Государь мой Александр Дмитриевич.

Вследствии отношении Вашего Превосходительства от 23 истинного декабря о сделанном Вами, Милостивый Государь мой, распоряжений по умножению членов в Рязанском приказе общественного призрения честь имею ответствовать Вашему Превосходительству, что я и с моей стороны, будучи совершенно уверен в неудобстве нынешнего состава присутствия приказов общественного призрения и в необходимости дать другое оным образование, не оставив сего предмета без внимания.

Я признаю нужным обратиться в сем случае предварительно по Приказам общественного призрения обеих Столиц, как таким кои имея и обширные заведения, и обширный круг занятий, представляют более предметов по обсуждению при образовании управления сею частью и коих положений могут быть прилагаемы в других Губерниях, по мере, как представляют надобность.

Таковое образование полагаю я основать на тех самых началах, который следуя и во всех других Европейских Государствах управления сею частью получается благотворительным обществом, при участии в оных и тех лиц, что коим сие относиться может по званию их,

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 20–21 об.

но предположения о том, за множеством других дел, я не имею времени до ныне сообразить подробности исполню сие при первом удобном случае.

Всякое усугубление между тем надзором по части приказов общественного призрения не может быть не одобрено, и я будучи совершенно согласен с Вашим Превосходительством в пользу тех распоряжений случай для Рязанского приказа, нахожу, что он не может быть противный и существующим до сем положениям: ибо учреждением о Губерниях, для присутствия в Приказ дозволяется приглашать разные лица, когда в том усмотрено будет надобность.

Честь имею, впрочем, быть с совершенным почтением, Вашего Превосходительства покорнейший слуга граф В. Кочубей.

№ 27

В С. Петербург.

16 Января 1822.

Его Прев-ву А.Д. Балашову»¹.

№ 10

«Милостивый Государь мой Александр Дмитриевич.

С апреля месяца нынешнего года, как Ваше Превосходительство увидите из прилагаемых при сем нескольких экземпляров объявления, имеет быть издаваем Журнал Изящных Искусств.

Цель сего журнала есть расширение правильных понятий об изящных искусствах. Сообразность цели сей с предположениями учреждающегося здесь общества поощрения Художников, побудила Комитет онаго просить меня принять во уважение пользу, которую может принести искусствам и вкусу таковое издание, содействовать распространению онаго в Губерниях.

Признавая с моей стороны, что упомянутый журнал действительно может быть полезен, я обращаюсь к Вашему Превосходительству с просьбою о содействии Вашем к учинению известным предположениям издавать оный, не сомневаясь впрочем, что посредством сего и участие Вашего, любители художеств обратят внимание на сие издание и пожелают иметь оное.

С совершенным почтением имею честь быть.

Вашего Превосходительства покорный слуга граф В. Кочубей.

11 апреля 1823

Его Прев-ву А.Д. Балашову»¹.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 22–23.

«Милостивый Государь мой Александр Дмитриевич.

Его Императорское Величество снисходя на всеподданнейшее прошение мое Всемилоостивейше уволить изволил меня в отпуск, высочайше повелев до возвращения моего исправлять должность мою по управлению Министерством внутренних дел Государственному Контролеру Г. Тайному Советнику Барону Кампенгаузену.

О таком высочайшем соизволении имею честь Ваше Превосходительство уведомить, прося покорнейше вас, Милостивый Государь мой, принять истинную благодарность за то благосклонное расположение Ваше, коим я удовольствие имел пользоваться в служебных моих с Вашим Превосходительством сношениях.

Имею честь быть с совершенным почтением.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга граф В. Кочубей.

№ 1910

6 июля 1823.

В Царском Селе»².

Ответ А.Д. Балашова на письмо В.П. Кочубея от 6 июля 1823 г.
«Графу Виктору Павловичу Кочубею.

...Я важную благодарность мою приношу за постоянное благо-
расположение Ваше, которым пользовался во все течение разнovid-
ной службы моей. Вы в полицмейстерстве мое, министерство и гу-
бернаторство всегда одинаковые ко мне доброхотство изъявляли.

Примите душевную признательность мою и сохраните мне оное
навсегда; во мне же конечно всегда найдете человека, пребывающего
с отличевским уважением, истинной преданностью.

16 августа 1823 г.»³.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 24–25.

² Там же. Л. 26–26 об.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 30.

№ 12

«Граф Кочубей свидетельствуя совершенное почтение Александру Дмитриевичу, просит покорно Его Высокопревосходительство назначить ему час, когда необезпокоя Его может он к нему приехать.

Суббота, августа 28, 1826».

На обороте: «Его Высокопревосходительству Александру Дмитриевичу Балашову от Гр. Кочубея»¹.

№ 13

«Имею честь препроводить у сего проект записки о последнем нашем Совещании, прося покорно Ваше Высокопревосходительство дополнить оную всем тем, что вы по опытности Вашей и местным сведениям полезным признаете. Ежели же записка одобрена Вами, Милостивый Государь мой, будет, то не угодно ли будет оную подписать.

Примите свидетельство совершенного моего почтения и преданности.

Граф В. Кочубей.

Августа 30, 1826»².

№ 14

«Граф Кочубей, свидетельствуя совершенное почтение Александру Дмитриевичу, просит покорно Его Высокопревосходительство пожаловать к нему сегодня в час, буде сие Его не обезпокоит, для соображения некоторых деталей, кои Его Величеству угодно сделать по известному делу о придворных и пр.

Сент. 2. 1826»³.

№ 15

«Имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству проект известного рескрипта, прося покорнейше сделать в нем те поправки и дополнения, какие за благо признать изволите.

Завтра все равно хотел бы я получить оный обратно, ибо, завтра надеюсь и мои принести, откланиваясь Его Величеству.

Примите, Милостивый Государь мой, свидетельства совершенного моего почтения.

Граф В. Кочубей.

Сент. 3. 1826».

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 28–29.

² Там же. Л. 30.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 32, 33 об.

На обороте: «Его Высокопревосходительству Александру Дмитриевичу Балашову от Гр. Кочубея»¹.

№ 16

«Отъезжая, я только имею время уведомить Ваше Высокопревосходительство, что замечания вами зделанные по проекту известного рескрипта в оный включены и что и самый рескрипт Его Величеством третьего дня утвержден.

Ежели Вы, Милостивый Государь мой, отправитесь так как я в путь, то позвольте пожелать всего приятного и в дороге и дома. Ежели останетесь здесь, то желаю Вам полного веселия в Дворянском собрании, у герцога Рагузского и пр. и пр. желаю также чтобы Вы верить изволили чувствам истинного моего почтения.

Гр. В. Кочубей.

Сентябрь, 6. 1826»².

№ 17

«Граф Кочубей будет иметь честь явиться к Его Высокопревосходительству Александру Дмитриевичу в половине 12-го часу».

На конверте: «Его Высокопревосходительству Александру Дмитриевичу Балашову»³.

¹ Там же. Л. 34.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 81. Л. 36–36 об.

³ Там же. Л. 38.

Письма и прошения В.П. Кочубея и А.Д. Балашова

№ 1

«Мария Павловна, вел. Кн.
Письмо Виктору Павловичу [Кочубею].
28 ноября 1803 год.

Граф Виктор Павлович! Возвращая при сем вам донесение литовского военного губернатора и записку Начальницы Сестёр Милосердия Вильно об учреждении ими здесь больницы для бедных, благодарю вас за сообщение оных и употреблённые вами по сему предмету труды а там дом для помещения больницы уже построен и вскоре окончится, да и всё экономическое и до лечения относящееся устройство уже распоряджено, то и требовалось положение на основании которого употреблять сестре милосердия разнствующее от предлагаемого ими самими поелика вопрос настояв я теперь токмо о их собственном содержании доставленно сюда исправлении возможного на них присмотра за больными. В следствие сего приказала я сделать записку изображающую основание на котором содействие сестер Милосердия при больнице для бедных устроить и распорядить можно, которую прилагаю при сем на ваше рассмотрение. Буд не найдете в оной никакого неудобства, или пунктам требующего какого-либо замечания и объяснения, прошу вас принять на себя труд доставлять оную помянутым сестрам Милосердия и истребовать их о том мнение.

Что касается до назначенных в записке денежных сумм, то при определении оных частью руководствовались запискою самих монахинь, но есть ли вы полагаете какую-либо отместку или прибавку нужную, то в том, по получению вашего уведомления, не встретится ни малейшего затруднения. А ком не знания российского языка может причинствовать некоторую остановку и неудобства в присмотре и прислуге в больнице, то когда-то согласно монахинь на объединенным в записке основании, дойдет до выбора надлежащего их числа нельзя ли в оном обратить особое внимание на знающих или по малой мере разумеющих российский язык и даже поелику выбор или отправление их прежде наступление 1805-го года воспользовать (воспоследовать) же может приучить их между их разумению российского языка, что по сходствию оного с польским, кажется не может быть затруднительно. В прочем представляю все сие на ваше усердие

и склонность вашу споспешествовать дельному полезному приобретению, пребываю с таковыми раз [с]положениями вам всегда благо-склонного. Мария

Санкт-Петербург
28 ноября 1803 г.»¹.

Примечание.

На наш взгляд, автором письма, адресованного министру внутренних дел В.П. Кочубею от 28 ноября 1803 г. является вдовствующая императрица Мария Федоровна, а не вел. кн. Мария Павловна, как утверждается в описи отдела рукописей РНБ (Санкт-Петербург).

Наши предположения основываются на следующем:

1. Письмо написано в ноябре 1803 г. на бумаге с траурной рамкой, хотя после гибели ее мужа, императора Павла I прошло более двух с половиной лет. Но следует заметить, что по велению Марии Федоровны «кровать, на которой Павел испустил последнее дыхание, с одеялом и подушками окрашенными его кровью, была привезена в Павловск и помещена за ширмами рядом с опочивальнею Государыни, и в течение всей своей жизни вдовствующая императрица не переставала посещать эту комнату», как писал современник Н.А. Соболев².

2. Посвятив всю жизнь благотворительности³, вдовствующая императрица Мария Фёдоровна по этой линии поддерживала тесные связи с графом В.П. Кочубеем до своей кончины 1828 г.

3. Только вдовствующая императрица в своих письмах доверяла В.П. Кочубею принимать своё заключительное решение по обсуждаемому вопросу. Так, например, в соответствующем письме от 22 июля 1804 г. Мария Фёдоровна писала «Граф Виктор Павлович!

Препровождая при сем... 10 тыс. руб., прошу вас внести оные в Санкт-Петербургский Приказ общественного призрения на вечное обращение. Я желаю, чтобы приказ получаемые с них проценты в восполнение бракосочетания моей любезнейшей дочери – великой княжны Марии Павловны раздавал каждый год 22 июля в приданое шести бедным девицам, а именно трём дочерям воинских низших служителей и трём из мещан ... представляю вам выбрать достойнейших из мещанок по Санкт-Петербургскому губернатору учинить

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Оп. 2. Ед. хр. 288. Л. 1–1 об.

² Цит. по: Пчелов Е.А. Романовы. История династии. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2002. С. 144.

³ Николаенко П.Д. Князь В.П.Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб, 2009. С. 253–255, 670–671.

такой же выбор из военных. Полагаясь в том на ваше усердие прибываю вам всегда благосклонная Мария»¹.

4. Наши предположения подтверждаются стилем её писем: форма обращения, манера изложения текста письма, заявление в своей уверенности в обязательном и всегда качественном исполнении поручаемого министру задания, и подчёркиванием своей благосклонности, а также и подписи – просто «Мария».

Вышесказанное позволяет нам утверждать, что автором письма графу В.П. Кочубею, писанного 28 ноября 1803 г. является вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, а не великая княжна Мария Павловна. Даже портрет, находящийся в данном деле, вызвал у сотрудников библиотеки сомнения. И они сделали надпись: на снимке изображена то ли Мария Фёдоровна, то ли её дочь Мария Павловна. И, наконец, ещё одно замечание: изучая переписку императрицы Марии Фёдоровны со многими корреспондентами, нам ещё не удавалось встретить письмо ее дочери Мари Павловны к министру внутренних дел в указанный период – начало XIX в.

№ 2

Прошение графа В.П. Кочубея в Санкт-Петербургскую Гражданскую палату о совершении купчей крепости на проданное ему статским советником Семеном Михайловичем Кочубеем село Надежду в Полтавской губернии князю Константину Александровичу Ипсиланти.

«27 ноября 1814 г.

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемиловитейший просит действительный тайный советник граф Виктор Павлов сын Кочубей, о чем следуют пункты:

Действительный статский советник Семен Михайлович Кочубей продал мне в Малороссийской Полтавской губернии повета Павловского село Надежду в коем 361 душа заложены – были его светлости князю Константину Александровичу Ипсиланти. Князь Ипсиланти по займу действительного статского советника Кочубея уполномочил здесь коллежского советника Могилянського от меня день принять и снять всякое препятствие в совершение на имя мое купчей крепости; по сему коллежский советник Могилянский, получив от меня всю сумму должную князю Ипсиланти, вручил мне как расписку, так и вторющее письмо князя Ипсиланти и закладную на имя сего послед-

¹ Санкт-Петербургский журнал. 1804. № 8. С. 80–81.

него, данную действительным статским советником Кочубеем, а между тем, сам отбыл в отпуск.

Прилагаю у сего подлинные три упомянутые акты, свидетельствующие, что вышесказанное мнение действительного тайного советника Кочубея село Надежда не состоит уже более в залоге у князя Ипсиланти, прошу:

Дабы на Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие моё прошение в Санкт-Петербургской Гражданской Палате принять и купчую крепость на имя моё по личному нахождению здесь действительного статского советника Кочубея законным порядком совершить. Всемиловитейнейший Государь прошу Вашего Императорского Величества о сем моём прошении решение учинить ноября ... дня 1814 года. К поданию надлежит в Санкт-Петербургскую палату.

Сие прошение писал и переписывал титулярный советник Андрей Никитич сын Фоминых. Граф Виктор Павлова сын Кочубей руку приложил»¹.

№ 3

Прошение действительного статского советника Кочубея Семёна Михайловича о выдачи купчей крепости на проданные сёла Пещаное и Надежда в Полтавской губернии.

«27 ноября 1814 г.

Всепресветительнейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемиловитейший.

Просит действительный статский советник Семен Михайлович сын Кочубей, а о чем следующие пункты:

Малороссийской Полтавской губернии Поведа Полтавского села Пещаное и Надежда мне по наследству доставшиеся с крестьянами в них находящимися со всеми землями и другими угодиями и со всею движимостью проданы мною действительному статскому советнику графу Павлу Викторовичу Кочубею, но как из имения сего заложены были в селе Надежды.

Его Светлости бывшему Господарю Волконскому князю Ипсиланти 361 душа, а в с[еле] Пещаном действительный статский советник Веселицкий 386 душ, то по предварительному моему с графом Кочубеем условию, заплатив он долг мой упомянутым залогами обес-

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 387. Кочубей В.П., граф. Ед. хр. 69. Л.1–1 об., 2–2об.

печенный и получит от уполномоченного от князя Ипсиланти коллежского советника Могилянского расписку в принятии денег и подлинную закладную, а от госпожи Веселицкой расписку в уплате суммы тем имением обеспеченной, т.к. подлинная закладная не могла быть возвращена, заключая вместе постановление и о закладе пятисот душ в селе Дубовых Грядях, о чём Гражданской Палате Санкт-Петербурга от Киевского Главного Суда 2 Департамента сообщено.

По таковому удовлетворению кредиторов моих и князя Ипсиланти и действительной статской советницы Веселицкой удостоверенным подлинными бумагами действительного статского советника графом Кочубеем в Гражданскую Палату представленными и сообщением Киевского Главного Суда – я прошу:

Дабы высочайше повелено было сие мое прошение в Санкт-Петербургской Гражданской Палате принять и купчую крепость на упомянутые проданные мною сёла Пещаное и Надежду действительному статскому советнику графу Кочубею выдать.

Всемилоостивейший Государь прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить ноября 1814 г.

К подаению надлежит в Санкт-Петербургскую Гражданскую Палату.

Сие прошение писал и переписывал титулярный советник Андрей подпись»¹.

№ 4

Прошение действительного статского советника Кочубея Семёна Михайловича в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда о совершении закладной имения села Личкова на имя действительного тайного советника и кавалера графа Виктора Павловича Кочубея.

«1 декабря 1814.

Всепресветительнейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович Самодержец Всероссийский, Государь Всемилоостивейший

Просит действительный статский советник Семен Михайлович сын Кочубей, а о чем тому следующие пункты:

В прошлом 1808 году сентября 16 дня занял я у госпожи тайной советницы Ольги Константиновны Бриспорновой 125000 руб. денег государственными ассигнациями под залог собственного своего не-

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 387. В.П. Кочубей, граф. Ед. хр. 66. Л. 1–2.

движимого имения, состоящего в Екатеринославской Губернии в Новомосковском уезде села Личкова со всеми написанными по 5 ревизии и росписям подаваемым в 1800 году крестьянами 808 мужского пола душами с принадлежащею к тому селу Личкову землею, господским и крестьянским строением и другими угодиями, на которое имение того 16 числа по доверенности моей статским советником Лубяновским ей госпоже Бриспорновой в Санкт-Петербургской Гражданской Палате от крепостевых дел и закладная дана по коей мною Кочубеем ей госпоже Бриспорновой уплачен весь капитал и проценты сполна и сия закладная выдана мне обратно.

К сему ныне же у господина действительного тайного советника и кавалера графа Виктора Павловича Кочубея занял я вновь двести пятьдесят (250) тысяч руб. под залог того же самого недвижимого имения села Личкова с крестьянами писанными по последней шестой ревизии, землею, господским и крестьянским строением и со всеми принадлежащими тому селу угодьями и располагаюсь дать ему графу Виктору Павловичу Кочубею от крепостных дел закладную сроком на пять лет с условием ежегодно уплатить [уплачивать – П.Н.] определенную часть капитала и проценты; о чем и при написании закладной будет объявлено, посему прилагая при сем к уничтожению – означенную выплаченного мною закладную всемилостивейше прошу.

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие мое прошение в Санкт-Петербургской Гражданской Палате принять и по новому моему займу у господина действительного тайного советника и кавалера графа Виктора Павловича Кочубея денег двух сот пятидесяти тысяч рублей закладную на показанное имение на имя его содержать. Всемилоостивейший Государь прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить декабря дня 1814 г. к поданию надлежит в Санкт-Петербургскую Гражданскую Палату.

Сие прошение писал и переписывал титулярный советник Никола Осипов сын Шокоров.

Семен Михайлович Кочубей руку приложил»¹.

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 387. Кочубей В.П. граф, д.т.с. Ед. хр. 67. Л. 1–2.

Прошение в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда о засвидетельствовании духовного завещания покойного графа Ильи Андреевича Безбородко.

«16 июня 1825 г.

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемиловитейший.

Просит действительный статский советник и кавалер граф Виктор Павлович Кочубей, а о чем следуют пункты:

Действительный тайный советник и кавалер граф Илья Андреевич Безбородко во второй день сего месяца будучи одержим болезнью, однако же в твердом уме и совершенной памяти вручил мне запечатанный пакет духовного Его завещания с написью, чтобы оный по смерти Его распечатать и исполнить сие онное обще [вместе – П.Н.] с супругою Его графинею Анною Ивановною, и на другой того день, то есть 3-го числа сего месяца скончался. По распечатании того пакета обще [вместе – П.Н.] с графинею Безбородко оказалось в нем духовное завещание с особым дополнением к оному и реестром о людях, коих завещал он отпустить на волю [его брат светлейший князь Александр Безбородко, умерший в апреле 1796 г., тоже оставил список людей, которых просил по его смерти отпустить на волю – П.Н.] Из актов сих два первых подписаны покойным графом Безбородкою с заверением духовного Его отца и свидетелей, а последний за Его одного подписом.

Вот сии бумаги представляя в оригиналах всеподданейше прошу дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие мое прошение с вышесказанными прилагаемыми при сем актами в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда приняв, записать и учинив на оных следуемых по законам засвидетельствование с оным все оные акты выдать мне обратно. Сие же прошение с означенными приложениями вторю подать поверенному покойного графа Безбородка титулярному советнику Кузьме Соколову.

Всемиловитейший Государь прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить июня дня 1815-го года к поданию надлежит в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда.

Писал сие прошение с сочинения просителя губернский секретарь Иван Кучеровский.

Действительный тайный советник и кавалер граф Виктор Павлович Кочубей руку приложил»¹.

№ 6

Прошение графа В.П. Кочубея в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда о выдаче свидетельства об освобождении от всякого взыскания и запрещения принадлежащего ему каменного дома в Литейной части Санкт-Петербурга.

«16 мая 1819 г.

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемиловитивейший.

Просит действительный тайный советник и кавалер граф Виктор Павлов сын Кочубей, а в чем мое прошение следуют пункты:

Имея намерение сделать заем Императорского Воспитательного дома в Санкт-Петербургском опекуном совете под залог каменного дома моего состоящего здесь в Санкт-Петербурге, Литейной части во 2ом квартале под № 116-ть. Я представляю при сем на оный дом купчую крепость и данный мне с планом на приданную к сему дому землю осмеливаюсь всеподданнейше просить дать о свободности онаго дома от всяких запрещений и взысканий, учинена была надлежащая справка к сему и дабы высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие мое прошение с показанными приложениями принять и мне для свершения предполагаемого мною займа выдать на помянутый дом надлежащее свидетельство.

Всемиловитивейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить мая ... дня 1819 г.

К поданию надлежит в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда во 2ой департамент.

Прошение сочинял и переписывал статский советник и кавалер Петр Григорьевич Масальский.

Действительный тайный советник и кавалер граф Виктор Павлович Кочубей руку приложил.

Купчая совершена 1814 г. 25 июня и записана»².

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 387. Кочубей В.П. граф, д.т.с. Ед. хр. 70. Л. 1–1 об.

² Отдел рукописей РНБ. Ф. 387. В.П. Кочубей, граф, д.т.с. Ед. хр. 71. Л. 1.

№ 7

Прошение князя В. П. Кочубея [переписчиком допущена неточность, в это время проситель был графом, князем он стал лишь в 1834 г. – П.Н.] в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда о его согласии на бракосочетание его дворовых девушек.

«3 мая 1833 г.

Всемилоостивейший Державнейший Великий Государь Император Николай Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемилоостивейший.

Просит действительный тайный советник и кавалер князь [граф] Виктор Павлов сын Кочубей о том следующем:

Изъявляя согласие на бракосочетание крепостным нашим дворовым девушкам Мелании Ильиной Горбановой Кавалерградского полка с рядовым Иваном Радионовым и Катерины Анисимовой Бондаренковой того же полка с трубачем унтер-офицерского звания Николаем Иановым, выдать оным дворовым девкам 14 и 27 числа истекшего апреля свидетельства, которым при сем представляя всеподданейше прошу дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие мое прошение Санкт-Петербургскою Палатою Гражданского Суда во 2-ом департаменте принять и представляемые при сем свидетельства засвидетельствовав на законном основании, выдать обратно под расписку коллежского асессора Николая Федоровича ... прошение.

Всемилоостивейший Государь прошу Вашего Императорского Величества на счет моего прошения распоряжение учинить мая 1833 г.

Князь [граф] Виктор Павлович Кочубей руку приложил»¹.

№ 8

Письмо писателя Ивана Сергеевича Тургенева к Петру Аркадьевичу Кочубею [племянник графа (князя) В.П. Кочубея – П.Н.].

«Санкт-Петербург
Невский проспект № 11,
четверг 7-го мая 1881 г.

Милостивый Государь Петр Аркадьевич!

Вы были так любезны и заезжали вчера ко мне, но к сожалению меня не было дома. Впрочем я от Д.В. Григоровича узнал о чем именно вам было угодно побеседовать со мной – и я спешу через его посредство доставить вам мое мнение о надписях, которые следовало

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 387. Кочубей В.П. Ед. хр. 72. Л. 1.

бы вырезать на памятнике Гоголю — так как это составляло бы предмет нашего разговора. Соображаясь с самою сущностью дела и с прежде бывшими примерами, я полагаю, что надо бы вырезать на переднем фасе имя (Н.В.Г.), а также год и место рождения и смерти, а на боковых фасах названия выдающихся творений Гоголя; всякое другое прибавление было бы неуместным или ослабило бы впечатление все, что можно бы допустить, это — подходящий короткий текст под именем; но предпочтительнее обойтись бы без него. Одно имя Гоголя достаточно говорит само за себя.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном уважении Вашего покорнейшего слуги Ив. Тургенева»¹.

В отчете Императорской Публичной библиотеки² за 1893 г. на с. 148–149 помещены три письма к Петру Аркадьевичу Кочубею от И.С. Тургенева, Д.В. Григоровича и Н.В. Гербея, относящиеся все к 1881 г., где они сообщают свое мнение о надписях, которые следовало бы вырезать на памятнике Гоголю в Нежине.

Переписка А.Д. Балашова с корреспондентами. 1811–1825 гг.

№ 9

Письмо Алексея Николаевича Оленина к Александру Дмитриевичу Балашову с приложением описания гербов уездных городов Екатеринославской губернии.

«26 июня 1811 г.

Милостивый государь Александр Дмитриевич!

Вследствие Высочайшего Его Императорского Величества повеления объявленного мне вашим превосходительством в отношении от 22 минувшего месяца под № 626-м я в настоящее время приступил к составлению гербов городов Екатеринославской губернии.

При исполнении всего величайшего повеления я за правило себе поставил, чтоб в проекте сих гербов сколько можно стараться избежать пестроты в рисунке, впрочем принимая за основание чертежи и описание вашим превосходительством при записке Херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье ко мне сообщенные, я приступил к составлению помянутых гербов, которые теперь архивариусом Дмитрием Маниловым под присмотром моим окончены препровождая при сем к вашему превосходительству с новым их описа-

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 795. И.С. Тургенев. № 51.

² Отчет Императорской Публичной библиотеки² за 1893 г. СПб., 1896.

нием при чем имею честь возвратить во исполнение вашего отношения и все присланные ко мне по сему предмету бумаги с прежним описанием гербов. Имею честь с истинным почтением и совершенною преданностью вашему...

Подпись»¹.

В заключение автор пытался объяснить причину задержки выполнения данного задания, ссылаясь на слабость своих глаз и в результате данную работу вынужден был возложить на своего племянника архивариуса Дмитриева Манилова, который «план мой сим гербам с успехом под присмотром моим распрокрасил».

Эту приписку автор письма зачеркнул.

На листах 2–3 об. дается новое описание гербов уездных городов Екатеринославской губернии: Нахичеванский, Мариупольский, Александровский, Ростовский, Бахмутский, Славяно-Сербский, Павлоградский, Новомосковский, Таганрогский.

№ 10

Биографические материалы А.Д. Балашова (отрывок статьи и записки К.А. Военского).

«Балашов Александр Дмитриевич генерал-адъютант, министр полиции, член Г[осударственного] С[овета].

Родился в 1770 г., умер в 1837 г. Происходил из старинного дворянского рода, получил воспитание в Пажеском корпусе, который окончил первым и выпущен офицером в Л. Гв. Измайловский полк. На двадцатом году от роду, оставшись после смерти отца почти в бедности, вследствие расстроенного состояния, перешел в армию. Благодаря природному уму и блестящим способностям он быстро продвигался по службе, что в 1799 году был уже генерал-майором и Ревельским военным губернатором, в 1804 – московским обер-полицмейстером, в 1807 генерал – Кригс Комиссаром, а в следующем году Петербургским обер-полицмейстером и в 1809 – Санкт-Петербургским военным губернатором и генерал-адъютантом.

В день учреждения Государственного Совета, 1 января 1810 года, он находился в числе первых назначенных членов этого Совета и 25 июля того же года назначен министром полиции с оставлением вместе с этим Петербургским военным губернатором.

В марте 1812 года, когда разыгралось дело Сперанского, на Балашова, в качестве министра полиции возложено поручение

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 542. Оленины. Ед. хр. 77. Л. 1–4.

отобрать все бумаги у Сперанского и Магницкого и послать каждого из них с полицейским офицером [Шупулинским – П.Н.] в дальние губернии под надзор. Судя по отзывам гр. П.В. Голенищева-Кутузова, И.С. Горголи, Я.И. де Санглена, Бантыш-Каменского, Т.В. Лерхе и др. современников [считают] его как лицо принимавшее ближайшее участие в низвержении Сперанского было совсем не благовидным уже по одному долгу, что назначение Балашова членом Гос. Совета и Министром [полиции] произошло по выбору и представлению Сперанского, вполне доверявшего ему и считавшего его искренним и преданным ему человеком.

В прим.: Хотя поручение это он [Балашов] в своих записках и называет для себя особенно „тяжелым“»¹.

№ 11

Письмо Михаилу Михайловичу Сперанскому.

«6 декабря 1812 г.

Милостивый Государь мой Михаил Михайлович!

Письмо Вашего Превосходительства и всеподданнейшее прошение я имел честь получить и повергнуть высочайшему усмотрению. Государю Императору угодно было определить на содержание ваше 6000 в год, что для исполнения от меня уже и сообщено... министру финансов. Касательно отобратливого письма вашего [мне] посланного, Его Величество изволил отозваться, что причиной сего был [прием] скрытности тому отправлению данный, то есть что письмо было зашито в шапку, что изволит находить... несоответствующим положению Вашему равно и скрытность против на серебряных денег. Я к сему присовокупить должен, что в точнейшее изъяснение образа поступков господина губернатора ему... подтвердить, дабы высочайшая воля вполне и не далее пределов его означенных была исполнена.

О сих Гос. Совете я до сих пор еще ничего не слыхал и исполнить желание Вашего Превосходительства я не нахожу со своей стороны никакого препятствия.

Пребывать с истинным почтением Вашего Превосходительства покорнейший слуга

А. Балашов»².

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 152. Военский К.А. Д. 432. Л. 1–1об.

² Отдел рукописей РНБ. Ф. 731. Сперанский М.М. Оп .1. Ед. хр. 2019. Л. 1–1 об.

Официальное письмо А.Д. Балашова Авдею Николаевичу Супоневу с изложением о назначении его Владимирским гражданским губернатором, март 1812 г.

Копия.

«Милостивый государь мой Авдей Николаевич!

Государь Император в 23 день сего марта всемилостивейше пожелать соизволил вашему Превосходительству быть Владимирским гражданским губернатором. Прежде нежели получите вы милостивый Государь мой о сем Указ из Правительствующего Сената официально я считаю нужным для сведения вашего предварительно препроводить к вам копию с Высочайшего Указа, пребываю с истинным почтением Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Подпись Балашова.

Март 1812 г.

Его Превосходительству

А.Н. Супоневу.

Указ Правительствующему Сенату. Копия.

Владимирского гражданского губернатора тайного советника князя [Ивана Михайловича] Долгорукого за разные без[с]порядки по губернии отставить от службы¹. Всемилостивейше повелеваем на месте его быть отставному генерал-майору Супоневу, переименовав его в действительные статские советники. В Санкт-Петербурге марта 23 дня 1812 года.

На подменном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако:

Александр

Контросигнировал

Министр полиции А. Балашов»².

¹ О причине отстранения от службы владимирского гражданского губернатора князя И.М. Долгорукого, исполнявшего свою должность с 1802 г., и которого высоко ценил граф В.П. Кочубей, подробно пишет сам И.М. Долгоруков. См. Князь И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни... Т. 2. СПб.: Наука, 2005. С. 209–257.

² Отдел рукописей РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 120. Л. 2.

№ 13

Письмо А.Д. Балашова Григорию Ивановичу Виламову¹.

«Санкт-Петербург
27 июня 1815 г.

Милостивый Государь мой Григорий Иванович!

Сию минуту приехав в Петербург и осмотрев увидел, что в суетах не поднес я еще одного письма Его Императорскому Величеству из мною привезенных; всеусерднейше прошу Ваше Превосходительство сделать мне одолжение исполнить сие и вместе повергнуть меня к высочайшим стопам. Испросить прощения в неумышленном проступке моем, для чего и прилагаю у сего означенное письмо.

Пребываю честь имеющий и с особенным почтением искренней преданностью

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

А. Балашов»².

№ 14

Письмо А.А. Аракчеева А.Д. Балашову.

«От 19 февраля 1824 г.

Граф [А.А.] Аракчеев свидетельствует Его Превосходительству Александру Дмитриевичу Балашову почтение и «имею честь препроводить при сем по воле Государя Императора меморию Комитета [господ министров – П.Н.] от 27 октября 1823 г. из которой нужно вам только прочесть статью под № 1856 и пожаловать назначить мне с вами свидание для исследования по онай воле Государя Императора»³.

№ 15

Прошения (2) в Санкт-Петербургскую Палату Гражданского Суда (на имя императора Александра I) о выдаче засвидетельствованной копии на купчую крепость. 1819–1824 гг.

Прошение № 1.

«28 февраля [1819 г.].

¹Виламов Григорий Иванович (1773–1842). Назначен в 1801 г. состоять при вдовствующей Императрице Марии Федоровне для исправления дел.

²Отдел рукописей РНБ. Ф. 143. Архив Виламова. Ед. хр. 11. Л. 1.

³Отдел Рукописей РНБ. Ф.29. Граф А.А. Аракчеев. Ед. хр. 17. Л. 1.

Всепресветлейший Державный Великий Государь Император Александр Павлович Самодержец Всероссийский Государь Всемило-
стивейший.

Просит генерал-лейтенант и кавалер Александр Дмитриевич сын Балашова о нижеследующем.

В прошлом 1814 года августа 10 дня купил я у генерал-майорши Елизаветы Михайловны – дочери Цымермановой недвижимое ее имение состоящее в Тульской губернии Каширской округи в сельце Шебачневе писанных за нею бывшей шестой ревизии мужского пола крестьян 49 душ, да живущих в том же сельце, а по ревизии... за 60 тыс. рублей государственными ассигнациями. Цымерманова просит дать ей копию купчей на это имение для представления в Тульскую Гражданскую палату.

Всемилоствейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить в феврале 1819 г.»¹.

Прошение № 2.

«№ 868 4 февраля 1824 г.

К Императору Александру I. Просит генерал от инфантерии Вашего Императорского Величества генерал-адъютант, член [Комитета господ Министров] и Государственного Совета, Сенатор и Кавалер сын Балашов о нижеследующем:

Супруга моя кавалерственная дама Елена Петровна дочь, урожденная Бекетова, духовным завещанием по смерти ее явленным прошлого 1823 года октября 19 дня в Рязанской Палате Гражданского Суда, завещала возвратить мне закладную писанную от меня на имя ее в 1817 году января 11 дня суммою в пятнадцать тысяч рублей под залог недвижимого имения моего, состоящего в Санкт-Петербургской губернии Шлиссельбургского уезда, село Шапки с деревнями как по купчей совершенной того же и месяца 10 дня от надворного советника Федора Яковлева сына Дубинского, значит; в согласности чего и возвращена она мне от исполнителей того завещания статского советника и кавалера Ивана Петровича Бекетова и тайного советника, сенатора и кавалера Сергея Сергеевича Кушникова и соответственно вам завещательницы надписью. Но как в той закладной значаща-

¹ Балашову А.Д. было сообщено о положительном решении его просьбы и подтверждение о выдаче им купчей на законном основании.

яся сумма, отнюдь не есть дарственная, а входит непосредственно в состав указанной седьмой части, из имени по ней мне доводящейся; для того представлял я оную из сего копию, а всеподданейше прошу я сему дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указать повеление было сие мое прошение с подменною закладною, копию с оной и тремя листами гербовой бумаги Санкт-Петербургской Палаты Гражданского Суда во второй департамент – приняв, отметить по каким закладным уничтоженного упомянутое имя мое от запрещения сделать свободным и учиня на той подлинной закладной о том надпись, оную мне возвратить под расписку. Санкт-Петербургского купца Алексея Иванова сына Брокгаузена коему и прошение сие второе подать.

Всемиловитейший Государь прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении учинить решение февраля... дня 1824 г.

Прошение писал титулярный советник и кавалер Григорий Михайлов сын Савинков.

Генерал от инфантерии генерал-адъютант Александр Дмитриевич Балашов руку приложил»¹.

№ 16

Официальное письмо А.Д. Балашова Астраханскому губернскому прокурору о получении денег пожертвованных воинскими частями на сооружение памятника Дмитрию Донскому.

«23 сентября 1825 г.

Рязань

Господину Астраханскому губернскому прокурору.

Получив при представлении Вашем от 14 августа 72 рубля 46 копеек пожертвованные воинскими чинами Астраханского Казачьего Войска на сооружение памятника в честь победы одержанной Великим Князем Дмитрием Ивановичем Донским на Куликовом поле честь имею Вас о том уведомить.

Балашов

Коллежский секретарь И. Малофеев

От генерал-губернатора Рязанского, Тульского, Орловского, Воронежского и Тамбовского Особенная Канцелярия, стол Письмоводства.

23 сентября 1826 г.»².

¹ Отдел рукописей РНБ. Ф. 1000. Собрание автографов. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 2, 3, 3 об.

² Отдел рукописей РНБ. Ф. 1000. Собрание автографов. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1.

ОТПУСКИ ПИСЕМ ОСОБЕННОЙ ЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ

Письма и распоряжения царствующих особ Дома Романовых

Письмо Александра I А.Д. Балашову по случаю рождения его сына.

«Господин генерал-майор Балашов. Поздравляю вас с новорожденным сыном, с удовольствием соглашаюсь быть ему восприемником, представляя вам препоручить кому заблагорассудит исполнить сей долг за меня.

Пребываю вам благосклонным Александр.

Копия.

В СПб. 11 июля 1801 г.»¹.

Письмо А.Д. Балашову от императрицы Марии Федоровны.

«Александр Дмитриевич!

Усмотрев из письма вашего к приложенной при этом записке, утвержденное Императором, любезнейшим моим сыном предположение соорудить на Куликовом поле памятник незабвенному в Отечественной истории Великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому, я поставлю себе удовольствием участвовать в сем предприятии. Прилагая здесь Мое приношение на сей предмет. Я сопровождаю оное искренним желанием о благополучном совершении сего подвига народной признательности, и охотно пользуясь при этом случаем для изъявления вам уважения, с каковым я пребываю вам благосклонною.

Мария.

В Павловске.

„ “ июня дня 1825 г.»².

Указ Правительствующему Сенату.

«Исправляющему должность Криз-Комиссара генерал-майору Балашову Всемилостивейше повелеваем быть Санкт-Петербургским обер-полицмейстером с определением ему того самого жалования и содержания какое он по званию обер-полицмейстера получив [ал] в Москве.

Контросигнировал

к[нязь] Алексей Куракин»³.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 1.

³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 35.

Император Александр I А.Д. Балашову.

«Господину Министру полиции Санкт-Петербургскому военному губернатору Балашову.

Отъезжая на некоторое время из Санкт-Петербурга назначил я в отсутствие Моем быть Главнокомандующим в столице генерала от инфантерии Вязьмитинова с возложением на него же и обязанностей Министра полиции вам повелеваю находиться при Мне с сохранением теперешних званий ваших и с исправлением по оным тех дел, которые на вас, по нахождению вашему при мне, возлагаемы от меня будут.

В следствии сего передав настоящий порядок дел кои следует, вы не оставите иметь взаимных сношений с генералом от инфантерии Вязьмитиновым, дабы обоим Вам в полной быть известности о течении оных.

Пребываю вам благосклонный Александр
На подлинном подписано
Собственною Его Императорского
Величества рукою
В Санкт-Петербурге
28 марта 1812 г.»¹.

Примечание: следовательно, А.Д. Балашов, как видно из распоряжения Александра I, полностью не освобождался от обязанностей министра полиции. Он как бы дублировал полицейские обязанности, а фактически обязан был осуществлять контроль за деятельностью генерала Вязьмитинова.

Государственному Совету.

«Члена Государственного и Военного Советов генерала от инфантерии, генерал-адъютанта Балашова, согласно прошению его по расстроенному здоровью Всемилоостивейше увольняем вовсе от службы.

На подлинном подписано
Собственною Его Императорского
Величества рукою Николай
г. Орел
23 сентября 1834 г.»²

Примечание: решение об увольнении А.Д. Балашова было подписано в г. Орле во время проведения Николаем I инспекторского

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 1.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1.

смотра войск гарнизона и ознакомления с ходом дел в губернии, начальником которой [гражданским губернатором] был Аркадий Васильевич Кочубей, в доме которого в течение недели жил государь император.

«Дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества имеет честь уведомить Его Превосходительство Александра Дмитриевича, что Государю Императору угодно иметь портреты всех генералов бывших в кампании 1812-го года, кои списываются живописцем Дову на казенный щет [счет], а потому не угодно ли Его Превосходительству завтра поутру в 10.00 часов пожаловать для сего в Эрмитаж, где живописец будет находиться.

№ 3966

С.Петербург

17 ноября 1819 г.

Его Превосходительству А.Д. Балашову»¹.

23 января – 23 декабря 1823 г.

В письме к князю Дмитрию Владимировичу Голицыну [московский генерал-губернатор] А.Д. Балашов просит на несколько дней отпустить в Рязань коллежского советника Карина, чтобы получить от него консультацию о строительстве шоссе или насыпной дороги и дорожек².

«Графу Алексею Андреевичу Аракчееву.

Уведомление Вашего Сиятельства меня о высочайшем указе коим статский советник Трофимов назначен в Государственный совет помощником статс-секретаря, примлю к новым доводам лестного мне благорасположения Вашего. Трофимов долго служил при мне и смело удостоверить могу, что он прямо честный человек. Честь имею его рекомендовать Вашему Сиятельству, знаю, что Вы сего свойства людям в попечительстве не отказываете.

При сем случае как и во всяком прошу принять вновь свидетельство отличного моего почтения и преданности с которыми пребывать честь имею.

26 июля 1823 г.»³.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 8.

² Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5.

³ Там же. Л. 17.

«Графу Виктору Павловичу Кочубею.

Приношу усерднейшую мою благодарность Вашему Сиятельству за приятное напутствие Ваше при отъезде Вашем из Санкт-Петербурга обо мне и за лестных на мой счет выражений, я вяжшую благодарность мою приношу за постоянное благорасположение Ваше, которым пользовался во все течение разнovidной службы моей. Вы в полицмейстерстве мое, министерство и губернаторство всегда одинаковые ко мне доброхотство изъявляли.

Примите душевную признательность мою и сохраните мне оное навсегда; во мне же конечно всегда найдете человека, пребывающего с отличевским уважением, истинной преданностью.

16 августа 1823 г.»¹.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 27.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Петр Дмитриевич Николаенко
доктор исторических наук, доцент,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

**ПОРТРЕТЫ МИНИСТРОВ
В.П. КОЧУБЕЯ И А.Д. БАЛАШОВА**

Монография

Редактор *Корчуганова И.А.*
Техническая правка и компьютерная верстка *Савиных А.И.*
Обложка *Савиных А.И.*

ISBN 978-5-91837-080-3

Подписано в печать 18.06.2018. Формат 60х84

Печать цифровая. Объём 12,25 п.л.

Тираж 200 экз. (1-й завод 100 экз.) Заказ № 55/18

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.